

АНА МЕНСКА

Часть 1

Дука и закон любви

18+

Неаполитанские девы

Ана Менска

Фьорелла. Закон любви. Часть 1

«Автор»

2026

Ана Менска

Фьорелла. Закон любви. Часть 1 / Ана Менска — «Автор»,
2026 — (Неаполитанские девы)

Обратите внимание: книги цикла не связаны общим сюжетом — каждая история самостоятельна и завершена. Их можно читать в любом порядке! Неаполь 1771 года... Фьорелла Сильвестри, умная, утонченная дочь профессора древних языков, рано познала горечь утрат. Но главный удар судьбы впереди. Новый опекун Фьоры — князь Алессандро Филанджери, циничный адмирал Испанской армады, привыкший брать желаемое штурмом. Заключив вынужденный брак с теткой девушки, он обретает полную власть над сиротой. То, что вспыхивает в его душе, — не нежность, а темная, губительная одержимость. Адвокат Витторе Ранелли, чье благородное сердце безраздельно принадлежит Фьоре, готов стать её надежным щитом. Двое сильных мужчин сходятся в незримом и опасном поединке. Что победит в этом роковом треугольнике: разрушительный напор слепой страсти или самоотверженность светлого чувства? Сможет ли Фьорелла сквозь боль и страх отстоять право на свободу, доказав, что ее сердце послушно собственному, высшему закону? Закону любви.

© Ана Менска, 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	6
Глава 1	7
Глава 2	34
Глава 3	49
Глава 4	71
Глава 5	85
Глава 6	103
Глава 7	120
Конец ознакомительного фрагмента.	132

Ана Менска

Фьорелла. Закон любви. Часть 1

© Все права на эту книгу защищены. Никакая часть электронной или печатной версии не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Дудина С. В., 2026

От автора

Большинство персонажей этой книги рождены писательской фантазией, поэтому любое совпадение их имен с именами реальных людей является случайностью. Все описанные события — плод авторского воображения.

В романе также присутствуют подлинные исторические лица. Однако их характеры, мотивы и поступки представляют собой художественное допущение. Автор не стремился к созданию документальной хроники, а потому данное произведение не претендует на абсолютную историческую достоверность, правдивость и полноту академических сведений.

Глава 1

— Ваша светлость, имею честь сообщить, что его величество был вынужден отменить назначенную вам аудиенцию, — произнес камергер¹ королевского двора ровным, бесстрастным голосом.

— Отказал в приеме? — Алессандро нахмурился, не скрывая удивления. — Причина во мне, или короля отвлекли неотложные государственные дела?

— Именно так, государственные дела, — придворный едва заметно поклонился. — В Палаццо Реале² прибыли высокие депутации из Мадрида и Версаля. Как изволите понимать, в связи с этим дворец погрузился в исключительные и весьма спешные хлопоты.

— К нам прибыл Его Величество Испанский король? — в вопросе Алессандро явно прозвучало воодушевление, в котором засквозила надежда на скорое разрешение вопроса, приведшего его на аудиенцию к неаполитанскому королю. И эта надежда была небезосновательной, ведь именно король Испании Карлос III, бывший в прошлом королем Неаполитанского королевства Карлом VII, сыграл в судьбе Алессандро Дамиано Филанджери Ла Фарина не просто важную, но во многом именно определяющую роль.

Карл был первенцем от второго брака Филиппа V Испанского с Элизабеттой Фарнезе. В детстве будущий король был лишь третьим в линии наследования испанского престола, поэтому его мать-итальянка, претендовавшая на наследство Фарнезе и Медичи, двух итальянских династий, находившихся на грани исчезновения, предприняла мощные дипломатические усилия, чтобы обеспечить своего первенца короной в Италии.

В 1731 году в 15-летнем возрасте Карл стал правителем в герцогствах Пармы и Пьяченцы. Чуть позже он был объявлен наследным принцем Великого герцогства Тосканы. Еще через три года, во время войны за польское наследство, командуя испанскими армиями, Карл завоевал Неаполитанское королевство, а в следующем году — Сицилийское, освободив их от австрийского господства. В 1738 году по мирным договорам, предполагающим отказ от прежних итальянских владений в пользу Габсбургов и Лотарингии, он был признан сувереном двух этих королевств. Таким образом, родоначальник ветви Бурбонов на неаполитанском и сицилийском престолах положил начало периоду политического возрождения, экономического подъема и культурного развития юга Италии.

Однако в начале правления Карл VII столкнулся со множеством веками нерешаемых проблем. Одной из них было пиратство в водах Средиземного моря, омывающего берега подвластных ему ныне территорий. Берберские пираты, османские корсары, каперы и приватиры³ всех мастей, зачастую с ведома верховных властей своих государств, захватывали торговые корабли неаполитанских негоциантов, участвовали в разграблениях и набегах на прибрежные города и деревни, брали в плен для последующей продажи в мусульманское рабство христиан-католиков.

Всех их ждала разная судьба. Мужчины по преимуществу проживали дни своей жизни прикованными к веслам в качестве рабов на галерах. Неаполитанские девушки, славившиеся красотой, с радостью раскупались на невольничьих рынках Северной Африки, где они впо-

¹ Камергёр королевского двора (итал. *Cameriere di corte*) — придворный чин, отвечающий за организацию и сопровождение церемоний при дворе монарха, а также за назначение аудиенций и другие вопросы, связанные с приемами и официальными мероприятиями.

² Пала́ццо Реа́ле (итал. *Palazzo Reale di Napoli*) — Королевский дворец в Неаполе; главная резиденция монархов династии Неаполитанских Бурбонов на протяжении XVIII века.

³ Ка́перы (нем. *Kaper*), корса́ры (франц. *corsaire*), привати́ры (англ. *privateer*) — частные лица, которые с разрешения верховной власти воюющего государства использовали вооруженное судно с целью захвата торговых кораблей неприятеля (а иногда и судов нейтральных держав). То же название применяется к членам их команд.

следствии долгие годы проводили в качестве наложниц в гаремах или были прислужницами во дворцах султанов.

Пиратство было очень серьезной проблемой. Неаполю приходилось заниматься выкупным торгом: вывозить за хорошую мзду из пиратского плена и людей, и корабли. Средства на эти нужды систематически собирались во всех церквях Неаполитанского королевства. Карл учредил так называемый *Monte di Pietà per i Schiavi* — ломбард, или залоговый банк, для освобождения рабов. Однако всех этих мер было недостаточно. Проблему следовало решать радикально. Требовалось не только выкупать пленников и захваченные пиратами корабли, но и развивать военно-морской флот государства, выращивая плеяду новых флотоводцев, способных конкурировать с командующими ведущих морских держав.

По замыслу Карла VII, флот Неаполя должен был стать весомым довеском к мощной испанской армаде, принося королевству весомые дипломатические козыри. В условиях, когда Испания прочно связана союзом с Францией, а Австрия — с Британией, сильный Неаполитанский флот позволил бы умело разыграть эту карту. Извечные противники были бы вынуждены бороться за привлечение Неаполя на свою сторону. Для самого королевства это открыло бы путь к мощным преференциям, превратив его в ключевого игрока в регионе, и существенным образом изменило бы баланс сил во всем Средиземноморье.

Решение этой проблемы Карл Бурбон поручил своему сподвижнику Хосе Хоакину Гусману⁴. Этот человек занимал должность первого государственного секретаря, а также отвечал за иностранные дела, войну, морское ведомство и королевский дом. В качестве министра он принялся за создание неаполитанских вооруженных сил, в частности, Арматы Наполетаны⁵.

С этой целью в 1746 году им было поручено послать нескольких сыновей влиятельных аристократических родов Неаполя к себе на родину, в Королевскую роту гардемаринов⁶ в Кадисе⁷. Среди отобранных пяти юношей оказался и младший сын его приятеля и подчиненного, бригадного генерала и фельдмаршала Джорджо Алессандро Филанджери Ла Фарина, князя ди Сатриано, князя ди Арианиелло.

Алессандро Дамиано с детства грезил морем, поэтому решение отца отправить 12-летнего сына в Кадис совпало с его собственным желанием. Военное ремесло стало той самой тонзурой⁸, которую оставил ему в наследство отец.

В шестнадцать лет Филанджери окончил академию, шлепнул ладонью по «коже тельца»⁹ и пополнил собой ряды «синих курток»¹⁰. Он отправился служить на один из испанских кораблей под командование военно-морского офицера Луиса де Кордова-и-Кордова¹¹.

⁴ Хосé Хоакín Гусман де Монтеалéгре и Андраде, маркиз, а затем (с 1740 года) герцог Салас, также называемый маркизом или герцогом Монтеалéгре (1698–1771) — испанский дипломат и политик, государственный секретарь Карла Бурбона в Неаполе с 1738 по 1746 год.

⁵ Арма́та Наполета́на (итал. *Armata Napoletana*) — официальное название военно-морских сил Неаполитанского королевства. В середине XVIII века, в эпоху правления Карла Бурбона, флот пережил масштабную реорганизацию, превратившись в одну из самых значимых морских сил Средиземноморья.

⁶ Королевская рота гардемари́нов (исп. *Real Compañía de Guardias Marinas*) — военное учебное заведение, занимающееся подготовкой морских офицеров. Было основано Хосе Патињо в 1717 году в Ка́дисе. В 1751 году его возглавил известный ученый и администратор Хорхе Хуа́н-и-Сантаси́лиа.

⁷ Ка́дис (исп. *Cádiz*) — один из важнейших портов страны в XVIII веке, расположенный на юго-западе Испании. Стратегическое положение на Гибралтарском проливе делало его идеальным местом для обучения моряков.

⁸ *A chiereca 'o pate 'a lassa ê daughters* (неап.) — тонзура, которую отец оставляет (в наследство) своим сыновьям. В фигуральном смысле это ремесло, которое родитель передает своим детям. *Chiereca* (итал.) — тонзура. [Тонзу́ра — выстриженное или выбритое на голове католических монахов и священников место в знак принадлежности к церкви].

⁹ *Jurar dando una palmada a la piel de ternera* (исп.) — шлепнуть по коже тельца, т. е. присягнуть, приложив руку к Библии при принесении присяги. Это выражение связано с тем, что обложки книг, особенно Библий и официальных реестров (судебные книги и журналы), делались из выделанной телячьей кожи. Когда человек клялся на Библии или официальном реестре, он буквально клал руку на переплет из телячьей кожи.

¹⁰ На испанском флоте военных моряков, носящих синие мундиры, называли «Синими куртками» (исп. *Chaquetas azules*). Офицеры флота обычно носили темно-синие камзолы с серебряными или золотыми пуговицами и такой же отделкой. Матросы

Первый этап его морской карьеры был отмечен успешными походами, которые заслужили одобрение со стороны непосредственного руководства и похвалу от испанского короля Фердинанда VI¹². Довольно скоро молодой Филанджери был повышен в звании до альфереса-де-фрагата — младшего офицера или прапорщика.

Под предводительством Луиса де Кордовы неаполитанский морской офицер «обнимался с Пало-Майор»¹³ целых шесть лет. За эти годы он принимал участие в сопровождении различных конвоев Каррера-де-Индиас¹⁴, в результате чего был достаточно быстро произведен сначала в звание старшего прапорщика (альферес-де-навио), а затем и в лейтенанты (теньенте-де-фрагата). В период с 1754 по 1756 годы Филанджери отличился в борьбе с контрабандой в Картахене-де-Индиас¹⁵. За это он получил повышение до капитана и принял под свое командование 40-пушечный фрегат¹⁶.

Тогда же Алессандро обзавелся привычкой курить табак. Он знал в этом деле толк, предпочитая крепкий вирджинский — для трубки, а терпкий и ароматный из Веракруса и кубинские сигары — для особых случаев. Алессандро не терпел модных сладких смесей, отдавая должное только настоящим мужским сортам курительного табака.

В 1757 году его парусник вошел в эскадру из трех кораблей и двух фрегатов, которой командовал генерал-лейтенант Педро Фиц-Джеймс Стюарт¹⁷. В составе эскадры капитан Филанджери действовал в Северном, а затем и в Средиземном морях. Во время Семилетней войны¹⁸ получил порцию «синих слив от Смуглой Бесс»¹⁹.

Через два года корабль Филанджери прикомандировали к эскадре из 12 фрегатов, восьми корветов и шести шебек²⁰, возглавляемой генерал-капитаном Хуаном Хосе де Наварро де Виана-и-Буфало²¹. После смерти короля Испании Фердинанда VI эскадра перевезла его родного брата, нового короля Испании Карлоса III (бывшего до этого неаполитанским королем

— синие куртки с белой отделкой и синие шаровары.

¹¹ Луис де Кóрдова-и-Кóрдова (1706–1796) — испанский адмирал.

¹² Фердинáнд VI (1713–1759) — король Испании (1746–1759), сын Филиппа V и его первой жены, Луизы Савойской, родной брат Неаполитанского короля Карла VII и двоюродный брат французского короля Людовика XV.

¹³ Пáло-Майóр (исп. *palo mayor*) — грот-мачта, главная (большая) мачта на корабле. Выражение «обниматься с Пало-Майор» означает «нести морскую службу».

¹⁴ Каррeра-де-Индиас (исп. *Carrera de Indias*) — так назывались морские путешествия из материковой Европы (в том числе Испании) в Индию в торговых целях.

¹⁵ Картахeна-де-Индиас (исп. *Cartagena de Indias*) — город на севере Колумбии, основанный в 1533 году испанским конкистадором Педро де Эредиа на месте индейского поселения. Ныне административный центр департамента Боливар.

¹⁶ Фрега́т (исп. *fragata*) — крупный военный корабль XVIII века, обычно вооруженный 30–44 пушками, предназначенный для охраны торговых путей, патрулирования и участия в морских сражениях; в испанском флоте командованием фрегата обычно управлял офицер в звании *Capitán de Fragata*.

¹⁷ Пeдрó Фиц-Джеймс Стю́арт и Колóн де Португалия, IV маркиз де Сан-Леона́рдо (1720–1789) — испанский генерал-лейтенант, а позже генерал-капитан военно-морского флота.

¹⁸ Семилетняя война (1756–1763) — крупный международный конфликт между коалициями, включавшими Великобританию, Пруссию и их союзников с одной стороны, Францию, Австрию, Россию, Испанию и их союзников — с другой. Война велась в Европе, Северной Америке, Индии, Карибском регионе и на морях, и считается первым в истории глобальным конфликтом. Итогом стало значительное перераспределение колониальных владений, особенно в пользу Великобритании.

¹⁹ Порция синих слив от Смуглой Бесс (исп. *Una ración de ciruelas azules de la Morena Bess*) — сленговое выражение, означающее пули (свинцовые — иногда с голубоватым оттенком), летящие из мушкетов солдат британской армии XVIII века. Смуглая Бесс (англ. *Brown Bess*) — прозвище, под которым получил известность стандартный мушкет британской армии — мушкет сухопутного образца (англ. *Land Pattern Musket*). «Браун Бесс» оставалась штатным оружием британцев в течение более чем столетия: впервые выпущенное в 1722 году, это ружье было окончательно заменено на новые образцы лишь накануне Крымской войны (в середине XIX века).

²⁰ Шебе́ка (итал. *sciabecco*, от араб. шабак) — парусно-гребной быстроходный вооруженный корабль, использовавшийся в XVIII веке почти исключительно в Средиземном море.

²¹ Хуáн Хóсе де Навáрро де Виáна-и-Бу́фало (1687–1772) — испанский дворянин, моряк и военный, первый маркиз де ла Виктория, виконт Виана и первый генерал-капитан испанского королевского флота.

Карлом VII), и всю монаршую семью из Неаполя в Барселону, за что Алессандро Дамиано Филанджери был удостоен звания кавалера ордена Калатравы²².

В 1765 году в составе Кантабрийской эскадры из девяти кораблей под командованием всё того же адмирала Наварро он сопровождал испанскую инфанту Марию Луизу на свадьбу с ее женихом, великим герцогом Тосканы эрцгерцогом Петером Леопольдом, вторым сыном императора Священной Римской империи Франца I. А сразу же после этого эскортировал для торжественного венчания из Италии в Испанию невесту наследника испанского престола Карлоса Марию Луизу де Бурбон-Парма.

18 октября 1766 года на верфи в Гуарнисо был спущен на воду 74-пушечный двухпалубный линейный корабль²³ «Сан-Хуан-Непомусено»²⁴. Это парусное судно было классическим представителем крупных боевых кораблей, предназначенных для линейного строя в морских баталиях. Взойти на его капитанский мостик и командовать экипажем из пятисот семидесяти человек было доверено 32-летнему капитану де навío²⁵ дону Алехандро Дамиану Филанхьери.

В течение следующих шести лет корабль Филанджери в составе эскадры занимался эскортом конвоев и охраной транспортов, разведкой и прикрытием при депортации иезуитов в Папскую область в 1767 году и переброске войск из Эль-Ферроля²⁶ в Наварру²⁷ годом позже. Помимо этого, «Сан-Хуан-Непомусено» продолжил бороться с пиратством в Средиземном море.

В 1769 году кораблю Филанджери удалось захватить алжирский корсарский парусник «Машаллах»²⁸. Линейный корабль дона Алехандро Филанхьери вернулся в порт приписки с двумя сотнями военнопленных, шестьюдесятью спасенными христианскими рабами и значительной добычей. После этого последовал ряд громких и успешных операций по борьбе с буканьерами²⁹ и флибустьерами³⁰ в Карибском море. За эти выдающиеся кампании бригадир³¹ Филанхьери в 1771 году был повышен в звании до командующего эскадрой.

На этом посту он сменил своего бывшего командира, 83-летнего адмирала Наварро, страдающего рожистым воспалением ноги, уже перешедшем в гангрену. В реляциях, поданных на имя испанского монарха, умирающий адмирал сам рекомендовал подчиненного в качестве приемника на посту командующего эскадрой. Считая Филанджери капитаном, сомасштабным

²² Орден Калатравы (исп. *Orden de Calatrava*) — один из четырех испанских военных орденов и первый военный орден, основанный в Кастилии, и второй, получивший папское одобрение.

²³ Линейный корабль (исп. *Navío de línea*) — тип тяжелого военного корабля с тремя мачтами, прямым парусным вооружением и двумя — тремя орудийными палубами.

²⁴ Боевой корабль, названный в честь католического святого, священника и мученика Яна Непомуцкого (1350–1393). В католических странах (особенно в Испании) было принято называть военные корабли именами святых покровителей, чтобы получить их защиту и благословение на море. Ян Непомуцкий считался защитником от наводнений, бурь, а также покровителем моряков. Его имя должно было приносить удачу и безопасность кораблю и экипажу. Житие святого — пример стойкости, верности долгу и чести, что было созвучно идеалам военного флота.

²⁵ Капитан де навío (исп. *Capitán de navío*) — эквивалент капитана первого ранга в русском флоте или *post-captain* — в британском.

²⁶ Эль-Ферроль (исп. *El Ferrol*) — город и муниципалитет на северо-западе Испании, находится в составе района (комарки) Ферроль, расположен на севере провинции Ла-Корунья в составе автономного сообщества Галисия.

²⁷ Наварра (исп. *Comunidad Foral de Navarra*) — прежде королевство, ныне автономное сообщество и провинция на севере Испании, у южной подошвы западных Пиренеев, на границе с Францией.

²⁸ Машаллах (араб. **مَا شَاءَ اللَّهُ**) — арабское ритуальное молитвенное восклицание, междометное выражение, означающее «то, что пожелал Аллах».

²⁹ Буканьеры (исп. *Bucaneros*) — охотники и пираты, в основном французы и англичане, промышлявшие на Гаити, Ямайке и других островах.

³⁰ Флибустьеры (исп. *Filibusteros*) — в испанских хрониках, документах и литературе XVIII века употреблялось для обозначения пиратов Карибского моря, действовавших вне закона, часто враждебных Испании.

³¹ Бригадир (исп. *Brigadier*) — младший адмиральский чин, промежуточный между капитаном корабля (исп. *capitán de navío*) и контр-адмиралом (исп. *jefe de escuadra*). Бригадир мог командовать дивизионом или группой кораблей, но не всей эскадрой.

задачам, которые ставились, он отмечал его без преувеличения выдающиеся умения и навыки в морской навигации и военном деле, а также заслуживающие внимания лидерские и командные качества.

Из рук Карлоса III командующий эскадрой дон Алехандро Филанхьери получил золотую шкатулку, богато украшенную бриллиантами. На крышке было выгравировано выразительное посвящение, в коем обыгрывалось значение имени³² одариваемого: «*Homini, qui mala depellit*. — Человеку, который отгоняет зло». Помимо этого, король Испании наградил Филанджери только что учрежденным в ознаменование рождения внука Королевским Достопочтенным Орденом Карлоса III — самой ценной в то время наградой.

А вот в приватной беседе монарх посоветовал одному из самых молодых командующих эскадрой армады отправиться на службу на родину, в Неаполь. «Мой двадцатилетний сын Фердинанд нуждается в таких смелых и храбрых командирах, как вы», — такими были слова испанского короля, и они были сродни приказу.

Однако, вернувшись в родные края, Алессандро Дамиано не довелось сразу же влиться в когорту командующих военно-морским флотом Неаполитанского королевства. Его, как мощной снежной лавиной, накрыло семейными проблемами, требующими не просто личного участия, но и разрешения в максимально короткие сроки. Собственно, именно за этим Филанджери и прибыл в Палаццо Реале.

Алессандро даже в самом страшном сне не могло присниться, что ему, кого в Испании уважительно именовали *hombre de calzones*³³ — «мужчиной в штанах», — придется примерить иные «штаны», вернее, жалкие «штанишки» просящего. Тем не менее именно так всё и было. Он пришел в Палаццо Реале, чтобы подать прошение на имя Его Величества Фердинанда IV с просьбой разрешить заключить мorganатический брачный союз.

В Неаполитанском королевстве, как и по всей Европе, такие браки были фактически запрещены как для членов королевской семьи, так и для высшей знати, к коей род Филанджери и относился. Династические уставы и каноническое право предусматривали, что браки членов правящих и княжеских домов должны заключаться с равными по статусу, чтобы сохранить чистоту крови и династические права.

Такой брак рассматривался как подрыв основ рода и угроза наследию. Исключения могли быть только в случае особых заслуг, политической и финансовой необходимости или личной милости короля. Однако даже в случае разрешения такой союз не признавался полностью равным обычному браку, а дети от него не имели династических прав. Прodelать дыру в этом законе мог лишь король Фердинанд IV. Ходить по инстанциям и обивать пороги (в Неаполе это называют «паломничеством по семи церквям»³⁴) Филанджери не хотел, поэтому решил сразу же обратиться к молодому королю.

В день судьбоносного визита в Палаццо Реале Алессандро облачился в парадную форму офицера Испанской королевской армады: темно-синий суконный мундир, расшитый золотыми галунами, сверкавшими на лацканах, красных манжетах и клапанах карманов; алый жилет, украшенный тонкой золотой вышивкой, и светлые кальсонес³⁵, плотно облегающие ноги и под-

³² Имя героя восходит к древнегреческому имени *Ἀλέξανδρος* (*Aléxandros*). Состоит из двух частей: *ἀλέξειν* (*alexein*) — глагол, означающий «отгонять», «защищать», «отвращать», и *ἀνήρ* (*anēr*) — существительное, означающее «мужчина», «человек». Таким образом, буквально имя Александр означает «защитник людей» или «человек, который отгоняет зло».

³³ *Hombre de calzones* (исп.) — буквально — мужчина в штанах. Идиоматическое выражение, описывающее человека твердого характера, мужественного, решительного, способного нести ответственность за свои поступки.

³⁴ Паломничество по семи церквям (итал. *Far la visita delle Sette Chiese*) — в прямом смысле это старинный религиозный обряд, распространенный в Италии, когда паломник посещает семь главных храмов города (например, в Риме или Неаполе) в знак покаяния и духовного поиска. В переносном смысле выражение означает длительное, утомительное хождение по многочисленным учреждениям и обращение к разным чиновникам в поисках решения вопроса или разрешения проблемы.

³⁵ Кальсонес (исп. *calzones*) — короткие, плотно облегающие штаны до колен, застегивавшиеся под ними на пуговицы или пряжки. В XVIII веке являлись обязательным элементом испанской военной формы.

черкивавшие атлетичность его фигуры. Являясь приверженцем личного стиля, адмирал пренебрег традиционными белыми чулками и туфлями с золотыми пряжками, предпочтя им новые черные английские сапоги из опоека³⁶ — практичные, но элегантные. Кружевная роскошь, столь любимая при дворе, у Филанджери вызывала отторжение: манжеты и жабо белой сорочки были без изысков, строго плиссированными.

И даже визит в королевский дворец не заставил его смириться с ненавистным париком. Филанджери презирал все эти новомодные парижские ухищрения: мешочки, кошелечки, сетки и банты для волос, косиц и хвоста, предпочитая ходить с распущенными волосами. Когда на море поднимался ветер, он стягивал волосы на затылке в хвост кожаным шнурком. Парик надевался им в исключительных случаях, когда требовалось присутствовать на приеме в Пала-сио Реале³⁷ в Мадриде. В эти дни Алессандро чувствовал себя филином с гнездом на голове³⁸. Теперь же, сохраняя верность себе, Алессандро подвязал обычно распущенные длинные и густые волосы в низкий хвост.

Фетровая треуголка с золотой галунной лентой по краям под мышкой, толедская шпага на боку, голубая лента ордена Карлоса III, перекинутая через плечо, красная лента ордена Калатравы на шее и сияющая звезда Карлоса III, гордо блиставшая на левом боку, — всё это красноречиво свидетельствовало о заслугах и высоком положении морского офицера и должно было расположить молодого неаполитанского короля. Предполагалось, что внушительный вид будет способствовать удовлетворению подаваемого прошения. Именно за положительным решением по своему вопросу и отправлялся в королевский дворец новоявленный князь ди Сатриано и князь ди Арианиелло.

На папке из дорогой шагреновой кожи, в которой лежало прошение на имя короля, красовался герб, отражающий древнюю историю рода, ведущего отсчет от норманнского рыцаря Риккардо по прозвищу *Filandiere* — Прядильщик. Он прибыл в Италию, в княжество Салерно, в свите Роберта Отвиля³⁹ в 1045 году. Именно там к нему приклеилось новое прозвище — *Farinaio* — Мучник. Оно было дано ему за строительство первой в округе водяной мельницы и налаживание производства муки для местных жителей. С тех пор потомки Риккардо стали носить фамилию Филанджери Ла Фарина.

На лазурном щите герба цвета Неаполитанского залива отблеском солнечного луча сияет пентальфа — пятиконечная звезда, начертанная золотом, — символ мудрости и величия, что веками хранит этот древний род, насчитывавший к этому времени более шестнадцати поколений. Пентальфа окружена венком из ветвей лавра и маслины — знак славы и мира. Над ней взмывает вверх гордый черный орел с распростертыми крыльями, держащий в когтях золотой ключ — знак власти, открывающей врата судьбы. Над гербом, на изящной ленте из алой парчи, начертан девиз рода: «*Sapientia et Fortitudo in Fide*. — Мудрость и мужество в верности». Этот девиз напоминает потомкам Филанджери Ла Фарина о том, что истинное благородство заключается в сочетании разума, стойкости и преданности родной земле и долгу.

Алессандро не знал, как Фердинанд отреагирует на его просьбу, поэтому очень воодушевился, предположив, что в Неаполь прибыл король Карлос III. Испанский монарх ему благово-

³⁶ Опёк — шкура телят-сосунк, еще не перешедшего на растительную пищу, и выделанная кожа из нее. Используется как сырье для меховой и кожевенной промышленности. Выделанная кожа отличается гладкой лицевой поверхностью, высокой прочностью. В XVIII веке самой дорогой кожей считалась английская *calfskin*. Из нее шили лучшие в Европе мужские сапоги.

³⁷ Пала́сио Реа́ле (исп. *Palacio Real de Madrid*) — Королевский дворец в Мадриде. Грандиозное здание было фактически завершено в 1764 году при Карлосе III, который первым из монархов перенес туда свою постоянную резиденцию и превратил его в символ величия испанской ветви Бурбонов.

³⁸ Здесь использовано ироничное аристократическое выражение «*Par' 'na civetta cu 'o nido 'ncapo*. — Как сова с гнездом на голове», бытовавшее в Неаполе XVIII века в отношении пышных париков.

³⁹ Роберт Отвиль, более известный как Роберт Гвискар, от старофранц. Хитрец (1016–1085) — один из самых знаменитых норманнских рыцарей, завоеватель Южной Италии, граф Апулии и впоследствии герцог Апулии, Калабрии и Сицилии из династии Отвилей.

лил. Решить вопрос с морганатическим браком при его участии будет гораздо проще. Однако надежды Филанджери вновь не оправдались.

— К нашему глубокому прискорбию, венценосный родич нашего государя испанское посольство не возглавляет, — сообщил камергер с таким выражением лица, которое это самое сожаление абсолютно не выражало. — Во главе его стоит дон Хосе Моньино-и-Редондо⁴⁰, чрезвычайный посланник Его Католического Величества. Буквально в эти минуты к нему присоединился кардинал де Берни⁴¹ со свитой. Сами понимаете, князь, когда интересы Мадрида, Версаля и Неаполя сходятся в одном кабинете, время нашего короля перестает принадлежать ему самому.

Алессандро было ведомо, что накануне в столицу действительно прибыла французская депутация. Экстренный приезд испанских посланников окончательно подтвердил слухи, которые прежде казались лишь дерзкой фантазией досужих сплетников из кофейни «Ла Сирена». Спешность, с которой Фердинанд IV бросил все дела, ясно давала понять: Бурбоны сплести ряды, чтобы нанести Риму сокрушительный удар.

Майский Неаполь 1771 года на глазах превращался в алтарь, на котором три ветви Бурбонского древа готовились принести в жертву «Общество Иисуса»⁴². Прибытие испанцев и французов превратило Палаццо Реале в штаб тайной войны, а сам визит выглядел как зловеющий триумвират, собравшийся ради одной цели — окончательного сокрушения Иезуитского Ордена. Здесь, в Неаполе, ковался приговор, который будет стоять папе Клименту XIV⁴³ не только покоя, но, возможно, и тиары.

Это не было обычным дипломатическим раутом. Здесь, в Палаццо Реале, в тиши дворцовых анфилад, принимались решения, способные перекроить карту влияния во всей Европе. Мадрид прислал своего самого безжалостного законника Моньино, чья воля была тверда, как клинок толедской стали. Версаль делегировал кардинала де Берни — мастера «бархатных» интриг, способного задушить врага в «шелковых объятиях». А неаполитанский двор, ведомый хитроумным министром Тануччи⁴⁴, готовил почву, превращая южную столицу в плацдарм для финального броска на Рим.

Для Алессандро и тех, кто умел читать между строк официальных бюллетеней, этот союз выглядел кульминацией многолетнего заговора. Три короны, три столицы и один общий враг в черной сутане.

По большому счету, Алессандро был согласен с политикой испанского короля Карлоса III, изгнавшего иезуитов из своих владений. Для человека его круга и образования было очевидно: «Общество Иисуса» давно перестало быть просто монашеским орденом, превратившись в невидимую, но мощную империю внутри самих государств.

Бурбонам, стремившимся к абсолютной власти, иезуиты были костью в горле. Они подчинялись лишь своему генералу в Риме — «черному папе», — демонстративно игнорируя волю земных монархов. Их исповедники стояли за спинами королей, их учителя формировали умы наследников, а торговые флоты и банки опутывали колонии сетью, в которой золото осе-

⁴⁰ Хосé Моньино-и-Редондо, с 1773 г. граф Флоридабланка (1728–1808) — испанский государственный деятель, граф.

⁴¹ Франсуа Иоаким Пьер де Берни (1715–1794) — французский кардинал и министр Людовика XV, с 1769 французский посланник при папском престоле в Риме.

⁴² Общество Иисуса, они же иезуиты (лат. *Societas Iesu*) — мужской духовный орден Римско-католической церкви, основанный в 1534 году Игнатием Лойолой и утвержденный папой Павлом III в 1540 году.

⁴³ Климент XIV, в миру Лоренцо Джованни Винченцо Антонио Ганганелли (1705–1774) — папа римский с 19 мая 1769 года по 22 сентября 1774 года.

⁴⁴ Бернардо Тануччи (1698–1783) — влиятельнейший первый секретарь (премьер-министр) Неаполя. Оставленный Карлом III в качестве регента при его малолетнем сыне Фердинанде IV, Тануччи в 1771 году сохранял абсолютный контроль над внутренней и внешней политикой королевства. В этот период он являлся одним из главных инициаторов изгнания иезуитов и секуляризации их огромных церковных богатств в пользу короны.

дало в казне Ордена, минуя королевские пошлины. В глазах венценосцев иезуиты были фанатичными заговорщиками, чья верность Риму всегда стояла выше верности местному трону.

Аристократия же, к которой принадлежал и сам Алессандро, видела в иезуитах иных врагов. Для просвещенных умов, впитавших идеи Вольтера⁴⁵ и Дидро⁴⁶, Орден оставался оплотом мрачного средневекового догматизма, тормозившим бег времени. Светских вельмож раздражала их интеллектуальная гордыня и то, с какой ловкостью иезуитская казуистика оправдывала любые средства ради достижения цели.

Но крылась здесь и более приземленная причина: богатства Ордена были столь велики, а влияние на образование и цензуру — столь удушающим, что знать видела в их изгнании долгожданную возможность вздохнуть свободно и, чего греха таить, поучаствовать в дележе брошенных поместий и коллегий. Наступал век разума, и в этом новом мире, пахнущем чернилами просветителей, людям, знающим слишком много чужих тайн, больше не было места.

Камердинер, не меняя выражения лица, предложил:

— Если ваша светлость пожелает, вы можете оставить прошение на имя Его Величества во дворце. Я вижу, что все необходимые бумаги при вас. Я могу дать распоряжение одному из придворных, чтобы он проводил вас в приемную секретаря прошений⁴⁷.

«Как жаль, что дядя скончался, — подумал Алессандро, — его протекция и помощь со всеми этими дворцовыми проволочками была бы сейчас как нельзя кстати».

Джакомо Маттео Филанджери Ла Фарина, родной брат отца, занимал должность джустичьере⁴⁸ — королевского ставленника, представлявшего власть государя на провинциальном уровне, а впоследствии — камергера неаполитанского короля. Когда Карл Бурбон уселся на испанский трон, дядя отошел от дел, начал болеть и тихо скончался вслед за женой и единственным сыном.

— Я был бы вам премного обязан, — ответил Алессандро на предложение камергера.

Однако и с подачей прошения не обошлось без проволочек. В приемной секретаря выяснилось, что тот по распоряжению Его Величества был отозван в королевский зал приемов и неизвестно, сколько времени займет его отсутствие. В связи с этим Алессандро Дамиано предложили провести время в компании других высокородных дам и синьоров, ожидающих приема, и присоединиться к ним за вторым завтраком, который был накрыт в зале для гостей дворца.

Эта комната напоминала больше не парадную гостиную, а античный венериум⁴⁹. Впрочем, Филанджери всегда знал: Неаполь — город, где порок возведен в ранг искусства, а его правители испокон веков задавали в этом тон. Чего стоила одна Джованна Неаполитанская⁵⁰, чье имя в народной памяти неразрывно сплелось с титулом Королевы греха! О ее ненасытности слагали жуткие легенды: поговаривали, будто эта венценосная блудница приказала соорудить

⁴⁵ Вольтер, имя при рождении Франсуа-Мари Аруэ (1694–1778) — французский писатель и философ, один из главных представителей просветительской мысли XVIII века; поэт, прозаик, сатирик, трагик, историк и публицист.

⁴⁶ Дени Дидро (1713–1784) — французский писатель, философ-просветитель и драматург, основавший «Энциклопедию, или Толковый словарь наук, искусств и ремесел».

⁴⁷ Секретарь прошений (итал. *Segretario delle suppliche*) — придворная должность в Неаполитанском королевстве XVIII века; этот чиновник принимал прошения, обращения и петиции, адресованные монарху, а также занимался их рассмотрением и подготовкой к передаче королю.

⁴⁸ Джустичьере (итал. *Giustiziere*) — в XVIII веке должностное лицо, которое представляло отправление правосудия в определенном территориальном округе.

⁴⁹ Венериум (лат. *venereum*) — специальная комната в частном доме, в оформлении которой присутствуют эротические мотивы. Такие помещения были обнаружены в некоторых домах в Помпеях.

⁵⁰ Джованна I Неаполитанская (1326–1382) — королева Неаполя, чье правление было омрачено заговорами и убийствами. В неаполитанском фольклоре она превратилась в однозную фигуру, которой приписывали нечеловеческую похоть и кровавые ритуалы.

пустотелое изваяние кобылицы⁵¹, чтобы, скрывшись внутри, предаваться противоестественной страсти с племенными жеребцами.

Алессандро огляделся. По периметру залы были расставлены величественные красные кресла, которые светские остряки именовали «тронами алькова»⁵². Ближе к нему громоздились буфетные столы, заставленные серебром. На них ярким пятном красовались бутылочные передачи из мейсенского фарфора с ручками в виде сцепившихся змей. Таким образом охлаждались вина из Шампани. Возле этих столов с наполненными игристым бокалами в руках небольшими группками кучковались мужчины.

За столом по центру, на котором красовались этажерки с пирожными, креманки с десертами и блюда с прочими легкими закусками, восседали дамы. При появлении Филанджери оттуда послышалось перешептывание светских сорок на французском под чашечку ароматного шоколада. Алессандро считал этот густой сладкий напиток наиболее подходящим для светских сплетен. Одна из дам поднесла к глазам лорнетку⁵³ и вперила в него изучающий взгляд.

Алессандро внутренне поморщился. Он питал к великосветскому обществу ту же неприязнь, что дьявол — к святой воде. Его трудно было причислить к категории *des aristocrates aux manières pleines de galanterie* — тех безупречных аристократов, чьи манеры были до приторности исполнены галантности. К пустой суе светских *menus plaisirs* — мелких удовольствий и праздных развлечений — он также оставался глубоко равнодушен, предпочитая звону хрустала суровый рокот штормящего моря. Но больше всего Алессандро ненавидел придворное языковилание и сплетни. Последние разносятся по аристократическим салонам Испанского и Неаполитанского королевств, словно клубки пуха чертополоха по земле, разжигая повсеместно костры осуждения и злословия. Он вообще не любил не по делу трепать языком. По большей части ему требовался лишь один собеседник — он сам.

Утверждение, что окружение всасывает в себя человека с потрохами и заставляет жить по своим обычаям и правилам, к Филанджери было не применимо тоже. Светские забавы казались ему невероятно глупыми и скучными. Его не привлекала роль вуайера⁵⁴, когда дамы просили покачать их на качелях и делали всё возможное, чтобы юбки при этом задирались самым пикантным образом. Игры в «пастуха и пастушку», «крестьянскую любовь», гадание и «огонь горячей руки»⁵⁵ казались ему верхом пошлости.

Вот и сейчас Филанджери едва сдержал гримасу брезгливости, когда до него донеслось щебетание одной из дам, хвастливо признавшейся, что дала «нежное обещание» сразу трем кавалерам. На притворно-удивленные возгласы собеседниц галантная распутница с невозмутимым видом пояснила:

— Помилуйте, милые мои, решительным отказом я могла бы смертельно огорчить двоих из них. А так — моя совесть девственно чиста! К тому же, разве принадлежать всем и сразу — не есть высшее призвание и истинная отрада для нас, женщин?

⁵¹ Легенда о кобылице — один из самых устойчивых мифов о Джованне, заимствованный народной фантазией из античного сюжета о Пасифае. Подобные слухи в XVIII веке активно поддерживались, чтобы подчеркнуть «испорченность» местной власти.

⁵² На аристократическом сленге XVII–XVIII веков так именовали обычные кресла. [Claude de Saumaise (1588–1653). *Le grand dictionnaire des précieuses ou la clef de la langue des ruelles*, 1660]

⁵³ Лорнетка (от франц. *lorgnette*) — устар., то же, что лорнет — складные очки в оправе с ручкой.

⁵⁴ Вуайёр (от франц. *voir* — видеть) — человек, получающий удовольствие от тайного наблюдения за интимными или двусмысленными сценами. В XVIII веке качели были излюбленным сюжетом «галантных празднеств» (вспомнить хотя бы знаменитую картину Жана-Оноре Фрагонара): эта забава позволяла дамам демонстрировать стройные щиколотки и подвязки, что считалось верхом эротизма в ту эпоху.

⁵⁵ Огонь горячей руки (франц. *Feu de la main chaude*) — популярное светское развлечение XVIII века, в котором один участник с завязанными глазами протягивает руку, а остальные по очереди несильно ударяют ее ладонью. Задача игрока — угадать, кто именно ударил. Игра была распространена в аристократических салонах как повод для кокетства и возможности прикосновения к женской руке, не обремененной перчаткой.

Не торопясь присоединиться к сплетничающему дамскому кружку, Алессандро подошел к буфетному столу и взял в руки бокал с игристым. Его маневр не оказался незамеченным. Четверо возрастных незнакомых мужчин в мундирах генералов, обвешанных крестами, орденами и медалями, синхронно развернулись и посмотрели в его сторону.

Филанджери презирал в душе подобных любителей побрякушек и показной мишуры. Он терпеть не мог военных чиновников с незаслуженными боевыми наградами от шеи до пупа. У него вызывал оскомину перезвон тщеславия, ласкающий их слух.

«Должно быть, эти безвестные „вояки“ разорили лавку еврея-старьевщика на Пьяцца-дель-Меркато⁵⁶ и разместили у себя на груди доставшийся бряцающий улов», — подумал Филанджери с неприязнью, в которую, помимо раздражения от явно незаслуженных наград, примешивалось и привычное для всех морских высокомерное пренебрежение по отношению к сухопутным.

По лицу одного «генерала» явно дьявол прошелся в ботинках с металлическими набойками — так щедро на нем были рассыпаны оспины. Второй выглядел жирным боровом в рыцарских доспехах. Выражение его физиономии явно намекало, что жиром заплывало не только тело, но и интеллект. Третий генерал своей сухопаростью, долговязостью, сутулостью и кислой миной напоминал сломанный флагшток, на который нахлобучили эполеты, а вместо победного флага на нем уныло трепыхался линиялый лоскут презрительного недовольства. Самым приятным из четверки показался морщинистый и улыбчивый пухляк, похожий на пончик, смоченный в сладком кофе.

Алессандро хотел ему приветственно кивнуть, но именно этот «добряк» развернулся и стал что-то нашептывать остальной троице. У Филанджери был неплохой слух. До него от злословащего квартета то и дело долетали отдельные слова: «старший брат», «долги», «заложено», «разорены», «отставка», «скандал».

Разговор этих четверых становился всё более ядовитым, и Алессандро легко угадал, о ком велась речь. Судя по взглядам и едким замечаниям, генералы смаковали свежие слухи, щедро приправляя их домыслами и сплетнями. Ощущение чужого ехидства, словно невидимый дым, повисло между ним и этой компанией. Алессандро уже приготовился выплеснуть в их адрес грязное неаполитанское: «*A chi parla areto, 'o culo le risponne*. — Тому, кто говорит за спиной, отвечает задница», — как вдруг этот улыбчивый персонаж плавно развернулся к нему.

— Князь, — произнес он, и в голосе зазвучал фальшивый мед, — позвольте поприветствовать вас и выразить глубокое сожаление в связи с теми обстоятельствами, что встретили вас на родине. Мы с господами как раз пришли к согласию: в вашем нынешнем положении единственное, что остается — это искать *'o grasso u 'e denare*, как говорят в народе.

Алессандро про себя грязно выругался. Он слишком хорошо знал истинный смысл этой расхожей неаполитанской фразы: «искать жира и денег» означало пойти на постыдную сделку — взять в жены богатую наследницу, чье единственное достоинство измерялось весом приданого и толщиной жировых складок. В воображении князя тут же возник образ бесформенной толстухи, заплывшей жиром, словно откормленный к Рождеству поросенок, — и мысль о том, что свет видит его планиду именно в таком ракурсе, отозвалась в груди глухой яростью. Сдержав подступившую злость, Филанджери ответил холодно и внешне абсолютно бесстрастно:

— Вы заблуждаетесь, синьор... Простите, не знаю вашего имени. О марьяже⁵⁷ я думаю исключительно за ломберным⁵⁸ столом. В Испании, откуда я недавно прибыл, есть поговорка:

⁵⁶ Пьяцца-дель-Меркато (итал. *Piazza del mercato*) — рыночная площадь.

⁵⁷ Марьяж (франц. *mariage*) — 1) брак, свадьба; 2) карточная игра.

⁵⁸ Ломберный стол (от исп. *lomber*) — квадратный или прямоугольный складной стол для игры в карты, разновидность игорного стола. Свое название получил от одноименной испанской карточной игры.

«Женатый мужчина — ущербный осел»⁵⁹. Если мне и предстоит стать животным, то уж не ослом точно.

Хоть Алессандро и коробило от того, что приходилось сейчас, фигурально выражаясь, цеплять на себя «фальшивый воротничок», он понимал: в его ситуации без этого не обойтись. В Неаполе такое притворство называли *O paraviso 'e cammisa* — «прикрытие рубашки». Это когда надеваешь на несвежую или заношенную сорочку новый или просто чистый воротничок. Иными словами, скрываешь беды и неурядицы за показным благополучием, делаешь вид, что дела идут преотлично. Алессандро владел этим искусством мастерски. В высшем свете иначе нельзя. Здесь важно не столько быть, сколько казаться. Сейчас он снисходительно улыбался и держал спину прямо, хотя хотелось скрипеть зубами и сжимать от бешенства кулаки.

В разговор вмешался толстяк. Он проявил удивительный для своей глуповатой внешности агрессивный выпад:

— Ваша светлость, но вы же не станете отрицать, что после смерти вашего старшего брата на вашу семью обрушилась черная полоса.

Филанджери невольно сжал челюсти, подавляя раздражение.

— Черная она, серая или фиолетовая в крапинку — не вам судить. Насколько я знаю, куратором⁶⁰ моего наследства являетесь не вы. К тому же, любая черная полоса может стать стартовой в победном забеге.

Филанджери искренне пожалел, что рядом с ним сейчас не было ближайшего друга, его правой руки, старпома О'Рурка. Тот бы сейчас точно острым языком пригвоздил бы злословящую четверку к паркету. Размазал бы их всех, как плевки под сапогом, не оставив и следа от их спеси.

Шеймус О'Рурк происходил из старинной, хотя и не слишком богатой ирландской семьи, потомков гэльских вождей, которые когда-то владели землями в графстве Литрим. В конце прошлого века, после серии ирландских восстаний, Кромвелевского завоевания⁶¹ и Вильгельмовых войн⁶² английская власть над островом усилилась, земельная собственность перешла к англичанам и протестантам. Семейный достаток О'Рурков из-за новых законов и постоянных политических бурь заметно пошатнулся.

Служба на море стала для Шеймуса шансом вырваться из обедневшей провинциальной жизни. Благодаря связям отца и уважению к прошлому их семьи, 14-летний Шей смог поступить в Королевскую военно-морскую академию в Портсмутской верфи. Окончив ее, отправился служить в военно-морской флот по эгидой английской короны, где быстро проявил себя не только храбрым офицером, но и лидером, способным сплотить коллектив и повести его за собой.

В начале 1762 года, когда Англия объявила войну Испании, 33-летний ирландский морской офицер Шеймус О'Рурк, воспитанный в католических традициях и недовольный политической английской властью, решил не поддерживать войну против Испании. Он бежал на

⁵⁹ *Hombre casado, asno estropeado* (испанская поговорка).

⁶⁰ В Неаполе XVIII века (как и в других государствах Италии) существовали официальные должности и институты, связанные с контролем и ревизией наследуемого имущества, особенно если речь шла о крупных аристократических состояниях и феодальных владениях. Если наследство было сложным, с долгами или спорными вопросами, назначался куратор наследства (итал. *curatore dell'eredità*), который временно управлял имуществом до завершения всех юридических процедур.

⁶¹ Кромвелевское завоевание Ирландии (1649–1653) — военная кампания английского правителя Оливера Кромвеля, направленная на подавление ирландского сопротивления и католических восстаний. Завоевание сопровождалось массовыми репрессиями, конфискацией земель и жестокими расправами над населением, что привело к значительному сокращению численности ирландцев и закреплению английского контроля над островом.

⁶² Вильгельмовы войны (1689–1691) — серия конфликтов между сторонниками католического короля Якова II и протестантского короля Вильгельма III в контексте борьбы за британский трон. Войны завершились победой Вильгельма III, окончательной утратой власти католиками в Ирландии и усилением английского влияния.

материк. Через Францию добрался до границы Испанского королевства, после чего направился в Кадис — один из главных портов испанского военного флота.

Благодаря хорошему образованию, морскому опыту и рекомендациям со стороны ирландских офицеров, уже служивших в испанском военно-морском флоте, он получил шанс начать службу в Королевской армаде. Испанские власти, оценившие опыт и лояльность морского офицера-католика, назначили О'Рурка служить *тенъенте-де-навио* (лейтенантом) на одном из фрегатов флота. За три года службы он проявил себя грамотным навигатором и дисциплинированным офицером.

В октябре 1766 года, после получения положительных характеристик от командования, О'Рурк был направлен в звании *пример-тенъенте-де-навио* — старшим лейтенантом и первым помощником капитана — на новейший линейный корабль «Сан-Хуан-Непомусено», только что спущенный на воду. Теперь ему пришлось отвечать за организацию палубной службы, дисциплину экипажа, навигацию и тактическую подготовку. На этом посту он стал доверенным лицом и другом капитана Алехандро Филанхьери.

Эль Лобасо⁶³, как и многие ирландцы, любил «немытую похабщину». Его речь изобилавала грубыми, грязными непристойностями. Но, как ни странно, это ни принижало его самого. Ему очень шло это сквернословие. Оно звучало не как базарная брань, а как часть живого, неповторимого, индивидуального стиля.

Грубости в речи Шеймуса было столько же, сколько соли в морском воздухе. Она была густая, остро-ароматная, сочная и пикантная. Каждое бранное слово становилось у него афористичной метафорой или ярким образным сравнением, раскрашивающим разговор в такие цвета, какие не найдешь ни в одном морском словаре.

Одно грубое «*May the devil damn you!* — Черт бы тебя побрал!» или «*Hell and damnation!* — Ад и проклятие!» — заменяло целую тираду предупреждений и порицаний. Ругательства и вульгарные слова ложились на его уста, как мокрый канат на палубную доску. Благодаря им старпом О'Рурк метко, емко и образно обрисовывал ситуацию и ставил задачу. Сквернословие у него нередко становилось языком дела. В речи Шея каждое непристойное слово служило своеобразным пунктом на навигационной карте — кратко, четко, всегда по делу, хоть и двусмысленно.

А в минуты страха или усталости эти слова работали как вдохновители. Старпом не разгонял тоску моральями, он окатывал ее, словно ведром морской воды, соленой и перченой речью. Благодаря крепким выражениям Волк из Голуэя⁶⁴ был для команды не просто начальником — он становился своим, настоящим морским братом, понятным каждому офицеру и матросу на судне. Дон Хайме⁶⁵ никогда не читал нотаций. Скажет крепкое словцо — и мысли у всех сразу же встают на место. Его речь легко проникала в душу, и от этого на палубе чувствовалось единство.

Филанджери привык к сквернословью своего *пример-пилото*⁶⁶, как к запаху смоленого каната и влажной палубной доски. Да чего греха таить! Алессандро щедро понахватался у Пэлиррохо⁶⁷ крепких и сочных словечек. Грубоватый ирландский юмор рождал уникальную поэзию корабельной жизни, он становился особым языком, который объединял команду.

⁶³ Эль Лобáсо (исп. *El lobazo*) — прозвище, которое можно перевести как «Волчара», «Большой волк».

⁶⁴ Волк из Гóлуэя (исп. *El Lobo de Galway*) — корабельное прозвище старпома. [Гóлуэй (ирл. *Gaillimh*, англ. *Galway*) — город в Ирландии, находится в графстве Гóлуэй (провинция Коннахт), административным центром которого является, а также порт на берегу залива Гóлуэй, в устье реки Корриб.]

⁶⁵ Дон Хáйме (исп. *Don Jaime*) — почтительное именование на испанском языке человека с ирландским именем «Шеймус».

⁶⁶ *Primer piloto* (исп.) — в корабельной практике Испании XVIII века старший/первый штурман и ближайший помощник капитана. Он отвечал за навигацию, ведение судового журнала, прокладку курса и руководство младшими офицерами. В отсутствие капитана часто исполнял его обязанности. Должность *primer piloto* считалась одной из ключевых на борту военных и торговых судов.

⁶⁷ Пэлиррóхо (исп. *Pelirrojo*) — Рыжий.

Для капитана Филанджери эти цветастые словечки были не столько средством выражения эмоций, сколько своеобразной маской, позволявшей быть ближе к матросам, плыть с ними на одной волне. В этих словах Алессандро находил не только способ разрядить напряженную обстановку, но и ту самую соль, без которой жизнь на борту была бы пресной и однообразной.

Правда, поначалу Алессандро хотелось язык О'Рурка хорошенько прополоскать в мыльном растворе, но довольно скоро и незаметно для себя он уже сам вслед за своим старпомом, никчемного матроса, уклоняющегося от службы, стал называть *Bad Bargain* — «Плохой сделкой», «худшим приобретением Его Величества»; скрипача в порту — *Catgut-scraper* — «мучителем кошачьих кишок»⁶⁸; потрепанный парик — «каксоном»⁶⁹; бордель — *floating academy* — «плавучей академией»⁷⁰; подхватившего гонорею — «поперченным»⁷¹, а в минуты недовольства путаницей и неразберихой восклицать: «*This is pure colcannon!*»⁷²

Филанджери всякий раз ухмылялся про себя, когда слышал разносящийся по палубе грубоватый окрик Эль Лобо Рохо⁷³ в адрес какого-нибудь провинившегося матроса: «*You son of a Galway goat! May the devil dance on your grave!* — Сын галвейской козы! Чтоб дьявол отплясывал на твоей могиле!» или «*You barnacle-brained fool! May the cat o' nine tails kiss your back!* — Ты олух, у которого мозги как у морского моллюска! Чтоб кошка-девятихвостка⁷⁴ целовала твой хребет!»

Во время штиля в минуты затишья, особенно погожими вечерами, Шеймус О'Рурк любил рассказывать всякие небылицы. Он знал их превеликое множество. Но самым забавным был не смысл этих баек, хотя подчас среди пустой болтовни Рыжего попадались довольно смешные истории, а то, что, рассказывая их, ирландец всякий раз клялся, будто бы это самая что ни на есть правдивейшая правда. И именно эти клятвы были гораздо интереснее чем его рассказы.

Чем только Шей не клялся! Громом и молнией, зубом святого Патрика, хвостом дьявола, бородой Нептуна, плащом святой Бриджит, Келлской книгой, арфой Тары, зелеными холмами Эрин, камнями Ньюгрейнджа, водой озера Лох-Ней, кулаком Финна МакКула, рекой Шаннон и даже какими-то безвестными волынками Дерри⁷⁵. Алессандро иной раз казалось, что запас клятв у его старпома просто неисчерпаем.

⁶⁸ С XIII века кэтгут (кишечная струна) широко использовался для изготовления струнных инструментов. Кэтгут делали из кишечной оболочки крупного рогатого скота и овец. Выражение «кошачьи кишки» образовано по созвучию с англ. *cat* — кошка и *gut* — кишка. Хотя по-настоящему слово «кэтгут» — это сокращение от *cattle gut* — кишка крупного рогатого скота.

⁶⁹ Кáксон (англ. *saxon*) — сленговое английское слово XVIII века, обозначающее старый, потрепанный парик. У него нет прямого перевода, так как это уникальный термин английского жаргона.

⁷⁰ Плавучая академия (англ. *Floating academy*) — баржи, на которых в XVIII веке содержались лица, приговоренные к каторжным работам вместо ссылки. На английском морском сленге так именовали бордель.

⁷¹ Поперченный (англ. *Peppered*) — подхвативший гонорею на английском морском сленге XVIII века.

⁷² *This is pure colcannon!* (англ.) — «Это настоящий колканнон!» [Колканнон (ирл. *cál ceannann* или англ. *colcannon*) — картофель с капустой, растолченный в ступке и политый маслом; ирландское блюдо, похожее на картофельную кашу. В переносном смысле (на ирландском сленге XVIII века): путаница, неразбериха, бестолковщина.]

⁷³ Эль лóбо рóхо (исп. *El lobo rojo*) — Красный волк (намек на рыжий цвет волос).

⁷⁴ Намек на порку. Кошка-девятихвостка — плеть с девятью ремнями-«хвостами», исторически использовавшаяся как орудие телесного наказания.

⁷⁵ Святой Пáтрик (ирл. *Naomh Pádraig*) — покровитель Ирландии, главный христианский святой страны, считающийся ее просветителем. Святая Брídжит (ирл. *Naomh Bríd*) — одна из самых почитаемых святых Ирландии, покровительница поэтов, кузнецов и домашнего очага. Кéллская книга (ирл. *Leabhar Cheanannais*) — знаменитый иллюминированный манускрипт IX века с Евангелиями, национальное сокровище Ирландии. Арфа Тáры — арфа — древний символ Ирландии, а Тара (ирл. *Teamhair na Rí*, «Холм королей») — легендарная резиденция верховных королей острова. Эрин (англ. *Erin*) — поэтическое название Ирландии, часто встречающееся в стихах и песнях. Камни Ньюгрейнджа (англ. *Newgrange*, ирл. *Sí an Bhrú*) — мегалитическая гробница возрастом более 5 000 лет, одно из древнейших сооружений Европы. Озеро Лóх-Ней (англ. *Lough Neagh*, ирл. *Loch nEathach*) — крупнейшее озеро Ирландии, окутанное легендами и поверьями. Финн МакКúл (ирл. *Fionn mac Cumhaill*) — герой кельтской мифологии, прославленный воин и вождь легендарных фианнов (ирландских воинов). Шáннон (англ. *Shannon*, ирл. *An Sionainn*) — река в Ирландии, считается самой длинной рекой в стране. Волы́нки Дéрри — традиционные ирландские музыкальные инструменты (волынки), особенно популярные в округе Дэрри на севере Ирландии. Волынка

Именно Рыжий приучил Филанджери завтракать ирландскими «сахарными размокашками»⁷⁶. Правда в отличие от друга, который запивал хлебные гренки чаем с молоком, Алессандро, по испанской привычке, употреблял их с ядрено крепким черным кофе без сахара.

Перед расставанием, когда Филанджери отправился на родину, в Неаполь, Шей подарил ему на память отличный «тоledo»⁷⁷, обнял крепко и со слезой в голосе произнес:

— *Stay happy and take care, dear joy!*⁷⁸

Как же Алессандро не хватало дружеской поддержки Шея сейчас, когда он с головой окунулся во всё то зловонное дерьмо, коим так щедро оказалась вымазана теперь их фамилия. Нет, ему, Алессандро Дамиано Филанджери Ла Фарина, не привыкать держать удар. Он и сам может постоять за себя и дезармовать⁷⁹ таких злословящих говнюков, как эти четверо, пытающихся под прикрытием показного сожаления, нанести наиболее болезненный удар. Но ему не помешало бы теперь услышать английское с гэльским акцентом: «*Hold fast, boyo, 'tis only a wee squall, not a proper gale — we've scraped worse shite off the decks in our day, so we have.* — Крепись, дружище, это всего лишь небольшой шквал, не настоящая буря — бывало, и похуже с бортов дерьмо соскабливали, уж точно».

Произнеся жесткую отповедь лжевоаякам, Алессандро не стал откланиваться, а просто сменил дислокацию. Теперь он был ближе к столу, за которым сидели дамы. Компанию им составляли трое молодых мужчин: напояженный хлыщ, таких в Испании обычно называют *lechuguinos*⁸⁰ — «салатными парнями» (у него было настолько «наштукатуренное» лицо, что у Алессандро при взгляде на этого типа гипсовой маской стянуло собственное), вылощенный *pisaverde*⁸¹, который постоянно стряхивал с жюстокора⁸² несуществующие пылинки и третий, дорого одетый, с характеристикой которого Филанджери пока не смог определиться.

Непешно попивая игристое, он невольно уловил перешептывания сидящих за столом женщин. Мелодичный французский язык звучал мягко, как горячий шоколад, приправленный сливками, но вполне ясно для его слуха:

— *Il est magnifique!* — Какой великолепный мужчина! — восторженно произнесла одна из дам, косясь в его сторону.

— *Il a l'air très viril!* — Он выглядит очень мужественно! — подхватила другая, бросая на него цепкий, оценивающий взгляд.

— *Quel plaisir de voir un homme bien mis, sur son trente et un!* — Какое удовольствие видеть braveго мужчину при полном параде! — добавила третья, и в ее голосе прозвучало восхищение.

— символ ирландской народной музыки и национальной идентичности.

⁷⁶ Сахарные размокашки (англ. *Sugar Sops*) — так на английском сленге называют поджаренный хлеб, пропитанный элем, подслащенный сахаром и посыпанный тертым мускатным орехом; едят с сыром.

⁷⁷ Толéдо (исп. *Toledo*) — испанский клинок из Толедо, славившийся качеством. Толедо — знаменитый испанский город, с XVI века прославившийся производством клинков и мечей необычайного качества. Мастера Толедо владели искусствомковки и закалки стали, сочетая упругость, прочность и остроту; клинки были гибкими, не ломались при ударах и долго сохраняли заточку. Они считались эталоном оружейного мастерства в Европе и пользовались спросом у аристократии и военных, благодаря легендарной надежности и красоте отделки.

⁷⁸ «Будь счастлив и береги себя, дорогой мой!» [*Dear joy* — ирландское ласковое обращение, часто употребляемое в дружеской беседе, чтобы выразить тепло, симпатию и поддержку собеседнику. В XVIII–XIX веках ирландцы использовали эту фразу как приветствие, утешение или просто выражение добрых чувств. Буквально переводится как «дорогая радость» или «радость моя», но по смыслу ближе к русским «милый друг», «дорогой мой».]

⁷⁹ Дезармовать (франц. *désarmer*, от лат. *desarmare*) — обезоружить.

⁸⁰ *Lechuguino* (исп.) — буквально: салатный парень (от исп. *lechuga* — салат) — модник, щеголь, пижон. Слово возникло из-за того, что модные галстуки того времени напоминали по форме листья салата.

⁸¹ *Pisaverde* (от исп. *pisar* — наступать, топтать и *verde* — зеленый, трава, буквально — топчущий зеленое) — в прямом смысле: человек, который, ступая по зеленой траве, старается не испачкаться, не повредить обувь и испортить наряд. В переносном — вылощенный молодой человек, чрезмерно заботящийся о своей внешности щеголь.

⁸² Жюстокор (от франц. *justaucorps* — точно по корпусу) — исторический мужской кафтан, популярный в Европе в XVII–XVIII веках.

— *Un tel homme peut susciter un coup de foudre.* — Такой мужчина вполне способен вызвать внезапную страсть, — мечтательно заметила четвертая, самая молодая и довольно миловидная, и все остальные дамы одобрительно закивали.

— *Que dire! Un véritable spécimen. Il n'y aurait point de honte à orner son lit d'un tel home.* — Что и говорить! Редкий экземпляр. Таким мужчиной не зазорно украсить свою постель, — подвела итог всё на том же французском, но с заметным английским акцентом самая красивая из дам.

Алессандро подумал, что после пикантного замечания словословия перестанут литься в его адрес, но не тут-то было. Тот самый богато одетый щеголь, с характеристикой которого он не смог ранее определиться, жеманясь, как салонная куколка, произнес всё на том же французском:

— *Hélas, de tels hommes sont généralement emportés par la fille du chaos et la mère du désordre, la guerre! Ainsi, ces messieurs ne peuvent engendrer que des enfants de l'air, autrement dit des soupirs.* — Увы, таких мужчин обычно забирает себе дочь хаоса и мать беспорядка война! Поэтому такие господа способны порождать лишь детей воздуха, а именно — вздохи.

В разговоре он так потешно дергал бровями, что они бегали по лбу то вверх, то вниз, как панталоны у проститутки.

«Ну вот и с этим всё ясно. Типичный образец мужчины-одуванчика. Одним словом — *Molly*⁸³ — как назвал бы этого женоподобного аристократа О'Рурк», — сделал вывод Алессандро, решив звать его Одуванчиком. Он отставил бокал на стоящую поблизости консоль, подошел к столу ближе и произнес:

— *À vous entendre, on finirait par croire que Paris est le centre du bon goût... et que le français n'a pas son pareil quand il s'agit de raconter des potins.* — Послушав вас, можно и вправду поверить, что Париж — центр хорошего вкуса... а французский язык не имеет себе равных, когда речь заходит о пересудах.

Одуванчик сразу же оживился:

— Князь, благодаря вам я сделал великое открытие! Оказывается, язык военных тоже способен вырабатывать экстракт человеческого остроумия. Лично я питаю яростную нежность к мужчинам, способным на укол языка, а не шпаги. Присаживайтесь, пожалуйста, — он выдвинул из-за стола рядом с собой стул, — удовлетворите, желание этого сиденья обнять вас с тыла.

Такую вычурную, как золоченая барочная лепнина, речь ирландский старпом Филанджери назвал бы сейчас «силлабабом»⁸⁴, и Алессандро полностью согласился бы с ним. Пышнофразие неаполитанского говоруна по сладости и воздушности могло перещеголять этот известный английский десерт. Ему захотелось сказать в адрес заносчивого «фрукта» нечто едкое, однако вместо этого по не понятной для себя причине присел на предложенный стул. Наверное, ему просто надоело бесцельно шататься по зале.

— Ваша светлость, — обратился к нему Одуванчик, — разрешите представиться и представить всех сидящих за этим столом. Мое имя Сильвио Пеллико, герцог ди Баньяра и Баранелло, князь ди Патерно. Вам оно, должно быть, известно.

Имя действительно было знакомо Алессандро. Оно чаще других фигурировало в долговых бумагах и расписках. Да и мачеха в рассказе о том, что произошло с их семьей, его упоминала не единожды.

Пока Одуванчик представлял по кругу других участников застольной беседы, Филанджери еще раз цепким взглядом окинул его самого: «Интересно, что связывало брата с этим

⁸³ *Molly* (англ.) — в английском сленге XVIII века этим словом называли мужчин, ведущих женоподобный образ жизни и/или имевших однополые связи.

⁸⁴ Силлабáb (англ. *Syllabub*) — британский десерт из густых сливок, взбитых вручную с сахаром и белым вином. Был особенно популярен в период с XVI по XIX век, однако часто готовится и сегодня. В XVIII веке это слово стало метафорой «пышной, но бессодержательной болтовни».

жеманным великосветским красавчиком? Неужели подозрения вдовствующей княгини о садомии⁸⁵ Джулиано имеют под собой почву?»

Его размышления прервало представление той самой красотки, которая говорила на французском с явным английским акцентом. Как выяснилось, догадка о британском происхождении была также небезосновательна.

Сара Гудар. Это имя было на устах всей неаполитанской аристократии. Английская фаворитка молодого короля, жена известного французского авантюриста и друга Казановы Пьера Анжа Гудара⁸⁶, была действительно чертовски хороша собой. Будь рядом О'Рурк, Алессандро бы точно сейчас услышал: «*She's a fine brigantine!* — Прекрасная бригантина!» — так ирландец обычно отзывался о лучших из красоток, встречавшихся ему на жизненном пути.

Поговаривали, что, несмотря на шестилетнюю разницу в возрасте, умелая искусительница настолько заморочила голову молодому неаполитанскому королю, что разорвать эту связь было не под силу даже такой амбициозной и властной орлице, выпорхнувшей из Габсбургского птичника, какою являлась его супруга Мария Каролина Австрийская⁸⁷.

— Присоединяйтесь к нашей беседе, князь, — проворковала эта самая красотка. — Мы говорим о фортуне. Кому, как не вам, знать, насколько она бывает переменчива и жестока. У вас, как мне кажется, есть все основания попенять ей на капризы. Она может быстро возвысить, а затем низвергнуть на землю с еще более головокружительной быстротой. Поделитесь с нами, князь: каково это — жить, зная, что удача столь переменчива и коварна? — голос англичанки завибрировал бархатистой нежностью.

Филанджери хмыкнул. Ему захотелось сказать что-то язвительное и колючее, типа: «*La Fortuna preferire a los imbéciles y a las putas.* — Фортуна предпочитает идиотов и шлюх», но, уняв этот порыв, ответил более сдержанно:

— Фортуна, говорите? Мне кажется, Фортуна — это богиня придворных. Она, безусловно, покровительствует тем, кто вращается при дворах, тем, кто плетет интриги и выманивает у нее расположение сильных мира сего. Но море — это совсем другое дело. В безбрежных водных просторах правят другие боги, более суровые, но и более справедливые. Посейдон и Эол⁸⁸ покровительствуют лишь тем, кто умеет крепко держать в руках штурвал, кто верит звездам и подчиняется ветру. В море нет места придворным уловкам. Там всё зависит от твоего умения, от хладнокровия в критический момент и от веры в то, что тебе дано. Фортуна может подарить толику удачи в битве и шторме, но не может заменить мастерство и опыт.

Я видел не раз, как Фортуна улыбалась молодым повесам, которые получали высокие чины благодаря своим связям при дворе. Но, как только они сталкивались с реальными трудностями в море, их ждала смерть. Там зависишь не от улыбки Фортуны, а от собственных усилий и веры в то, что делаешь.

⁸⁵ Садомия — в XVIII веке термин, использовавшийся в Европе для обозначения однополых сексуальных отношений между мужчинами. Происходит от библейского города Содом, уничтоженного за «грехи». В ту эпоху считалась тяжким преступлением и нравственным пороком, за который грозили суровые наказания. Обвинения в садомии часто использовались для дискредитации и преследования нежелательных лиц.

⁸⁶ Пьер Анж Гудар, более известный как Анж Гудар (1708–1791) — французский писатель и авантюрист. Он познакомился в 1761 году с шестнадцатилетней официанткой из лондонской пивоварни Сарой, «настоящей красавицей», по воспоминаниям его друга Казановы. Он воспитал ее, дал прекрасное образование и впоследствии женился. Путешествуя по Европе, умело пользовался чарами жены. Ему удалось сделать ее любовницей неаполитанского короля Фердинанда, который осыпал супружескую чету милостями, прежде чем выслать из Неаполя в 1773 году под давлением своей жены, Марии Каролины Австрийской.

⁸⁷ Мария Каролина Австрийская (1752–1814) — королева Сицилийского и Неаполитанского королевств, в период революционных и наполеоновских войн оттеснившая от управления супруга, короля Фердинанда IV. Дочь австрийской императрицы Марии Терезии, сестра французской королевы Марии-Антуанетты.

⁸⁸ Посейдон (др. — греч. *Ποσειδών*) — в древнегреческой мифологии бог моря, покровитель всех мореплавателей, повелитель бурь и штормов; его властью считалось как спокойствие, так и ярость морской стихии. Эол (др. — греч. *Αἴολος*) — мифологический владыка ветров, который управлял всеми воздушными потоками, столь важными для парусного судоходства.

Так что, синьора Гудар, Фортуну оставьте придворным. В море у нас иные боги. Им мы служим верой и правдой, ибо именно они определяют наши судьбы в безбрежных просторах.

— Но мы хотели услышать о том, с какими чувствами вы восприняли подножку, подставленную Фортуной, вашей семье, — произнесла та дама, которая наводила на него свою лорнетку. Кажется, Одуванчик представил ее как маркизу Гаргалло. Женщина вновь поднесла к лицу окуляры и изобразила губами перевернутый вверх рожками месяц:

— Проказница-судьба — та еще шутница, не так ли, синьор князь?!

Алессандро скривился. Выворачивать душу на публике — всё равно что выставять сундук с личной перепиской на рыночной площади. Он вновь захотел ответить что-то язвительное, но неожиданно на помощь пришел тот самый Одуванчик:

— А вот меня всерьез интересует иной вопрос. Как думаете, кто первый придумал одежду? Какова была мотивация этого человека?

Для Филанджери не являлось секретом, что веяние времени поощряло всякого рода «подсахаренные сальности» и «элегантные непристойности» в светских разговорах. И, хоть адмирал не являлся завзятым посетителем разного рода раутов, такая тенденция была ему хорошо знакома. И всё же он был немало удивлен такой резкой смене темы. Удивлен, но отчасти и благодарен Одуванчику за это.

Как оказалось, не он один. Ответ синьоры Гудар поразил Филанджери непредсказуемой смелостью. Она с серьезным видом представила создателя одежды в образе «маленького безобразного карлика, горбатого, худого и кривого». А потом пояснила свою мысль:

— Истинная красота не нуждается в маскирующих покровах. К одежде прибегают лишь те, кто хочет скрыть изъяны и несовершенства.

Алессандро подумал, что на этом развитие скользкой темы прервется, однако градус ее накала вновь поднял Одуванчик. Он, с присущей ему прямоотой, задал вопрос, затрагивающий самые интимные аспекты человеческой природы.

— Меня интересует еще другое, — произнес он. — Почему люди стали скрывать от других свой половой акт? Ведь на заре человечества это было обычным прилюдным деянием.

Ответ метрессы Фердинанда был не только неожиданным, но и пронизанным тонкой иронией. Сравнивая половой акт с «сахарной костью», брошенной собаке, которая тут же уединяется, чтобы насладиться ею в одиночестве, она указала на чужую зависть как на главный источник стыдливости. Мужчины, по ее словам, «ревностно относятся к своей сахарной косточке». Они ревнуют других мужчин к тому интимному удовольствию, которое может подарить им женщина. Именно ревность, по ее мнению, и породила необходимость скрывать половой акт.

— Ах ревность-ревность! Нет с ней никакого сладу! — воскликнул молодой человек, которого Алессандро принял за любителя женщин постарше. Видимо, он не ошибся, потому что тот очень выразительно посмотрел на даму с лорнеткой.

— Самое главное, от нее нет никакого спасительного средства! — воскликнул Одуванчик, а потом продолжил: — Господа, позвольте пересказать презабавный случай — басню, которой потчевал нас остроумный месть де Лафонтен, коего в свою очередь вдохновил сам Рабле⁸⁹, что, согласитесь, уже сулит пикантность.

Итак, был некогда в славном городе Генте часовщик по имени Ганс Карвель. Человек почтенный, но и весьма непредусмотрительный. Пришла беда: в нем страсть разыгралась, и он женился на девице Бабо, пылкой, а главное — совсем юной прелестнице. Что тут скажешь — сердцу не прикажешь!

⁸⁹ Имеется в виду Басня XII — «Кольцо Ганса Карвеля» (сказка, взятая у Рабле) французского писателя Жана де Лафонтена (1621–1695). Полное собрание сочинений Лафонтена (редакция Ш. Марти-Лаво). Том 2, издательство П. Жанне, 1857 (стр. 111–112).

Однако вместе с женой Ганс обрел существенную проблему: ведь, как известно, молодая кровь не знает покоя, а стареющий супруг, увы, был уже не в силах усмирить сей пыл. Карвель воспитывал супругу в духе святых писаний, цитировал ей лучшие книги, порицал тайные встречи, осуждал женские хитрости — словом, сражался с ее кокетством, как Дон Кихот с мельницами.

Прекрасная Бабо на все нравоучения смотрела сквозь пальцы, и предпочитала слушать иные «проповеди» — те, что поют в серенадах страстные кавалеры. Бедняга Ганс страдал, терзался и в конце концов так изнемог от своих подозрений, что спать стал плохо.

Однажды, после доброго ужина и вина, он крепко заснул рядом с женой и увидел во сне дьявола. Тот, желая оказать любезность старику, протянул волшебное кольцо, уверяя, что пока оно на пальце, Карвелю не грозят рога. Радости Ганса не было предела. Он возблагодарил Сатану, пожелав всяческих благ, как будто тот был его лучшим духовником! Но, синьоры и синьорины, увы! Проснувшись, наш герой обнаружил, что никакого кольца нет и в помине, а его палец оказался... скажем так, в весьма пикантном женском месте. Заткнуть пальцем *le passage vers le jardin d'Éden* — «лаз в Эдемский сад»⁹⁰ — вот дьявольское средство от супружеских измен.

Одуванчик закончил рассказ и обвел взглядом сидящих за столом. Алессандро последовал его примеру. Его не очень-то и удивило, что пикантный рассказ женоподобного красавчика не окрасил румянцем смущения щеки присутствующих дам. Они лишь понятиливо заулыбались и закивали напудренными головками.

— А я была бы не прочь, если бы этот самый лаз подобным образом заткнули мне, с одной лишь поправкой: пусть это будет не супруг, — произнесла в ответ на услышанное Сара Гудар.

У всех не было никакого сомнения, что метресса Фердинанда имеет в виду палец своего венценосного любовника.

— Пожалуй, я бы тоже не отказалась от подобного «колечка», — присоединилась к ее скабрёзности самая молодая из женщин, оказавшаяся случайной соседкой Филанджери. Та самая, которая уверяла, что мужчины, подобные Алессандро, могут вызвать «мгновенно вспыхнувшую страсть».

Кокетка хотела казаться *un vrai petit démon* — маленьким бесенком, проказницей и шалуньей, но, если бы рядом с Филанджери сейчас был его старпом, на ухо бы точно прозвучало: «*She's a windmill without a grain of flour, but dust and chaff enough to spare!* — Она ветряная мельница⁹¹ без крупинки муки, но пыли и отрубей — хоть отбавляй!»

— Ваша светлость, — обратилась «шалунья» к Филанджери, — почему вы столь холодны к нашей беседе? Подарите нам хотя бы пару слов, — кокетливо протянула она, чуть подавшись к нему, будто приглашая к тайному обмену мыслями.

Филанджери к ее чарам остался непроницаем.

— На слова я скуп, синьорина... простите, не запомнил ваше имя, — ответил он высокомерно. — К словам я отношусь со всем возможным вниманием, ибо слова — вещи, и вещи ценные.

— Но ведь иногда ценные вещи рождаются в легком флирте, — не унималась кокетка. При этом она обводила кончиком указательного пальца края своей шоколадетассен⁹². — Легкость, как и сладость, — залог настоящего удовольствия, не так ли? Такие мужчины, как вы, для нас, женщин, — словно редкие трофеи. Вы вызываете желание рискнуть, чтобы хоть на миг завладеть вашим вниманием.

⁹⁰ Эвфемизм о вагине, распространенный среди французской и европейской аристократии XVIII века.

⁹¹ Ветряная мельница (англ. *windmill*) — в английском сленге XVIII века так называли ветреную женщину, у которой нет ничего, кроме внешности, которой она активно пользуется.

⁹² Шоколадетассен (нем. *schokoladetassen*) — буквально: шоколадная чашка; в XVIII веке фарфоровый высокий бокал для горячего шоколада, выпускаемый преимущественно Мейсенской мануфактурой.

Филанджери был готов поставить на кон последнюю унцию своего ромового пайка, ибо ни на миг не сомневался, что эта дама положила на него глаз, и ей совершенно невдомек, что у нее, как у кошки в аду без когтей, нет абсолютно никаких шансов.

— Легкость, как и сладость, хороши в меру, — отозвался он, выдерживая паузу. — Избыток того и другого только затмевает истинную ценность.

— А вот я большая сладкоежка. Советую и вам к этому пристраститься.

Она взяла в руки шоколатьер⁹³, придвинула к себе чистый гобелет⁹⁴ и плеснула в него немного горячего шоколада.

— Ну же, князь, немного легкой и воздушной сладости никому не повредит, — проворковала она медово, придвигая к нему бокал с густым напитком.

«Кажется, шоколад льется не только из шоколадника, не только из ее уст... Он скоро польется из всех иных дырок в ее теле — так его в этой женщине много», — подумал Алессандро с неприязнью.

Как же он ненавидел всё это! Пустые разговоры, взгляды и улыбки с подтекстом, сальные шутки, липкие шепотки, театральные вздохи, фальшивые сожаления, двусмысленные комплименты, тайные записки, летящие ему вослед с предложением «продолжить беседу при ампли»⁹⁵... Его появление в свете всегда вызывало жуткий переполох среди светских болонок в бриллиантовых ошейниках, отравленных ядом беспутства. Это напоминало ему бурю в фарфоровом бурдалю⁹⁶, от которой даже ему, опытному капитану, хотелось уйти в открытое море, подальше от суетливых берегов, где высший свет и интригующие сплетни считаются такими же связанными и неразделимыми понятиями, как паук и паутина.

Эти сценки, развернувшиеся в роскошной гостиной Палаццо Реале, явили Филанджери всю глубину упадка неаполитанской аристократии. Не сказать, что это стало открытием или каким-то образом задело тонкие чувства, коих в нем отродясь не бывало, но неприличные разговоры, упакованные в своеобразную игру ума, ведущиеся так открыто, ядовитые сплетни, подменяющие интеллектуальные беседы и маскирующиеся под остроумие, явились для него лакмусовой бумажкой всеобщего падения нравов.

К счастью, продолжать эту бессмысленную и малоприятную беседу Алессандро не пришлось. Все находящиеся в зале были приглашены в приемную секретаря прошений.

Там за тремя столами уже восседала троица разевшихся сановников, которые, судя по самодовольным лицам, весьма удачно устроились у государственных яслей⁹⁷. Они без лишних церемоний собрали у посетителей папки с прошениями, бегло взглянули на содержимое и, не проявив ни малейшего интереса к высокородным визитерам, сухо произнесли:

— Синьоры и синьорины, ваши прошения приняты к рассмотрению. О решении Его Величества каждому будет сообщено особо. Если Его Величество соизволит назначить аудиенцию, вам будет направлено приглашение во дворец.

⁹³ Шоколатьер (франц. *chocolatière*) — специальный сосуд-кувшин для приготовления и подачи горячего шоколада, обычно изготовленный из фарфора, серебра или меди, с длинной ручкой и носиком.

⁹⁴ Гобелет (франц. *gobelet*) — высокий бокал или стакан без ручки, используемый в XVIII веке для подачи напитков, в том числе горячего шоколада.

⁹⁵ Ампли (от фр. *empli* — полный, наполненный) — тип декоративных светильников, появившийся в Европе в 70-х годах XVIII века. Обычно это были изящные лампы или фонари, украшавшие будуары, спальни и приватные комнаты. В переносном смысле выражение «продолжить беседу при ампли» означает приглашение к личной, интимной или приватной встрече, часто с романтическим или двусмысленным подтекстом. Это намек на желание перейти от публичного общения к более неформальному и откровенному разговору в уютной или интимной обстановке, обычно в будуаре или спальне.

⁹⁶ Бурдалю (франц. *bourdalou*) — женское подкладное судно для мочеиспускания (утка), продолговатой формы с одной ручкой, по форме напоминающее соусник — изящный предмет французского обихода XVII–XVIII веков.

⁹⁷ Ясли в этом контексте — метафорическое выражение, обозначающее источник легкой, часто незаслуженной выгоды или дохода от государства. «Государственные ясли» (итал. *La mangiatoia dello Stato*) — содержание, привилегии или деньги за счет казны.

Затем, не потрудившись выслушать ни единой попытки уточнить сроки или задать дополнительные вопросы, сановники поднялись и ни слова не говоря удалились.

В дверях появился пожилой мажордом ди корте⁹⁸ в расшитом камзоле и громко объявил: — Синьоры, на сегодня прием завершен. Просим покинуть дворец и ожидать дальнейших распоряжений.

Филанджери тяжело вздохнул. Всё указывало на то, что волокита с получением разрешения грозит затянуться на неопределенно долгий срок. В коридорах власти время течет иначе — вязко, лениво, неторопливо. Его прошение может бесследно раствориться в бездонной канцелярской трясине. Судьба просителя — ждать, ждать и еще раз ждать. Здесь выигрывает только терпеливый. А состояние дел, к сожалению, временем не располагает.

Что он там сегодня говорил о Фортуне? Сейчас ее вмешательство и покровительство были бы как нельзя кстати. Но, похоже, у морского офицера Алессандро Филанджери Ла Фарина и впрямь в жизни настала черная полоса, и ему в полной мере придется испытать на себе прихоти этой переменчивой и капризной богини.

Фортуна, словно легкомысленная красавица, то щедро одаривает улыбкой, то отворачивается, не оставляя ни малейшего шанса на успех. Она не признает постоянства, ее благосклонность зыбка, как морская волна. И всё, что остается — терпеливо ждать, когда капризница обратит на него свой лукавый взор.

Перед тем как Филанджери смог покинуть дворец, к нему неожиданно приблизился Одуванчик. Тот задержал его легким, почти невесомым прикосновением к локтю — жест учтивый, но оттого не менее настойчивый.

— Я не прощаюсь с вами, князь, — с загадочной улыбкой произнес он. — Уверен, следующая встреча не заставит себя ждать. У нас, вне всякого сомнения, найдется немало тем для обстоятельного разговора.

Он склонил голову в вежливом полупоклоне, а его взгляд задержался на лице Алессандро чуть дольше, чем позволяли приличия. В этом внимании сквозило не только любопытство, но и едва уловимый оттенок личного и очень пристрастного интереса.

— Не откажу себе в удовольствии пообщаться с вами в более непринужденной обстановке, — добавил он чуть тише, словно бы намекая на нечто большее, чем просто светскую беседу.

С этими словами Одуванчик удалился, оставив после себя легкий шлейф благоухания и ощущение неприятно будоражащей интриги.

* * *

По счастью, улыбка Фортуны не заставила себя долго ждать. Буквально через два дня Алессандро получил из дворца приглашение на королевский завтрак.

На этот раз перед визитом в Палаццо Реале он не стал наряжаться с особым тщанием, как того требовал бы официальный или торжественный прием. Алессандро решил обойтись без блеска, лоска и помпезности, оставив ордена и знаки отличия в футляре. Приглашение на завтрак, пусть и королевский, казалось ему скорее возможностью для делового разговора, чем поводом для демонстрации регалий и воинских заслуг. Он выбрал скромный, но безупречно сшитый синий мундир с серебряными галунами, подчеркивающий достоинство и вкус, но не кричащий о прошлых триумфах.

В этот раз он ставил на простоту и сдержанность — качества, которые, как знал, порой производят на собеседников куда большее впечатление, чем россыпь наград на груди.

⁹⁸ Мажордом ди корте (итал. *maggiordomo di corte*) — высокопоставленный придворный, камердинер-дворецкий, отвечающий за организацию дворцовой жизни, церемоний, приемов и распорядок работы слуг в резиденции монарха.

Алессандро был приглашен в небольшую, но роскошно убранную гостиную, где царили утонченность и изысканный вкус. Ему не пришлось томиться в ожидании: всего через несколько минут в залу вошла королевская чета. В знак почтения адмирал отвесил глубокий, безупречно учтивый поклон.

Фердинанд приветствовал гостя с той небрежной любезностью, которая свойственна людям, давно привыкшим к почестям.

— Рад видеть вас, адмирал, — произнес король, кивая сдержанно, но не без интереса. Надеюсь, вы не в обиде на меня за то, что назначенная ранее аудиенция не состоялась. Зато сегодня у вас будет возможность позавтракать в присутствии моей королевы.

Алессандро поклонился вновь, отвечая с той сдержанной учтивостью, которую диктовал этикет:

— Ваши Величества, для меня большая честь быть приглашенным на королевский завтрак. И, конечно, нет — я не держу обиды, ведь прекрасно понимаю, какой поток государственных дел ежедневно обрушивается на ваши плечи. Более того, я воспринимаю встречу с Ее Величеством королевой как более чем щедрую компенсацию за отмену аудиенции. Возможность засвидетельствовать свое почтение вам обоим в такой неформальной обстановке — это редкая привилегия.

— Благодарю вас, адмирал, — мягко вступила в разговор Мария Каролина, одарив его благосклонным взглядом. — Надеюсь, эта встреча предвещает хорошие перемены в вашей судьбе. Прибывшее в Неаполь испанское посольство доставило личное послание августейшего отца моего супруга. Его Католическое Величество отзывается о вас с глубоким почтением и шлет самые высокие рекомендации. Король Карлос искренне надеется, что ваши бесценный опыт и познания отныне послужат вящему благу и процветанию неаполитанской короны.

В словах королевы Алессандро уловил не только формальную любезность, но и тонкий намек на возможность благоприятного решения его прошения.

— Для меня большая честь услышать столь лестную оценку от Его Величества Испанского короля, — ответил Алессандро, обращаясь к Марии Каролине.

Фердинанд, улыбнувшись, заметил:

— Вот уж поистине судьба любит шутить, капитан! Мне, испанцу по крови, суждено править Неаполем, а вам, истинному неаполитанцу, пришлось отдать лучшие годы службе испанской короне. Мне интересно, какими вы нашли моих несостоявшихся⁹⁹ соотечественников?

Филанджери хмыкнул:

— Ваше Величество, в национальном смысле Испанское королевство похоже на лоскутное одеяло, сшитое из самых разных тканей: одни — жесткие, другие — мягкие, третьи — яркие, четвертые — как сизый туман.

Андалузцы, к примеру, вечно празднуют, смеются, танцуют, угощают всех подряд тем, что у них есть, и обещают то, чего у них отродясь не водилось. Работать им скучно, зато рассказывать истории — здесь для них нет равных.

Галисийцы же, напротив, смотрят на мир с подозрением, будто за каждым углом прячутся призраки предков, строго за ними следящих. В приметы верят истово, новшества встречают с опаской, но трудятся с завидным упорством.

Упрямство арагонцев — их вторая натура. Если арагонец сказал «нет», то переубедить его может только Господь Бог — и то не всегда.

⁹⁹ Несостоявшиеся соотечественники — ироничное выражение, использованное королем Фердинандом IV, чтобы подчеркнуть свою двойственную идентичность: по крови он происходил из испанской ветви династии Бурбонов, его отец Карлос III правит Испанским королевством, и он сам мог бы быть испанцем среди испанцев, но судьба привела его на неаполитанский престол. Таким образом, испанцы для него — близкие по происхождению, но не ставшие настоящими соотечественниками.

Кастильцы при любых обстоятельствах держатся с достоинством, будто каждый из них — потомок Сиды¹⁰⁰. Прямолинейны, немногословны, иногда кажутся суровыми, даже холодными — но они честны и благородны.

Каталонцы — народ деловой. Торгуются до последнего мараведи¹⁰¹. Обожают порядок и считают, что умеют всё на свете.

Астурийцы — люди гор, суровые и немногословные. Они упрямы, как арагонцы, но еще и более скрытны. Любят сидр, песни под гитару и свои зеленые долины.

Валенсийцы — словно их апельсины: яркие, сочные, но с легкой горчинкой. Уважают веселье и музыку, радушны, но, если что, могут вспыхнуть, как порох. В работе не всегда усердны, зато гостеприимны и щедры. О себе говорят с юмором, а о жизни — с оптимизмом.

Алессандро замолчал, а Фердинанд, слушавший его с интересом, спросил:

— А баски? Что думаете о них?

Филанджери чуть заметно приподнял бровь и по-доброму улыбнулся. Король явно задел одну из струн его души.

— Баски? — он на мгновение задумался. — Каждый баск — это крепость. Ест много, пьет крепко, землю свою любит до одури, а чужаков не жалует. Веселых песен от него не дождешься, но если уж сказал — так и будет. В Испании говорят: быть баском — значит быть загадкой для других. У этого народа столько тайн, сколько тумана над их горами.

Так что да, Испания — целая вселенная характеров и обычаев. И если спросите, кто больше по нраву именно мне, я отвечу: «Баски». Потому что в них нет ни лукавства, ни лишних слов. Они не уходят от трудностей, не прячутся за чужими спинами, не боятся сказать правду, даже если она горька. Если уж дружат — то до самого смертного конца. В море, где надежность — главное качество человека, баск — лучший товарищ: он не станет искать легких путей, не бросит товарища в беде, не спасует перед опасностью, не предаст ради выгоды. Там, где другие начинают сомневаться, баск, не говоря лишнего, уже действует.

— Ваше Величество, вам не кажется, что пора пригласить нашего гостя к завтраку? — с легкой улыбкой обратилась к супругу юная королева.

Фердинанд ничего не ответил ей, лишь молча подошел к столу и занял свое место во главе, усевшись в кресло, которое заранее отодвинули лакеи. Ее Величество Мария Каролина расположилась по правую руку от супруга. Король сделал знак слугам, чтобы они выдвинули стул на противоположной стороне стола.

— Присаживайтесь, князь, — произнес король, указывая рукой на отведенное гостю место. — За столом, как известно, не стареют¹⁰², — добавил он с улыбкой.

Слуги принялись разливать напитки и раскладывать на тарелки угощения. Королевская чета приступила к трапезе. Алессандро есть не хотел, но, следуя правилам учтивости, пару раз ковырнул вилкой омлет с прошутто¹⁰³, заев его слегка поджаренным хлебом с рикоттой¹⁰⁴.

Король и королева завтракали молча, а Филанджери еще раз внимательно окинул взглядом венценосную чету. Как ни странно, оценивая молодого короля, он не смог внутренне под-

¹⁰⁰ Сид, Эль Сид Кампеадор, настоящее имя — Родриго Диас де Вивар (1048–1099) — легендарный кастильский рыцарь, военачальник и национальный герой Испании эпохи Реконкисты. Символ безупречной рыцарской чести, отваги и верности Кастилии.

¹⁰¹ Мараведи (исп. *maravedí*) — самая мелкая испанская монета XVIII века, чеканившаяся из меди. Составляла 1/34 часть серебряного реала и использовалась для самых мелких повседневных расчетов и розничной торговли.

¹⁰² *A tavola nun s'invetchia* (неаполитанская поговорка). Ее смысл гораздо глубже, чем просто упоминание о трапезе. Истина раскрывается не в суете и спешке, а в спокойной беседе, когда люди садятся вместе, чтобы поговорить откровенно, обсудить важные вопросы и прийти к пониманию. В такие моменты человек по-настоящему живет и не стареет душой.

¹⁰³ Прошутто (итал. *prosciutto*, буквально — окорок) — традиционная итальянская вяленая свиная ветчина, нарезаемая тончайшими ломтиками; отличается нежным вкусом и ароматом.

¹⁰⁴ Рикотта (итал. *ricotta*) — традиционный итальянский сыровоточный сыр. Внешне напоминает творог, но обладает более нежной, кремообразной текстурой и мягким, слегка сладковатым вкусом.

нять королевский штандарт — тот самый специальный флаг, который на морских судах поднимают в присутствии монарха или членов королевской семьи. Глядя на Фердинанда, Алессандро не испытал ни верноподданнического восторга, ни почтительного трепета, ни восхищения. Он не проникся величием личности короля и не увидел в нем настоящего суверена, достойного того самого внутреннего «штандарта», который обычно поднимал в душе перед особой истинно королевской породы, коей, к примеру, был отец Фердинанда, испанский король Карлос III.

В свои двадцать лет неаполитанский король выглядел крепким и высоким, но без той болезненной утонченности, что порой отличает иных европейских монархов. Его осанка была лишена чопорного достоинства. Кажется, он еще не привык к длительным формальным церемониям, предпочитая более активные занятия.

На его голове красовался модный парик, а пудра, смягчая черты лица, не маскировала здоровый румянец, свидетельствующий в пользу кратких часов кабинетных деяний, частых прогулок под неаполитанским солнцем, а также охоты и рыбалки.

Лоб у юного монарха был широкий и открытый. Лицо слегка вытянутое. Глаза темные и живые, глядящие с нескрываемым любопытством, а порой даже с проблеском озорства, что несколько обескураживало в столь высокородной особе. Они не излучали суровой властности, привычной в облике короля Испании.

Однако самой примечательной деталью во внешности Фердинанда являлся нос — именно за эту особенность народ уже успел наградить неаполитанского венценосца прозвищем *Ре Насоне*¹⁰⁵. Нос молодого монарха был не просто выдающимся, он прямо-таки господствовал на лице! Длинный, с легкой горбинкой, заканчивающийся достаточно объемной, почти мясистой частью, он представлял собой главную архитектурную доминанту королевской физиономии. Отнюдь не уродливой, но столь непропорциональной, что она моментально становилась центром внимания. Этот выдающийся нос придавал лицу короля... неаполитанскую самобытность, грубоватую, но в то же время выделяющую его из череды остальных Бурбонов.

Губы, полные, полнокровные, часто приоткрывались в едва заметной, чуть небрежной улыбке, которая выражала куда больше добродушия, чем изысканной галантности. Подбородок, крепкий, без какой бы то ни было слабости, указывал на упрямство Фердинанда.

Фигуру Его Величества обтягивал богато расшитый жюстокор цвета «императорского янтаря», расшитый золотой нитью и усыпанный драгоценными камнями. Под ним виднелось тонкое кружево манжет и жабо.

В целом, в свои двадцать король Фердинанд показался Филанджери человеком живым, энергичным, несколько простоватым в манере держаться, но в то же время обладающим несомненной харизмой.

Совсем иное впечатление на Алессандро произвела супруга короля. Он и в самом деле не ожидал увидеть королеву на завтраке. По строгому неаполитанскому этикету, унаследованному от набожного испанского двора, утренние трапезы монарха оставались делом сугубо приватным или, напротив, строго мужским, если на них приглашали военных. Женщинам, пусть даже королевской крови, в эти часы полагалось находиться в своих покоях.

Но Мария Каролина, плоть от плоти великой династии Габсбургов, явно не собиралась следовать душным местным традициям. В ее присутствии за столом Алессандро безошибочно угадал почерк ее матери, австрийской императрицы Марии Терезии. Молодая королева была слишком амбициозна, чтобы довольствоваться ролью безмолвной супруги при простоватом Фердинанде, предпочитавшем государственным делам охоту на кабанов.

¹⁰⁵ Ре-Насоне (итал. *Re Nasone*) — прозвище короля Фердинанда IV Неаполитанского (позднее Фердинанда I Обеих Сицилий). В переводе с неаполитанского диалекта означает «Король-Носач», что намекало на его непропорционально длинный и крупный нос. Прозвище носило слегка ироничный оттенок и было широко распространено среди народа.

В Неаполе шепотом поговаривали, что эрцгерцогиня прибыла из Вены с четкой целью: прибрать к рукам управление королевством. По условиям их брачного контракта, как только она подарит короне наследника, ей будет официально гарантировано место в Государственном совете. Но, судя по ее лихорадочному интересу к политике, Мария Каролина не собиралась ждать родов.

Ее появление на этом завтраке, да еще в разгар визита франко-испанского посольства, было не случайным капризом, а просчитанным политическим шагом. Королева жаждала участвовать в каждом решении супруга, лично оценивать преданность офицеров и мягко, но настойчиво направлять слабую волю Фердинанда в нужное русле Вены.

Австриячке было девятнадцать лет, но держалась она с такой уверенностью и достоинством, что всякий, кто видел ее, тут же забывал о юном возрасте. Истинная дочь императрицы Марии Терезии!

Первое, что бросалось в глаза, — лицо королевы. Оно было, бесспорно, красивым, но не той слащавой кукольной красотой, что быстро приедается. В нем чувствовалась порода и ум, выдающие не просто благородное происхождение, но и сильный характер. Цвет лица, нежный, фарфоровый, не тронутый жгучим неаполитанским солнцем, говорил о северном происхождении и тщательном уходе. Однако за чертами легкомысленной модницы угадывалось лицо королевы, рожденной править.

Большие, ясные, глубокого сине-серого цвета глаза смотрели проницательно, словно оценивая всё и всех вокруг. В них читались не только любопытство юности, но и привычка мыслить, анализировать и принимать решения. Иногда проскальзывала едва заметная искра нетерпения или даже скуки, но стоило их обладательнице заметить на себе изучающий взгляд, как они становились цепкими и внимательными.

Высокий лоб, окаймленный светлыми, почти пепельными локонами, напудренными до жемчужной седины, придавал облику королевы интеллектуальную галантность. Прическа была настоящим архитектурным сооружением: взбитые и завитые по последней венской моде волосы, пышно уложенные вверх, украшались небольшими палевыми перьями и заколками, инкрустированными бриллиантами, переливающимися в свете струящихся в окна солнечных лучей разноцветными брызгами.

Губы Марии Каролины, сложенные изящной дугой, чаще плотно сжатые, выражали величие. Тонкий и аристократичный нос придавал лицу строгую утонченность.

На шее королевы покоилась нить крупных безупречных жемчужин, а на груди, на лифе платья, сияла великолепная бриллиантовая брошь в виде банта — фамильная драгоценность и знак высокого статуса.

Юная австриячка была стройна, но не хрупка. Она несла себя с истинно имперской грацией. Каждое движение было выверено, но не скованно. Осанка безупречна, стан прямой, а гордо поднятая голова позволяла ей казаться выше, чем, возможно, была на самом деле.

Платье из тяжелого небесно-голубого атласа, подчеркивающего глаза, дополнялось драгоценными камнями. Рукава отделаны тончайшим кружевом. Всё это говорило о несметном богатстве и безупречном вкусе, присущем Габсбургам. Одевание не столько украшало королеву, сколько утверждало ее власть. Когда Мария Каролина говорила, голос ее был чист и мелодичен, но слышались стальные нотки, выдающие волю.

Слегка перекусив, король продолжил разговор:

— Итак, князь, давайте вернемся к цели вашего визита. Я внимательно ознакомился с прошением. Вы весьма обстоятельно изложили суть дела. Должен признаться, мне искренне жаль, что вы и весь ваш род оказались в столь незавидной ситуации. Я распорядился навести справки о положении вашей семьи и вынужден согласиться: оно действительно непростое и требует решительных, возможно, весьма нетрадиционных и кардинальных мер. Как уже было

сказано, мой августейший батюшка дал вам высочайшую оценку и подробно описал ваши заслуги перед Испанской короной.

Алессандро, принимая похвалу, почтительно склонил голову.

— Ваше Величество, благодарю вас и Его Величество короля Карлоса за столь милое внимание к моей персоне. Я глубоко тронут тем, что вы нашли время разобраться в моем деле. Для потомка рыцарского дома Филанджери служба короне — высшая честь. Прошу понять меня правильно: в нынешних обстоятельствах я вынужден поступать так, как изложено в прошении. Долг рода требует не только восстановления былого благосостояния, но и сохранения доброго имени предков.

— Вы говорите как истинный сын вашего благородного рода, князь Алессандро. Я понимаю ваши соображения относительно брака. Вы просите разрешения на морганатический союз. В вашем случае супружество с женщиной богатой, но не знатной, продиктовано необходимостью и разумом, а не легкомыслием. В подобных случаях закон требует специального королевского разрешения, особенно если речь идет о наследовании титула. Передача его детям от морганатического брака не соответствует принципам майората, поскольку такой брачный союз изначально предполагает, что дети не получают титулов и прав на наследство. Однако, если прямых наследников больше нет, а род угрожает пресечься, как в вашем случае, в королевской власти сделать исключение из правил — выдать специальное разрешение, легитимизировать детей, признать их наследниками и позволить принять титул.

— Именно так, Ваше Величество. Ради этого я и обратился к вам с прошением. Я молю позволить мне, если будет на то ваша воля, передать титул моему сыну, который родится в этом браке. Я вполне осознаю исключительность своей просьбы, но другого способа сохранить род, вернуть ему благосостояние и исполнить долг перед памятью моего отца и предков у меня нет.

В обмен на ваше согласие я клянусь, что, исполнив обязательство перед фамилией, я докажу свою верность Неаполитанской короне и буду служить вам с преданностью и рвением, достойным истинного подданного. Ваш августейший батюшка советовал мне принять командование одной из флотилий Вашего Величества. Если сочтете это возможным, я с радостью и всем усердием исполню ваш приказ. После рождения наследника я буду целиком и полностью в вашей власти, готов служить короне столь же честно и самоотверженно, как служили мои предки.

Фердинанд мягко кивнул, поднял свой бокал, отпил немного вина, затем неспешно поставил его обратно на стол. Лишь после этого, с величием в голосе и осознанием полноты своей власти, он произнес:

— Что ж, я намерен удовлетворить ваше прошение, адмирал. Я дарую вам право заключить морганатический брак и легитимизировать детей, рожденных в этом союзе. Ваши былые и, уверен, будущие заслуги перед короной, а также отсутствие иных наследников, позволяют мне сделать для вас исключение из общих правил. Однако, как того требует государственный порядок, королевская привилегия¹⁰⁶ должна быть утверждена Государственным советом, который возглавляет мой первый министр, синьор Бернардо Тануччи. Насколько мне известно, он был близок с вашим отцом. Думаю, этот факт лишь поспособствует положительному рассмотрению вашего дела и скорому подписанию моего рескрипта¹⁰⁷.

Алессандро молча выдохнул: большая часть дела была сделана. Оставалось лишь добиться от молодого короля последней уступки.

¹⁰⁶ Королевская привилегия (итал. *Privilegio reale*) — особое право или льгота, даруемое монархом отдельному лицу или семье; обычно предоставлялось указом и могло касаться титулов, земель, наследования или других исключительных благ.

¹⁰⁷ Рескрипт (итал. *Rescritto*) — специальный письменный ответ на прошение или постановление короля (или высшего должностного лица), которым разрешались отдельные вопросы или просьбы подданных, имел силу закона для конкретного случая.

— Ваше Величество, вы оказываете мне великую честь своим согласием. Клянусь, я этого не забуду. Однако, пользуясь вашей несказанной милостью, осмелюсь обратиться с еще одной просьбой. К сожалению, в прошении я не упомянул этот пункт, не зная, что он окажется столь важным для осуществления мною задуманного.

— О чем речь, князь? — спросил Фердинанд, оживившись.

Алессандро устал от многословных церемоний и перешел к сути без лишних предисловий:

— Я прошу вас даровать моей будущей супруге право после венчания именоваться «княгиней».

Фердинанд задумчиво молчал, и тут на помощь Филанджери неожиданно пришла юная королева.

— *Majestät! Mein Herr!*¹⁰⁸ Я понимаю, что подобная просьба необычна, но иногда великодушные венценосцы способны изменить не только судьбу одной женщины, но и упрочить верность целого рода. В моем доме, доме Габсбургов, говорят: «*Große Ehre entspringt großem Erbarmen*. — Великая честь произрастает из великого милосердия». Насколько я понимаю, князь просит для своей будущей супруги ненаследуемый, личный титул вежливости. Ваше согласие удовлетворить эту просьбу не умалит ни наш трон, ни устои, но станет свидетельством вашей мудрости и справедливости.

Порой именно такие жесты рожают настоящую привязанность и благодарность, которые невозможно купить ни золотом, ни законами. Я сама — чужестранка при вашем дворе и прекрасно знаю, как важно чувствовать себя принятой. Поверьте, милость, оказанная женщине, всегда возвращается сторицей ее преданной благодарности и добрыми делами.

Капитан Филанджери верно и преданно служил вашему батюшке. Он снискал себе имя в Испанской королевской армаде — немногие могут похвастаться столь безупречной репутацией. Нашему флоту необходимы командиры с его опытом и глубоким знанием морского дела, особенно в эти смутные времена, когда море грозит стать ареной опасных политических интриг.

Сейчас капитан Филанджери переживает непростой период — и не по своей вине, хочу заметить. Но ум, отвага и стойкость — это то богатство, на которое ни один кредитор не наложит арест, и которое не отнимет ни одна житейская буря. Таких людей нужно поддерживать, ибо их судьба неразрывно связана с судьбой королевства.

Удовлетворить прошение князя в полном объеме — значит не только проявить милосердие, но и ясно показать, что королевская власть ценит верность и возлагает надежды на будущие заслуги перед короной. Забота о прочном семейном очаге вашего морского офицера лишь укрепит его преданность вам, Ваше Величество. Ваше великодушие останется в памяти не только у семьи капитана Филанджери, но и у всех ваших подданных, ибо они увидят в вас не просто властителя, но справедливого покровителя.

Юный король взял в руку серебряный нож, неторопливо намазал масло на хлебец, сверху полил конфитюром, закинул в рот кусочек, прожевал и только после этого, наконец, произнес:

— Что ж, князь, я рассмотрю этот пункт вашего прошения с особым вниманием. Дарование титула вежливости вашей будущей супруге, если Государственный совет не возразит, вполне возможно. Ее Величество королева права: это будет ненаследуемый титул, придающий статусности и уважения, и, на мой взгляд, станет справедливой компенсацией избранной вами невесте за вклад в разрешение вашей ситуации и принесенную жертву. Уверен, ваш союз послужит примером благоразумия и преданности престолу.

¹⁰⁸ *Majestät! Mein Herr!* (нем.) — Ваше Величество. Мой господин.

— Благодарю вас, Ваше Величество. Ваше согласие удовлетворить мои просьбы — великая честь для меня и моего рода. Клянусь служить вам с тем же рвением, с каким служил Испанской короне, и оправдать доверие, оказанное вашей милостью.

— Уверен, что так и будет, — произнес Фердинанд и, уже поднимаясь из-за стола, добавил: — О вашем прощении будет немедленно сообщено Государственному совету, князь Алессандро.

Мария Каролина, расставаясь с визитером, была куда более многословна и сердечна:

— Мы не прощаемся с вами, князь. С нетерпением ждем вашего скорого возвращения с радостной вестью о наследнике. Хотя, должна признаться, по собственному опыту знаю, насколько этот путь непрост. Небо пока не благословило наш дом появлением младенца, но мы с Его Величеством не теряем надежды порадовать Государственный совет и всю страну рождением долгожданного престолонаследника. Моя матушка, эрцгерцогиня Австрийская Мария Терезия, часто повторяет: «*Geduld und Fleiß sind die besten Verbündeten in dieser Angelegenheit*. — Терпение и усердие — лучшие союзники в этом вопросе». Желаю вам, князь, такой же стойкости, какую требует море, и такой же удачи, какую ждет капитан, ведущий свой корабль сквозь туманы к спасительной гавани. Пусть Господь дарует вам сына, достойного вашего рода и нашего королевства.

Филанджери склонил почтительно голову и подумал: «Да, Мария Каролина — королева не только по рождению, но и по призванию. Она не будет тенью своего супруга. Эта женщина, еще не достигнув и двадцати лет, уже обладает силой воли и интеллектом. Она явно способна управлять не только двором, но и целым королевством. В ней и теперь читается будущая мощь, чувствуется энергичная, властная натура, для которой обстоятельства и условности — лишь препоны, кои можно и нужно преодолевать ради поставленных целей. Неаполь, возможно, еще не до конца осознал, какой бриллиант, хоть и с острыми гранями, ему достался. Эта королева точно будет править. И править она будет властно и жестко».

Глава 2

Витторе Жиральдо отодвинул стул и уселся поближе к девушке. Выложил на столешницу из кожаной папки пачку бумаг.

— Синьорина Фьорелла, как и было ранее условлено, я принес вам для ознакомления ваш брачный договор. К сожалению, закон не наделил вас еще правом подписи. Это право по-прежнему закреплено за вашей тутриче¹⁰⁹, синьорой Сильвестри...

Адвокат демонстративно взглянул на каминные часы уютной гостиной и поправился:

— Впрочем... Уже миновал полдень. Венчание вашей родственницы было назначено на одиннадцать. А это значит, что она уже не Сильвестри, а Филанджери Ла Фарина, и, учитывая ее брачный контракт, к которому мне также пришлось приложить руку, нам следует отныне величать вашу милейшую тетушку княгиней ди Сатриано, княгиней ди Арианиелло и графиней Авеллино. Ее новый супруг, по милости нашего короля, смог удостоить свою жену почетными титулами вежливости. Сделал он это, конечно, не от щедрот душевных, а по ее настойчивому требованию. Вопрос о титулах был острым предметом обсуждения и единственной препоной для подписания брачного договора с ее стороны.

Кстати, боюсь, что подписание этого документа, — Витторе Жиральдо указал рукой на стопку бумаг, лежащую на столе, — тоже может застопориться. Завещание вашего покойного дяди, наделившее вдову правом опеки над вами, содержит одну неприятную оговорку, от которой я синьора Сильвестри в свое время так и не смог отговорить.

— О чем вы? О какой оговорке речь? — спросила Фьорелла заинтересовано.

Виконт Моразини, развернувшись к девушке, придал лицу выражение мягкой серьезности.

— Видите ли, тут такое дело. В случае нового замужества вдова синьора Сильвестри может передать право опеки над вами своему новому супругу, если он, конечно, изъявит желание такую ответственность на себя принять.

— И это что-то меняет? — осведомилась девушка, но теперь ее интерес заметно поугас. — Через три месяца состоится моя свадьба. После моего венчания с сыном синьора Эспозито опекун — неважно, будет ли это тетя Лукреция или эта роль достанется ее новому супругу — в любом случае это право потеряет. Я стану замужней синьорой и выйду из-под опеки. Три месяца — незначительный срок. Даже если Лукреция, — Фьорелла запнулась, — простите, даже если княгиня ди Сатриано и ди Арианиелло пожелает избавиться от бремени опеки над мной и передать эту «обузу» супругу, я это уж как-нибудь переживу.

Виконт Моразини издал глубокий, протяжный вздох, заставивший Фьореллу напрячься.

— Что-то не так?

— Боюсь, что в этом случае всё окажется не так уж и просто.

— Что вы имеете в виду?

Прежде чем ответить, Витторе Жиральдо постучал по столешнице пальцами и вновь глубоко вздохнул.

— Видите ли, тут такое дело. Брачный посредник жениха, а теперь и уже супруга, вашей тетушки, вероятно, с подачи своего нанимателя, испил у меня не одну караффу¹¹⁰ крови, пока мы не выработали тот вариант договора, который полностью удовлетворил князя ди Сатриано

¹⁰⁹ Тутриче (итал. *tutrice*) — опекунша.

¹¹⁰ Караффа (итал. *caraffa*, буквально — графин) — единица измерения объема в Неаполитанском королевстве XVIII века. 1 караффа равнялась 0,727 л. Название произошло от названия итальянского графина с широким дном и зауженным горлышком, которым в старину измеряли жидкости.

и ди Арианиелло. Насколько я понял, его светлость — человек, который всегда добивается того, чего захочет.

Витторе Жиральдо потянулся к хрустальному графину, стоящему на столе:

— Вы позволите?

Фьорелла вынырнула из состояния задумчивости:

— А? Что?

Поняв, что виконт просит дозволения налить себе воды, ответила:

— Да-да, конечно.

Пока мужчина наполнял стакан, девушка отрешенно наблюдала за этим действием, а потом неожиданно попросила:

— Если не затруднит, и мне налейте, пожалуйста.

Фьорелла несколько раз обмахнула лицо ладонью. Она пожалела, что не захватила с собой веер. Слова виконта породили в ней смутное предчувствие чего-то дурного, и это заставило сердце сбиться с привычного ритма.

— Сегодня как-то уж слишком жарко, — решила она пояснить свою просьбу.

Виконт подал ей уже налитый стакан.

— Синьорина Фьорелла, я вас чем-то расстроил?

Девушка отпила несколько глотков.

— Не сказать, что расстроили, скорее дали повод к беспокойству.

Витторе Жиральдо приподнял бровь, побуждая собеседницу к разъяснениям.

— Видите ли, я ведь еще ни разу не встречалась с тетушкиным женихом. Он посватался очень необычно и стремительно: нанес синьоре Лукреции молниеносный визит, а на следующий день прислал письмо с предложением руки и сердца. Тетушка, к моему большому удивлению, его сразу же приняла, ну а потом... Потом вы знаете сами. После этого в торг за приданое вступили адвокаты сторон. Эта процедура по времени была куда более затяжной, чем само сватовство.

— А во время того, первого, визита вы разве не присутствовали?

Фьорелла мотнула головой.

— В тот день была годовщина смерти моих родителей. Мы с нянюшкой в это время были в церкви на заупокойной мессе. Тетя потом сказала, что предложила князю отобедать с нами. Она хотела познакомить его светлость со мной, но он, сославшись на неотложные дела, отказался дожидаться.

— А почему же вы сегодня не в церкви? Разве вас не пригласили на венчание?

Девушка улыбнулась.

— Представьте себе, нет. Не пригласили. И это тоже решение князя. Тетя объяснила, что жених не желает видеть посторонних на церемонии. На венчании будут присутствовать только молодожены да два свидетеля, причем оба со стороны жениха. Свадебного банкета, кстати, тоже не будет. Тетя сказала, что они ненадолго заедут сюда после церкви. Она всё-таки хочет познакомить меня с мужем. А потом они сразу отправятся на виллу князя. Она находится здесь же, в Позиллипо. Медовый месяц они проведут там. А я в это время поживу здесь с няней. Так что терпеть причуды нового мужа тети мне придется недолго, всего лишь два месяца.

Витторе Жиральдо хмыкнул.

— Да уж, необычный человек, что и говорить. Быть может, у них, военных, всегда так? Всё строго, без лишней помпезности и ненужных церемоний. Быстрая помолвка, минимальное количество гостей на венчании, отказ от пышного празднества — это больше похоже на продуманный и стратегически выверенный военный план, где каждый шаг продуктивен и целесообразен.

Возможно, князь, привыкший к подчинению личного состава и железной дисциплине на вверенном ему корабле, перенес этот подход и на свою женитьбу. Всё описанное вами говорит о

желании его светлости сэкономить время и силы, сосредоточившись на главном — заключении брака.

Но, надо признать, военная стратегия князя принесла ему в конечном итоге желанную победу. Он получил не только красивую жену, не только крупное доте¹¹¹, но и выторговал себе право единолично распоряжаться имуществом своей второй половины. Так что с сегодняшнего дня доля вашей тетушки в компании синьора Сильвестри больше не находится под моим контролем, и я уже не являюсь поверенным княгини. Ваш брачный договор — последний документ, который я для нее готовил. Ей, как вашей опекунке, осталось только поставить под ним подпись.

Виконт пододвинул пачку бумаг поближе к девушке.

— Но перед этим я всё же попрошу и вас ознакомиться с ним. Я специально приехал пораньше, чтобы у вас была возможность сделать это. Вы должны знать, что вас ждет.

Фьорелла взяла верхний лист в руки. Она должна знать, что ее ждет? Она и так это знает. Ее не ждет ничего хорошего.

Фьорелла Паломма Сильвестри, по сути, жила приживалкой в богатой семье, хотя по своему происхождению была довольно знатна. Ее мать, Летиция Йоланда, урожденная Алессандри была единственной дочерью Джакомо Маттео Алессандри, виконта ди Леттере. Когда юной виконтессе исполнилось восемнадцать лет, она тайно обручилась с вхожим в их дом тридцатилетним преподавателем латыни Доменико Феличе Сильвестри. Этот союз, освященный церковными брачными клятвами, не получил благословения главы рода Алессандри. Летицию изгнали из семьи, оставив наедине с неизбежной нищетой, грозящей уничтожить и ее, и возможного ребенка.

Однако судьба девушки оказалась благосклоннее, чем ожидал ее отец. С голоду дочь, конечно же, не пропала. Во-первых, ее супруг являлся профессором Неаполитанского университета. Во-вторых, он давал уроки детям знатнейших и богатейших домов Неаполя, получая за это щедрое вознаграждение. А в-третьих, и это самое главное, он происходил из семьи богатых негоциантов Сильвестри, коим принадлежала могущественная компания, занимающаяся оптовой торговлей дорогими тканями по всему Апеннинскому полуострову. И хотя Доменико Феличе не пошел по стопам отца и старшего брата, он не был отлучен от семейных денег.

Отец Доменико, дед Фьореллы, видел, что его младший сын не чувствует в себе склонности к торговле. Увлечение отпрыска латынью и древнегреческим языком, мифологией и поэзией стало для него не просто профессией, а истинным жизненным призванием. Старший Сильвестри, проницательный и дальновидный человек, не стал препятствовать сыну, увидев в его учености возможность для всей фамилии достичь более высокого социального статуса и выйти за пределы чисто коммерческого процветания. Его инвестиции в образование сына принесли отличные плоды. Младшему Сильвестри удалось добиться многого.

В скором времени Доменико Феличе получил ученую степень доктора и занял в Неаполитанском университете должность преподавателя греческого и латинского языков и литературы, а еще через какое-то время стал *Cattedraticus Litterarum Humanarum*¹¹². Тем самым отец Фьореллы достиг вершины в своей академической карьере.

¹¹¹ Доте (итал. *dote*) — приданое. В Неаполитанском королевстве XVIII века представляло собой материальные и финансовые средства, передаваемые невесте при вступлении в брак. Оно состояло из различных активов, включая деньги, имущество и недвижимость. Доте служило как для обеспечения невесты в новом доме, так и как средство увеличения привлекательности девушки для потенциальных женихов. Приданое играло важную роль в социальном статусе семьи и определяло экономическую стабильность брака, оно часто служило предметом переговоров между родителями невесты и жениха.

¹¹² *Cattedraticus Litterarum Humanarum* (лат.) — кафедральный профессор гуманитарных наук. Термин охватывал широкий круг дисциплин, относящихся к гуманитарному знанию. К ним относились классическая филология (включая греческий и латинский языки и классическую литературу Греции и Рима), история и философия. Важно отметить, что этот спектр дисциплин отличался от современного понимания гуманитарных наук. Звание *Cattedraticus* указывало на профессора, занимавшего кафедру (лат. *cattedra*), что являлось признаком высокого статуса и престижа в университетской иерархической системе,

Правда, родитель Доменико до этого знаменательного дня не дожил. После его смерти унаследовавший всю компанию старший сын поступил относительно справедливо. Фирму отца Бернардо Гуидо оставил себе, а вот все деньги поделил с младшим братом поровну. В одночасье Доменико Феличе стал очень богатым человеком.

Таким образом, ирония судьбы привела к тому, что Летиция Йоланда Сильвестри, урожденная виконтесса ди Леттере, лишенная родительского дома, участия и покровительства родных, жила с маленькой дочерью в полном комфорте и достатке, обеспеченном не своими родственниками и собственным приданным, а ученой карьерой мужа и деньгами, доставшимися ему после смерти отца.

Отсутствие родительского внимания заменяла ей нежная любовь и забота супруга. Профессор Сильвестри боготворил свою юную, хрупкую жену. Он всегда ласково называл ее Лети и говорил, что имя это звучит как любовный шепот. В каждом взгляде на супругу читалось безграничное восхищение и обожание. Летиция, в свою очередь, отвечала мужу трепетным благоговением. Ее глаза всегда сияли, отражая свет его чувства.

В атмосфере искренней привязанности и взаимного уважения расцветала их дочь Фьорелла Паломма. Она была центром этой маленькой вселенной, желанным и любимым ребенком. Дом профессора Сильвестри был не только оазисом спокойствия, но и своеобразным филиалом Неаполитанского университета. Здесь ценились интеллектуальные разговоры и совместные вечерние чтения книг. Маленькая Фьорелла росла, вдыхая благоухающую смесь интеллекта, гармонии и безграничной родительской любви. Это было золотое время, полное беззаботных детских радостей, окруженное ласковым светом семейного счастья. Однако, как это бывает в жизни, за красивым закатом неизбежно следует наступление ночи. На смену безмятежному счастью Фьоры пришли тяжелые, темные времена.

В 1767 году легендарная Медицинская школа Салерно, достигшая расцвета к тринадцатому веку, а к веку восемнадцатому уже ощущавшая вялое дыхание упадка, под эгидой Бурбонской династии значительно преобразилась. Из старинных стен, хранивших веками медицинские тайны, возникла *Regio Studio di Salerno* — Королевская школа Салерно.

В отличие от прославленной предшественницы, сосредоточенной преимущественно на врачебном искусстве, новое учебное заведение было задумано как оплот более широкого образования. Медицина, безусловно, оставалась в приоритете, но к ней прибавились философия, право и гуманитарные науки.

Для реализации амбициозной задачи по ее преобразованию, по высочайшему повелению короля Фердинанда IV, из Неаполитанского университета были откомандированы в Салерно на месяц трое специалистов, в том числе и кафедральный профессор гуманитарных наук Доменико Феличе Сильвестри. Всем троим предстояло наладить изучение новых дисциплин в только что учрежденном учебном заведении.

Летиция Йоланда не пожелала расстаться с любимым супругом на столь продолжительное время. Она напросилась с ним в эту длительную командировку. Пятнадцатилетнюю дочь Фьореллу они не взяли с собой лишь по одной причине: в тесной карете для нее просто не было места. Это вынужденное решение, как оказалось впоследствии, стало для девочки настоящим спасением.

Дело было в мае. При подъезде к Виетри-суль-Маре на путешественников обрушилась вся ярость природной стихии. Неистовая буря с ревущим ветром и потоками ливня стала для них смертным приговором. Им стоило бы остановиться и переждать грозу на ближайшем постоялом дворе. Но до Салерно оставалось рукой подать. Поэтому ездоки вознамерились двигаться дальше. Это решение обернулось трагедией.

Дорога проходила по скалистому берегу моря. В одном месте нависшая скала не выдержала натиска ветра и небесных потоков воды. От нее откололся огромный кусок, который, устремившись к морю, снес туда же и карету с двумя лошадьми. Чудом выжить смог лишь возница. Его отбросило с серпы¹¹³, он упал на скалистый уступ и с большим трудом выбрался обратно на дорогу. Мужчина и рассказал потом обо всех обстоятельствах столь страшной трагедии, стоившей четырех жизней.

Это был громкий случай, вызвавший широкий общественный резонанс. Рассказ об ужасающей катастрофе облетел все газеты и новостные листки Неаполя. Еще бы! В страшном происшествии погибли сразу три кафедральных профессора Неаполитанского университета.

Королевским приказом несовершеннолетним детям и вдовам погибших была назначена щедрая пенсия. Фьорелла Паломма была в числе ее получивших. Но разве могло это хоть в какой-то мере компенсировать ее потерю? Фьорелла очень любила мать и просто обожала отца. В черные дни скорби, как будто в отклик на невыносимую боль, в груди девушки расцвел поэтический дар, и ее первое стихотворение стало пронзительным криком души об утрате и о любви к ушедшим близким.

*О, Небеса! Прошу у вас ответа:
За что послали вы мне тяготы страданья?
Остановите и мое дыханье!
Страшна, невыносима мука эта...*

*Отец был сердцем, мать — моей душою!
Без них я вся увяла, опустела,
И на столетье, будто, постарела...
Не знаю сна, не ведаю покоя.*

*Стал приговором им скалистый берег моря...
Я разъяренную Стихию проклиная!
Она похитила мою семью у бездны края!*

*Как жить без них?.. Осталось только горе.
Молю, Господь, спаси их души Ты.
Даруй им рая вечного плоды¹¹⁴.*

Оставшись сиротой, девочка лишилась не только родительской любви и заботы, но и надежды на пристанище в доме деда и бабки по материнской линии. Гибель дочери не смогла смягчить сердце виконта ди Леттере. Оно оказалось непроницаемо для слез единственной внучки.

Виконта угнетала непокорность Летиции, он никак не мог принять ее дерзкий побег из родного дома и тайное венчание с учителем латыни. Рождение внучки, на три месяца опередившей свой срок, стало не только доказательством греховности дочери, но и сокрушительным ударом, усилившим и без того бушующие ярость и негодование.

¹¹³ Сёрпа (итал. *serpa*) — козлы (экипажа).

¹¹⁴ Стихотворение Марии Солдатовой.

Мысль о том, что Летиция предавалась любовным утехам под крышей его дома, словно искра, брошенная в бочку с порохом, взорвала оковы сдержанности и мысли о примирении. Запертый в клетке собственных обид, он не воспринял как правду письмо дочери с объяснениями, что венчалась она невинной и что Фьорелла родилась семимесячной. Для него рождение внучки в неположенный срок стало неизгладимым пятном на чести фамилии Алессандри. Он видел в действиях дочери не только непослушание, но и презрение к своему авторитету, к вековым традициям знатного рода. Для виконта, привыкшего к безусловному повиновению и строгому соблюдению социальных норм, это было актом непростительного бунта, оскорбление его самого, сравнимое лишь с изменой.

Летиция Йоланда — воплощение его позора и символ разочарования в собственной крови — была им отвергнута и оставлена на произвол судьбы. После ее смерти гнев виконта, изначально направленный на дочь, с бесстрастной жестокостью обрушился и на внучку. Отказ виконта ди Леттере принять пятнадцатилетнюю Фьореллу Паломму Сильвестри стал жестоким, но логичным финалом семейной драмы, запущенной непокорностью дочери. Виконт ди Леттере, в своем твердокаменном эгоизме, избрал путь мщения, назначив его объектом собственную кровь — ни в чем не повинную внучку.

К счастью, осиротевшая Фьорелла, как и ее мать, не осталась наедине с жестокой судьбой. Девушку приютил родной дядя, Бернардо Гуидо, который сам оказался в плену двойной трагедии. Лишь во втором браке ему суждено было познать счастье отцовства, которого не принес первый, бездетный союз. Спустя пять лет после свадьбы Лукреция Пьерина, его новая жена, наконец-то готовилась явить на свет близнецов. Для Бернардо это событие обещало стать днем несказанной радости и долгожданного счастья. Он чувствовал, что мечты о большой семье и наследниках, наконец-то, начинают сбываться.

Однако его надежды не оправдались. Ошибка повитухи при ведении трудных родов привела к тому, что оба мальчика оказались задушенными пуповиной. Они родились мертвыми. Эта новость разбила сердце мужчины. Бернардо и его жена погрузились в бездонную пучину горя.

Но на этом беды синьора Сильвестри не закончились. Спустя всего неделю Бернардо получил известие о гибели младшего брата и его жены. Двойной удар судьбы был настолько сильным, что он в отчаянии пытался найти хотя бы какое-то облегчение. Именно тогда ему пришла мысль забрать осиротевшую племянницу к себе.

Фьорелла, потерявшая родителей, была для него не только единственной кровной родственницей, но и надеждой на утешение. Тихая, чуткая, очень умная и тонко чувствующая, она явилась для него светом в темные времена. Бернардо Гуидо, сам страдающий от потерь, стал для девочки опорой и защитой. Дядя старался окружить племянницу любовью и вниманием, относился к ней так, как если бы она была его дочерью.

Девушка своими теплыми ответными чувствами позволяла мужчине испытать желанную радость отцовства, пусть и несколько в ином, не прямом качестве. Их обоюдная приязнь стала для обоих источником утешения и душевных сил. Она позволяла вместе преодолевать трудности и находить смысл жизни после утрат.

Восемнадцатилетие Фьореллы ознаменовалось важным событием: Бернардо Гуидо, заботясь о будущем племянницы, устроил ее помолвку с сыном влиятельного делового партнера. Джанбаттиста Эспозито был арматоре¹¹⁵. Он владел кораблями, на которых синьор Сильвестри перевозил свой товар.

Решение дяди не стало для Фьореллы неожиданностью. Девушка, обладая редкой для ее возраста рассудительностью, понимала неизбежность замужества. Остаться обузой для

¹¹⁵ Арматоре (итал. *armatore*) — судовладелец.

единственного родственника, несмотря на его щедрость и любовь, представлялось ей недопустимым.

Однако, помимо прагматических соображений, в ее решении согласиться на этот брак присутствовала и другая, более личная причина. В общем и целом младший Эспозито пришелся Фьорелле по душе. Лука Саверио был неплохим парнем двумя годами старше нее. Он не был хорош собой, но в нем Фьора¹¹⁶ обнаружила довольно неплохого собеседника, с которым было легко и приятно общаться. Лука обладал даром поддерживать разговор, но не стремился при этом выпячивать свое «я». Его скромность сочеталась с естественностью, что придавало личности вполне законную притягательность.

Именно эти качества, наряду с рациональным расчетом, пробудили в сердце Фьореллы искру симпатии. Именно это сделало помолвку не просто выгодным союзом, но и залогом крепкого, основанного на взаимном уважении, брака.

И всё же это было не тем идеалом супружества, который Фьорелла рисовала в воображении и который наблюдала в собственной семье. В ее доме всегда царила атмосфера любви и преданности. Отец, словно рыцарь, боготворил мать. Он бережно сдувал с нее пылинки и заботился о каждом ее желании. Она же, в свою очередь, всегда смотрела на него влюбленными глазами и будто каждый новый день по-новому очаровывалась им.

Их отношения были полны нежности и поддержки, что создавало в доме атмосферу уюта и гармонии. В семье Фьореллы было принято делиться радостями и заботами, обсуждать проблемы и вместе искать решения. Она росла, наблюдая, как родители ценят друг друга, как они находят время для романтических свиданий даже спустя годы совместной жизни. Это создавало в ее душе представление о любви как о чем-то сентиментальном и возвышенном, а о браке — как о крепком партнерстве, где царит атмосфера дружбы и взаимной поддержки.

Впервые задуматься о том, а не поспешила ли с помолвкой, Фьорелле пришлось в день обсуждения брачного договора. Именно тогда девушка впервые встретилась с поверенным дяди, Витторе Жиральдо Ранелли.

Она и раньше слышала от родственника эту фамилию. Дядя отзывался об адвокате как о человеке исключительного ума, поразительной проницательности, безупречной честности и порядочности. Он называл его Мастером своего дела с большой буквы. Говорил, что его адвокат способен развязывать самые запутанные юридические узлы, что этот юрист выигрывает дела не хитростью, а смекалкой и знанием тонких нитей и подковерных швов всех законов.

Фьорелла очень удивилась, когда синьор Ранелли представился ей виконтом Моразини. Оказалось, что поверенный дяди имеет благородный титул, но это не мешает ему быть уважаемым адвокатом. Казалось бы, человек, принадлежащий к высшему свету, должен быть далек от суеты судебных заседаний и беготни по чужим делам. Однако виконт Моразини делал всё это, и знатное происхождение нисколько не умаляло его профессиональных качеств.

Когда после обсуждения брачного договора Фьорелла выразила дяде свое удивление на сей счет, он ответил, что высокий статус адвоката еще больше подчеркивает его исключительную компетентность.

Оказалось, что синьор Ранелли был не только блестящим юристом, доктором обоих прав¹¹⁷, тонко чувствующим все лабиринты гражданского и канонического законодательства, но и человеком, вхожим в высшие коридоры судебной, светской, и церковной власти, способ-

¹¹⁶ Фьора (итал. *Fiora*) — уменьшительно-ласкательная форма итальянского имени Фьорелла (итал. *Fiorella*).

¹¹⁷ Доктор обоих прав (сокращенное — *J.U.D.*, лат. *Iuris Utriusque Doctor*) — академическая степень, присваиваемая в XVIII веке за глубокое знание как гражданского (лат. *ius civile*), так и канонического (лат. *ius canonicum*) права. В Неаполе это звание указывало на высокий уровень юридической подготовки и открывало доступ к престижным должностям. Важно отметить, что получение степени *J.U.D.* требовало длительного обучения и успешной сдачи сложных экзаменов в университете. Это было не просто формальное звание, а свидетельство реальных знаний и компетенций. Поэтому обладатели этой степени занимали видные места в обществе.

ным с редкой объективностью и неподкупностью разобраться в самых сложных делах, не снижая при этом планки высочайшего профессионализма. Его знание обоих прав было не просто глубоким — оно было пронизано истинным пониманием справедливости и уважением к букве закона.

Но отнюдь не профессиональные качества виконта заставили Фьореллу задуматься о том, а не была ли помолвка опрометчивым шагом. Дело в том, что при встрече с поверенным дяди девичье сердце Фьореллы Паломмы впервые взволнованно забилося.

Этот молодой мужчина был невероятно хорош собой. На вид ему было лет тридцать или чуть больше — возраст зрелой мужественности, смягченный красотой черт лица, всегда готового к искренней улыбке. У виконта были красивые серо-зеленые глаза, излучавшие мудрость и спокойствие. Эти глаза, как у девушки, были опущены длинными черными ресницами, придающими им притягательную таинственность. Мягкие, слегка припухлые губы и небольшое углубление на подбородке не умаляли его мужской сущности, а лишь делали ее более чувственной. Когда виконт возбуждался, на его щеках проявлялся юношеский румянец, а когда улыбался — раскрывались очаровательные ямочки.

В тот день синьор Ранелли был без парика. Дядя рассказал, что в обычные дни адвокат его не носит, приберегая для судебных заседаний. Вне стен суда виконт предпочитал не прятать собственные волосы — темно-каштановые, густые и слегка вьющиеся. Они казались настолько мягкими, что Фьорелла ощутила острое желание провести по ним рукой. Ей захотелось физически прочувствовать их шелковистость.

Голос Витторе Жиральдо был тверд, решителен, полон внутренней силы, но при обращении к Фьорелле чудесным образом смягчался, приобретал теплоту, заботу и ласковость. И взгляд его менялся тоже. Он становился более личным, не похожим на формальное внимание, уделяемое остальным присутствующим.

Кроме семейства Эспозито (отца и сына) и их поверенного, во время обсуждения брачного договора в гостиной находились также дядя и тетя Фьореллы. Но девушка в тот момент ни на кого не обращала внимание. Воздух в комнате сгустился от взаимного притяжения, возникшего между ней и виконтом Моразини.

Синьор Ранелли время от времени что-то спрашивал, она, смущаясь, отвечала. Из-за волнения не всегда так, как стоило бы, путано, сбивчиво, неуклюже. Она ощущала себя глупой маленькой птичкой, пытающейся вырваться из клетки накативших на нее волнующих эмоций.

Позже, оставшись одна в тишине спальни, Фьорелла с горечью анализировала произошедшее. Она не могла понять, почему рядом с виконтом чувствует душевное волнение, которое заставляет пылать щеки и возбужденно биться сердце. Не могла понять, почему перехватывает горло и слова с трудом связываются в предложения. Она бранила себя за сбивчивые ответы, за неумение держаться с достоинством, за то, что в самый важный момент сердце билось, как заполошное, выдавая неуместное волнение окружающим.

Фьора страшилась, что оставила о себе у виконта впечатление неуклюжей глупой девчонки, недостойной его внимания, и в то же время ругала себя за то, что вообще переживает обо всем этом. Какое ей дело до того, что будет думать виконт? Между ней и им — несколько непреодолимых ступенек социальной лестницы. К тому же она невеста Луки Саверио. Ей следует думать о нем и лишь о нем!

Но, несмотря на все эти внутренние уговоры и барьеры, мысленные ручейки настойно торили в них прорехи и текли в сторону понравившегося мужчины. А глупое сердце с того дня стало ждать следующей встречи с виконтом Моразини. Как оказалось, ждать пришлось недолго. Она состоялась через месяц, но была сильно омрачена ощущением новой утраты.

Дело в том, что, спустя четыре недели после помолвки Фьореллы, в ее жизнь пришло еще одно горе. Корабль с ценным товаром, который на этот раз сопровождал дядя лично, был захвачен берберийскими пиратами. Бернардо Гуидо Сильвестри оказал морским разбойни-

кам отчаянное сопротивление. За непокорность и противодействие разъяренный предводитель корсаров приказал его со связанными за спиной руками сбросить за борт. Дядю объявили погибшим.

После известия о внезапной кончине супруга его вдова, Лукреция Пьерина, которая была старше Фьореллы на одиннадцать лет, решила избавиться от обузы в виде племянницы почившего супруга. Со смертью синьора Сильвестри подписанный им как опекуном девушки брачный договор, в связи с изменившимися обстоятельствами, утратил силу, и женщина решила воспользоваться этим. Она стала принуждать Фьореллу уйти в монастырь.

Однако обречь юную племянницу на безбрачие и затворничество не удалось. Судьба распорядилась иначе. Бернардо, предчувствуя гибель, успел составить завещание, в котором четко прописал свою волю: Фьорелла Паломма — единственная продолжательница рода Сильвестри, и ни о каком постриге в монахини речи быть не может в принципе.

Завещание содержало еще одно важное распоряжение: по окончании годовичного траура Фьорелла должна будет выйти замуж за Луку Саверио Эспозито. Составить новый контракт поручалось поверенному дяди, виконту Моразини. Опека над Фьореллой до дня замужества, а также полное обеспечение ее содержания, возлагались на Лукрецию Пьерину. Она же должна была от лица Фьоры подписать новый брачный договор.

Именно всё это и разъяснил Витторе Жиральдо при новой встрече, омраченной таким нерадостным событием. Адвокат дяди говорил долго. Он сначала зачитывал завещание, потом подробно разъяснял отдельные пункты. Из этих объяснений Фьорелла узнала, к примеру, что половина компании родственника отойдет именно к ней. Это будет ее доте. По словам адвоката, это существенная прибавка к денежным средствам и тенуте¹¹⁸, доставшимся ей после смерти отца. Витторе Жиральдо упомянул, что по утратившему силу брачному договору именно деньги и поместье отца составляли ее приданое. Он сказал, что теперь за счет прибавки полученной в наследство доли компании синьора Сильвестри она стала по-настоящему завидной невестой.

Фьорелла обратила внимание, что, когда виконт Моразини говорил об этом, его голос заметно дрогнул, а на щеках проявился румянец смущения. Она многое в тот день замечала. Его участливые и сочувствующие взгляды украдкой. Его дернувшуюся было к ней руку в тот самый момент, когда она, не сдержав эмоций, всхлипнула. Его недовольство словами тетки Фьоры, которая решила прощупать возможность обхода запрета почившего мужа относительно монашества девушки. Витторе Жиральдо ответил ей довольно резко: «Воля покойного в этом вопросе изложена четко и никаких разночтений не имеет».

Прощаясь, виконт дольше, чем это было положено, задержал ладонь Фьореллы в своей руке. Он явно хотел сказать что-то еще, но свидетелем этой сцены была Лукреция Пьерина, поэтому синьор Ранелли решил отказаться от своих намерений.

Эта встреча с понравившимся Фьорелле мужчиной была не столь волнительной, как памятная первая. Нет, девушка и в этот раз ощутила нечто большее, чем простую симпатию к виконту. Но всё же на сей раз ее мысли в первую очередь были заняты смертью дяди и собственной судьбой. Она остро переживала повторное сиротство. Пыталась понять, сколько еще бед и испытаний выделит на ее долю Господь.

Год пролетел незаметно, словно легкий ветерок, уносящий с собой мгновения, которые невозможно вернуть. Большую часть этого времени Фьорелла была предоставлена самой себе. Самым комфортным ее существованием было молчание, потому что только оно позволяло расслышать поэзию у себя в голове.

¹¹⁸ Тенута (итал. *tenuta*) — владение, усадьба, поместье.

Они жили с Лукрецией в доме дяди в Позиллипо. Девушка часто и подолгу гуляла в одиночестве по берегу моря. Она облюбовала одну безымянную скалу у самой кромки моря и подолгу сидела на ней, всматриваясь в морские дали.

Здесь, под безграничным небесным куполом, под шепот волн снисходило вдохновение, и она сочиняла стихи. Лирические сонеты и поэтические арабески¹¹⁹ рождались глубинами ее души и сознания. Возвращаясь домой, Фьорелла записывала их в альбом, который когда-то давно подарил отец.

Ее поэтические творения были о разном: о завораживающих рассветах и пылающих закатах, о буйстве штормовых волн и безмятежности тихой глади, о провидении Господа, который управляет всем на Земле, о проказнике-ветре, что играет в какую-то забавную игру с ее локонами и по-хулигански задирает подол платья.

Но чаще всего это были стихи о поселившемся в сердце чувстве. В них она задавала мучительные вопросы самой себе: почему разум бессилен перед глупым сердцем? Почему оно рвется навстречу тому, с кем быть не суждено? Кто вообще решает, в кого мы должны влюбляться, а в кого нет? И почему долг и любовь никогда не идут рука об руку по одной дороге?

С мужчиной, поселившим в душе эту смуту, ставшим объектом девичьих грез и лирическим героем поэтических творений, Фьорелла за истекший год встречалась не единожды. И после каждой встречи с виконтом Моразини корила себя за свои чувства.

Что с того, что Витторе Жиральдо нравится ей? Судьба ее уже решена. Она станет женой будущего судовладельца. Корабли мужа станут перевозить ткани компании покойного дяди. Половина его наследия будет принадлежать ее будущей семье. После свадьбы она уже не сможет больше встречаться с виконтом. Право распоряжаться ее долей в компании перейдет к мужу, Луке Саверио. Глупая влюбленность в Витторе Жиральдо позабудется, растворится в реальности, оставив лишь легкий след в памяти, который со временем будет затерт повседневной рутинной и суетой. И поэтическое вдохновение, подобно нежному цветку, который увядает без солнечного света, завянет тоже. Оно уступит место скучным обязанностям и прозаическим ожиданиям, связанным с новой, бесцветной жизнью.

Но пока чувство и вдохновение еще не покинули, она много писала. Писала о боли расставания и несбыточных мечтах, о горькой правде и сладких надеждах, о борьбе с предопределенностью и попытках найти свой собственный путь, о том, как трудно смириться с судьбой, когда сердце выбирает иную дорогу, нежели указывает долг.

Она не знала, какие именно мысли бродят в голове Витторе Жиральдо, когда виконт подолгу задерживает на ней взгляд. Поведение мужчины по отношению к ней было исключительно безупречным, выверенным до мельчайших нюансов. Он окружал ее подчеркнутой галантностью, каждое слово и жест дышали утонченной любезностью.

Синьор Ранелли всегда находил повод оказаться рядом, ненавязчиво предлагал помощь, будь то подача веера в жаркий день или поддержка руки при спуске по крутой лестнице. Он заботливо следил, чтобы ей всегда было комфортно: мог вовремя налить в стакан воды из графина или предложить удобное место за столом, на которое не падали бы прямые лучи солнца.

Фьорелла ощущала эту заботу, как легкое дуновение теплого ветра в прохладный день, и это заставляло сердце биться чаще. Его улыбка, хоть и всегда вежливая и сдержанная, становилась мягче, когда взгляд случайно встречался с ее взглядом. Когда взоры пересекались, Фьорелле казалось, что между ними вспыхивает некая невидимая искра, которая заставляет сердце трепетать или замирать.

¹¹⁹ Поэтические арабески (от итал. *arabesco* — арабский) — поэтические миниатюры, которые могут быть представлены в различных литературных формах, например, в виде четверостиший. В них могут быть философские размышления о смысле жизни, незащищенности человека перед роком и быстротечным временем, а также поэтические раздумья о любви, дружбе и красоте.

Временами мужчина смотрел с какой-то особенной теплотой и глубиной. В такие минуты девушке казалось, что он ищет ответы на какие-то свои вопросы, не осмеливаясь при этом озвучить их.

Фьорелла Паломма уже поняла, что виконт Моразини в самом деле симпатизирует ей, но при этом держится с некоторой дистанцией, словно сознательно отгораживается невидимой стеной. Она не могла понять, почему он поступает именно так. Что скрывается за этой отстраненностью? Предосторожность, диктуемая положением в свете? Условности отношений «адвокат — клиент»? Или, быть может, существуют какие-то иные обстоятельства, о которых ей неизвестно? Помолвочные обеты с другой девушкой, например. А вдруг это всего лишь маска, прикрывающая более серьезные чувства, нежели обыкновенная приязнь к ней?

Вопросы без ответов мучили Фьореллу, заставляя вновь и вновь прокручивать в памяти каждый взгляд, каждое слово, каждое непроизвольно сделанное виконтом движение, ища ключ к разгадке загадки.

Однажды бастионы сдержанности Витторе Жиральдо всё-таки дали слабину. Это случилось неожиданно. Виконт в тот день, как обычно, нанес Фьорелле неоговоренный заранее визит. Он взвалил на себя обязанность контролировать исполнение вдовой синьора Сильвестри роли опекуны, поэтому старался заставить девушку одну. Ему нужно было, чтобы авторитет тетки не довлел над подопечной.

По обыкновению синьор Ранелли начал расспрашивать Фьореллу о жизни, о нуждах и потребностях. Она всегда смущалась этих вопросов. Неосознанно девушка начала вертеть находившийся в руках альбом со стихами. Одно неловкое движение — и из него на пол выскользнул листок, который Фьорелла еще не успела вклеить. Витторе Жиральдо тут же наклонился и поднял его. Заметив, что это стихи, спросил: «Можно?» Фьорелла поняла, что мужчина просит дозволения прочесть написанное. Она знала: на этом листке был вчерашний опус. С замиранием сердца, девушка кивнула, выразив тем самым согласие.

Фьорелла вздрогнула, когда виконт Моразини начал читать вслух:

*Морская бездна, словно затаясь,
Глядит из глубины зелеными глазами
И через миг, суровой сутью воплотясь,
Уже бушует исполинскими волнами...*

*Но снова солнца луч пронзает хлябь небес,
Рождая летний штиль, нетронутый ветрами.
Не в силах бури жизни укрощать,
Дрейфую по штормящему я морю...*

*Устав сопротивляться и страдать,
Приняв сполна божественную волю,
В молитве к небу руки вознеся,
Смирюсь я с начертанным судьбою¹²⁰.*

Окончив чтение, мужчина перевел на девушку удивленный и восхищенный взгляд: — Синьорина Фьорелла, это ваше? Это вы написали?

¹²⁰ Стихотворение Марии Солдатовой.

Фьорелла Паломма напряглась, но кивком головы подтвердила предположение Витторе Жиральдо.

— Да, — произнесла она тихо, чувствуя, как сердце после вопроса виконта, словно резвый жеребенок, пустилось вскачь. Глаза и весь облик мужчины выражали искренний интерес, и это совершенно не способствовало ее успокоению.

— Это невероятно, — продолжил говорить он. Было заметно, что виконт не в силах скрыть эмоции. — Вы действительно сумели меня удивить.

Синьор Ранелли сделал паузу, пытаясь подобрать правильные слова, чтобы выразить свои ощущения.

— Ваша способность передавать чувства и мысли просто поражает. Встретить у девушки вашего возраста такую емкость содержания и зрелость суждений... Я поражен, право! Каждый образ, каждая метафора... Они не просто красивые, они несут в себе целый мир, заставляют задуматься о вечных истинах. За каждой фразой стоит глубокая личная история, как будто вы приоткрываете перед читателем дверцу в свой внутренний мир. Это не просто поэзия — это приглашение к диалогу, к размышлениям о том, что для вас действительно важно. И вот еще... Вы не боитесь быть уязвимой в стихах. Когда говорите о смирении перед судьбой, я чувствую, как ваше сердце бьется в этих поэтических строках. Такое признание требует мужества. И эта искренность делает ваш талант поистине уникальным.

Ощувив невероятный внутренний трепет от слов и самой реакции мужчины, Фьорелла зарделась:

— Спасибо, — тихо вымолвила она. — Я просто... стараюсь передать в стихах то, что чувствую. А море... Море всегда было особым местом для меня. Мы с моим отцом подолгу сидели на берегу. Папа пересказывал мне древнегреческие мифы или читал стихи на латыни, а я... Я до боли в глазах вглядывалась в морские дали и мечтала... Мечтала о том, чтобы увидеть те земли, о которых говорил отец. О великолепных островах на горизонте, где небо встречается с морем. О великих героях и божествах, которых он описывал с таким пылом. Я представляла, какая захватывающая жизнь разворачивается на тех далеких берегах — жизнь, полная приключений. Я воображала Трою, Афины и Олимп, и видела, как боги спускаются с небес к людям. Они говорили на тех самых таинственных языках, которым обучал меня папа.

Я представляла, как стою на баке¹²¹ корабля. Встречный ветер треплет волосы, а под ногами — палуба, ощущающая ритм вздымающихся волн. Я мечтала о том, чтобы встретить мореплавателей, которые поведают о странствиях, о чудесах и опасностях, с которыми довелось столкнуться. Я хотела бы узнать, каково это — быть капитаном парусного судна, каково вести его к новым горизонтам, где каждый день становится началом новых приключений...

Заметив внимательный взгляд, который с такой пристальностью остановился на ней, Фьорелла осеклась и стушевалась. Помолчав мгновение, виконт произнес:

— Я хотел бы прочесть и другие ваши стихи и через них узнать вас получше.

Девушка еще больше смутилась, и тогда, дабы сгладить неловкость ситуации, синьор Ранелли улыбнулся одной из самых светлых, самых завораживающих своих улыбок и промолвил:

— Синьорина Фьорелла, Господь наградил вас невероятным даром. Пожалуйста, продолжайте писать, не бросайте это дело.

С того памятного дня Витторе Жиральдо в дни визитов обязательно просил девушку дать почитать новые стихи. Всякий раз он с восторгом в глазах хвалил Фьореллу, поощряя тем самым к сочинительству. Она же и робела, и радовалась этому.

Фьоре нравилось, что между ней и мужчиной, который так симпатичен, появилась эта тонкая, почти невесомая, но прочная связующая нить, сплетенная из стихов и восхищения.

¹²¹ Бак корабля — носовая часть верхней палубы судна.

Виконт Моразини был единственным человеком, который оказался посвященным в самую сокровенную ее тайну, в потаенный мир чувств и эмоций, который она выплескивала на страницы рукописных тетрадей. Каждый визит его был для Фьореллы настоящим праздником, смесью трепета, радости и предвкушения.

Она загодя готовилась к его приходу, перечитывала написанное, отбирая лучшие стихи, те, которые, как казалось, наиболее полно раскрывали ее душу. Каждая похвала заставляла щеки пылать румянцем, а сердце заходиться в радостном биении.

Витторе Жиральдо проявлял к ее сочинительству живейший интерес. Он запоминал строки, цитировал их, спрашивал о том, что побудило написать то или иное стихотворение. Разговоры с ним не были похожи на обычные светские беседы. Это было глубокое погружение в мир ее чувств, в мир ее поэзии, в мир ее души.

Фьорелла ощущала, как между ней и виконтом растет взаимное доверие, как на его благодатной почве крепнет нечто большее, чем простое дружеское участие. Она делилась с Витторе Жиральдо своими сомнениями, творческими поисками, слушала советы, которые он давал деликатно, не навязываясь, с уважением к ее творческой индивидуальности.

Его взгляд, когда она читала стихи, был полон не только восхищения, но и чего-то еще: нежности, доброты, понимания и глубокого уважения к тому, что она делала. Фьорелла чувствовала, что он видит не только слова на бумаге, но и душу, прячущуюся за ними. Душу, которая наконец-то нашла своего собеседника, своего понимающего слушателя. И в каждом его взгляде, в каждом слове, в каждом жесте она находила подтверждение тому, что не ошиблась, что эта связующая нить, вытканная из поэзии, симпатии и взаимопонимания, очень прочна, и ведет ее к чему-то новому, к чему-то волнующему и неизведанному. Ее творчество стало не только отдушиной, но и способом соединения тянущихся друг к другу сердец, межличностным мостом, связующим людей в самой глубокой, эмоциональной близости.

Порой Фьорелла одергивала себя. Разве вправе она, помолвленная с совершенно другим мужчиной, так прорасти душой в виконта Моразини?! Что будет делать потом, когда они уже не будут встречаться? Когда ее затянет болото теперь уже не слишком желанного замужества, и муза зачахнет под гнетом бесцветной обыденности. Когда семейная рутина и прозаические разговоры с мужем о торговле, счетах, сделках «кровь за кровь»¹²², кредиторах, перевозке грузов, закупке и продаже тканей, об опасностях, которые поджидают их корабли в Средиземном море, поглотят ее поэтическое вдохновение.

Но сердце, как обычно, не слушало разум. Оно тянулось к тому, что ему было жизненно необходимо, к тому, кто вдохновлял и мотивировал, кто делал дни жизни яркими, запоминающимися, интересными. Виконт Моразини был лучом солнца в не слишком радостной жизни, магической искрой, разжигающей в ней горение. Его интеллект, его тонкий юмор, его душевность, искренность и сердечность — всё это было лучшим лекарством от тоски и одиночества, которые грозили затопить ее.

Фьорелла думала обо всем этом, блуждая глазами по строчкам брачного договора. Назначенный день венчания неминуемо приближался. А это означало, что под этим обязательным документом должна быть, наконец, поставлена тетина подпись, после чего ей придется начинать подготовку к свадьбе.

Девушка не вчитывалась в сухие и заковыристые юридические формулировки. Зачем? Внутренним чутьем она ощущала, что все они будут выстроены так, чтобы максимально защитить ее интересы. По-другому виконт Моразини не поступил бы, не в его это характере. А потому доверие к нему как адвокату у Фьореллы было абсолютным, глубинным, рождавшимся

¹²² Кровь за кровь (неап. *Sanghe pe' sanghe*) — выражение, используемое неаполитанскими торговцами XVIII века для обозначения бартерных сделок. Например, шляпник дает чулочнику шляпу, а взамен получает чулки.

в ней спокойствие, сравнимое с гладью горного озера, отражающего своими водами бездонное летнее небо.

Юная синьорина Сильвестри прекрасно знала, насколько по-доброму относится к ней синьор Витторе. Врожденное рыцарство виконт обязательно выплеснет на страницы юридического документа. С его перфекционизмом, с его максимально ответственным отношением к делу, можно не сомневаться, он продумает все детали. Каждая фраза, каждая формулировка контракта будут проработаны до мелочей и отшлифованы, словно драгоценные камни.

От собственных мыслей девушку отвлек голос сидящего рядом мужчины:

— Синьорина Фьорелла, вам всё понятно? Или, может быть, какие-то отдельные места документа требуют разъяснения?

— Нет-нет, ваше сиятельство. Вопросов нет. Мне всё понятно.

Витторе Жиральдо скривился.

— Вы опять?

— Что опять? — не поняла вопроса Фьора.

— Опять обращаетесь ко мне так официально. Я же просил забыть о моем титуле. Я ваш поверенный, и мы давно стали добрыми друзьями. Это главное. Если уж так хочется отгородиться от меня всеми этими вежливостями, добавьте к моему имени слово «синьор». Это уж я как-нибудь стерплю.

Девушка смущенно улыбнулась.

— Хорошо, синьор Витторе. Я сделаю так, как хотите.

— Я предпочел бы, чтобы этого хотели вы сами.

Фьорелла смутилась еще больше. Она решила сменить тему. Взяв в руки последнюю страницу документа, произнесла:

— Я вижу, что мой жених уже поставил подпись под договором. Как я понимаю, дело осталось за малым: нужна лишь тетина подпись — и моя судьба будет определена.

Фьорелла Паломма перевела взгляд на лицо виконта. В глазах Витторе Жиральдо неожиданно вспыхнуло нечто такое, что отозвалось взволнованным биением сердца в ее груди.

— Синьорина Фьорелла... — тихий, бархатистый голос Витторе Жиральдо неожиданно дрогнул и просел. — Милая, дорогая... — его мягкая теплая ладонь накрыла кисть ее руки, покоящейся на столешнице.

Взгляд Фьоры упал на белые пятнышки на своих ногтях. Сегодня утром нянюшка сказала, что это «звездочки удачи»¹²³ и они к добру. «Неужели и правда сейчас всё изменится к лучшему?» — подумала она с внезапной надеждой.

Виконт так и не успел произнести то, что собирался. Слова, которые она каким-то внутренним чутьем уже определила как чрезвычайно важные, способные полностью изменить ее судьбу, так и не прозвучали, потому что в эту самую секунду, разрушив хрупкую гармонию момента, двери гостиной распахнулись, и вошли двое: тетка Фьореллы и... ее новоиспеченный супруг.

Лицо женщины, облаченной в роскошное, вычурное платье, сияло безудержным счастьем и самодовольством. Лицо мужчины, словно застывшая маска, оставалось абсолютно непроницаемым, но было заметно, что оно не выражает и толики чувств своей дражайшей половины. Единственные эмоции, которые на нем можно было считать, — недружелюбие и отчужденность.

¹²³ В неаполитанском фольклоре XVIII века белые пятнышки на ногтях называли «серебряными точечками» (неап. *punticelle d'argento*). Они считались предзнаменованием подарка, удачи или добрых вестей. В народной речи говорили: «*So' 'e stellucce 'e bona sorte*. — Это звездочки доброй судьбы».

Новый супруг Лукреции с первого же взгляда привлек к себе всё внимание Фьоры. Его появление мгновенно заполнило собой всю гостиную. В мужчине не было и капли показного — просто само его присутствие ощущалось очень весомо.

Князь ди Сатриано и ди Арианиелло был каким-то... внушительным. Не крупным, не грузным, а именно внушительным. От него веяло мужественностью, и она проявлялась во всём: в высоком росте, в широком развороте плеч, в мощной фигуре, подчеркнутой строгой военно-морской униформой.

Всем этим он резко отличался от местных аристократов, надушенных, напудренных, при-
творно-улыбчивых, излишне галантных и утонченно элегантных.

Облик князя можно было описать одним емким словом: он был brutальным. Длинные, чуть ниже плеч, смоляные и жесткие на вид волосы. Смуглая, обветренная морским ветром кожа, не знавшая кремов, помад и пудры. Резкие, точеные черты. Волевой подбородок. Даже тщательно выбритый, он не мог скрыть силу лица и его маскулинность — темная синь щетины всё равно проступала, напоминая о ее неизбежном возвращении в самом скором времени. Плотные сжатые губы выдавали привычку держать мысли при себе и говорить только по делу. Прямой нос с четкой спинкой, словно точка отсчета для всего лица, придающая ему надменное, властное выражение.

Всё это складывалось в образ мужчины, закаленного мощными штормами и смертельными схватками, привыкшего к беспрекословному подчинению и опасного в гневе, предпочитающего действовать, а не говорить. Мужчины, чье присутствие невозможно игнорировать, а волю — оспорить, шутки с которым заканчиваются, еще не начавшись, уважение которого очень трудно заслужить.

Острый, пронзительный, оценивающий взгляд чрезвычайно темных, почти черных, как беззвездное небо, глаз, в которых отражалась бездонная глубина моря и непоколебимость каменных скал, мгновенно ощупал находящиеся в комнате. По Витторе Жиральдо он лишь мимолетно скользнул, зацепился за мужскую ладонь, лежащую на девичьей руке, а вот на лице Фьореллы как будто бы споткнулся и намертво приклеился.

Витторе Жиральдо мгновенно отнял руку, и Фьорелла, ощутившая взгляд князя как неприятное прикосновение, почувствовала себя совершенно не защищенной. Неприятный холодок промчавшихся по спине колких мурашек проник сквозь кожу и завязался болезненным узлом в области сердца. Оно сначала пропустило пару ударов, а потом забилося, как сумасшедшее. Щеки обожгло плеснувшей в них вмиг вскипевшей кровью. Однако с ее бешеным током по телу полился не жар, а леденящий холод, распространяющийся по всем конечностям ватную онемелость. В груди заворочалось, что-то щетинистое, колючее, рождающее неясное, но очень тревожное предчувствие, легшее на душу, тяжелым предвестником надвигающейся беды, потому что во взгляде мужчины на себя Фьорелла разглядела... греховную, пачкающую грязь.

Она считала, что три месяца — незначительный срок? Похоже, эти три месяца станут настоящим испытанием, возможно, самыми непростым в ее и без того не самой счастливой жизни.

Глава 3

Подъезжая в карете к дому невесты, а теперь уже и жены, Алессандро, как ни странно, думал вовсе не о новом, семейном, статусе, а о событии, предшествовавшем венчанию. Именно об этом он размышлял и во время самого обряда: утомительный речитатив священника лишь способствовал тому, чтобы его мысли вновь и вновь возвращались к утреннему разговору с неожиданным визитером.

Незванным гостем оказался случайно встреченный в Палаццо Реале князь ди Патерно — тот самый, кого Алессандро прозвал про себя Одуванчиком, хотя, с учетом вскрывшихся обстоятельств, этому мерзавцу больше подошло бы прозвище «бриония ядовитая»¹²⁴. Мысли об ублюдочном князе не покидали голову Алессандро на протяжении всего венчания. Да и могло ли быть иначе? Ведь сегодня ему удалось, наконец, в полной мере осознать всю глубину того дерьма, в котором увязла его семья по вине этого человека.

Вернувшись в Неаполь, Алессандро застал дом погруженным в скорбь и тревогу. Оказалось, что старший брат совсем недавно ушел из жизни, «с порохом в голове»¹²⁵, как острожно выражались в аристократических салонах Неаполя, не решаясь произнести вслух страшное слово «самоубийство». Обстоятельства смерти мгновенно стали предметом пересудов и вызвали настоящий скандал в высшем свете.

По законам церкви самоубийство считалось тяжким, непростительным грехом, и мачехе было отказано в праве похоронить князя ди Сатриано и ди Арианиелло в семейном склепе. Ужасным поступком Джулиано навсегда отдалил свое имя от рода, от предков, от всякой надежды на мир и покой посреди их могил.

Мачеха Алессандро никак не могла смириться с этим ударом судьбы и, горько причитая, вновь и вновь повторяла:

— Было бы куда легче и проще, если бы ваш брат умер от бочковой лихорадки¹²⁶!

По мысли Лудовики Бернадетты смерть от пьянства, пусть и позорная, всё же не влекла за собой вечного проклятия, не закрывала дороги к родовой усыпальнице и возможности церковного отпущения. Если к пьяницам Господь относился с осуждением, но всё же смотрел на них снисходительно, как на заблудших и больных детей, то для самоубийцы Его прощение оставалось недостижимой роскошью. Судьба такого человека делалась навечно запятнанной. Память о нем отравляли горечь, стыд и нескончаемый шепот людских пересудов, не заглушаемых ни временем, ни попытками пресечь их. С каждым днем тень этой трагедии всё гуще ложилась на дом Филанджери, разъедаая душевный покой всех обитателей.

Как только тело князя ди Сатриано и ди Арианиелло было предано земле, в дом почти сразу же, будто почуяв легкую добычу, голодной, хищной стаей нахлынули «долговые псы»¹²⁷ — приставы, ростовщики и прочие кредиторы. Они являлись один за другим, словно стервятники, слетавшиеся на запах падали. С неумолимой настойчивостью осаждая двери палаццо

¹²⁴ Бриония, адамов корень (итал. *brìonia*) — переступень; травянистое растение семейства тыквенных, широко известное в европейском фольклоре. Свое название получило благодаря крупному, причудливо изогнутому корню, напоминающему мужскую фигуру. Оно связано с верой в способность корня переступня белого усиливать мужскую силу, потенцию и плодородность, а также с образом Адама как символа мужского начала и плодородия. Растение ядовито! При общем действии наблюдается сильное возбуждение, судороги и последующий паралич ЦНС.

¹²⁵ *Se n'è ghiuto d'ò munno cu 'a polvere dint' 'a capa* — неаполитанское выражение, которое использовалось в Неаполе XVIII века как образный эвфемизм для обозначения самоубийства посредством выстрела в голову.

¹²⁶ В неаполитанском диалекте XVIII века выражение «бочковая лихорадка» (неап. *febbre d'a votte*) употреблялось как образный эвфемизм, означающий смерть от злоупотребления алкогольными напитками.

¹²⁷ Долговые псы (неап. *cani d' 'e debbeti*) — выражение, использовавшееся в Неаполе XVIII для обозначения тех, кто «вечно на хвосте» у должника, а также приставов, выбивающих долги.

Филанджери, все эти падалышки требовали расплаты и предъявляли долговые расписки, залоговые письма и непогашенные векселя.

В доме воцарилась атмосфера тревоги и униженного ожидания. Слуги шептались в коридорах, избегая встречаться глазами с новым хозяином и господином, а мачеха Алессандро то впадала в беззвучные слезы, то срывалась на истерику и крик. А после, смирившись, безучастно наблюдала за тем, как фамильные сокровища: картины, серебро и другие ценные вещи — одно за другим, постепенно перекачывают из дома под крыло к Мадонне на Пиньясекке¹²⁸. Там на одноименном рынке находился самый крупный в Неаполе ломбард, приютивший немало фамильных реликвий разорившейся знати. Почти всё имущество Филанджери было пущено с молотка в попытках хоть как-то укротить алчную свору, желающую вернуть свое.

Алессандро, пытаясь понять, как одна из богатейших фамилий Неаполя дошла до грани разорения, пытал Лудовику, но та лишь твердила, что во всем виноват некий князь ди Патерно, близкий приятель Джулиано, который совершенно заморочил покойному голову, «утянул во грех» и пристрастил к пагубной привычке — курению опиума¹²⁹, приведшей «бедного мальчика» к такому печальному финалу.

По мнению Лудовики, этих двоих связывали не только дружеские, но и иные отношения, «грешные», о коих «не принято говорить среди праведных христиан». Джулиано Лучио был, по ее словам, слаб характером, с «рукой из воска»¹³⁰: на все просьбы этого самого ди Патерно ее старший пасынок отвечал лишь «да и аминь»¹³¹.

Из плаксивых рассказов мачехи вырисовывалась безрадостная картина произошедшего. Как Алессандро понял, всё это началось в последний год «сухой смерти»¹³² отца. Именно тогда Джулиано стал окружать себя пожирателями денег и охотниками на простофиль. Он щедро покрывал всевозможным проходимцам «расходы на удачу» и выделял авантюристам «капитал на поиски»¹³³.

— Мальчик не был виноват в том, что у него «дырявые руки», — твердила Лудовика и тут же пеняла на Джулиано: — Твой брат подписывал векселя с той же легкостью, что и уплетал французские пирожные.

Из слезных причитаний мачехи Алессандро понял одно: пока отец всё глубже погружался в интеллектуальные сумерки, брат со скоростью восходящего солнца прожигал семейное состояние. Именно в те дни в жизни Джулиано Лучио появился Сильвио Пеллико, герцог ди Баньяра и Баранелло, князь ди Патерно. «Возникший словно из преисподней», будто бы

¹²⁸ «Мадонна на Пиньясекке» (неап. *'a Madonna d' 'e Pignasecca*) — один из старейших и самых известных рынков Неаполя, названный по имени одноименной церкви (итал. *Santa Maria della Pignasecca*). Он славился оживленной торговлей, близостью к ломбарду и тем, что туда в тяжелые времена для многих неаполитанских семей «уходили» ценные вещи.

¹²⁹ В XVIII веке по всей Европе, особенно среди аристократии, начала получать широкое распространение пагубная привычка курения опиума. Опиумные настойки и курительные смеси, изначально использовавшиеся как лекарство от боли и бессонницы, быстро превратились в модное, но опасное развлечение. Зависимость от опиума приводила к физическому и нравственному разложению, однако в высших кругах долго относились к этому пороку снисходительно, считая его признаком утонченного вкуса и особой светской «томности».

¹³⁰ Рука из воска (неап. *È 'na mano 'e cera*) — ироничное выражение о человеке, который без труда ставит подпись, легко со всем соглашается.

¹³¹ *Si e amen* (неап.) — выражение, использовавшееся в Неаполе XVIII века для обозначения человека, который всегда и со всем соглашался, в том числе с просьбами о займе денег.

¹³² Сухая смерть (неап. *'a morte secca*) — выражение неаполитанского диалекта XVIII века, которым обозначали медленное угасание человека после апоплексического удара. Чаще всего речь шла о тяжелом ишемическом инсульте: больной мог потерять речь, двигательные функции и постепенно угасал, оставаясь живым, но лишенным прежних сил и возможностей. Такой недуг воспринимался в народе как особая, мучительная форма смерти, не сопровождавшаяся внешними кровотечениями или судорогами, но медленно и неотвратимо лишавшая человека жизни.

¹³³ Расходы на удачу (неап. *'O spese pe' 'a fortuna*) — выражение в Неаполе XVIII века о деньгах, выделяемых на авантюры, рискованные предприятия и попытки изменить свою судьбу. Капитал на поиски (неап. *'O capitale pe' 'a ricerca*) — выражение, обозначающее сумму, предназначенную для финансирования экспедиций, научных исследований, новых торговых маршрутов или иных начинаний, требующих вложений.

«присланный самим Асмодеем»¹³⁴, он преследовал одну лишь цель: опутать «бедного мальчика» паутиной запретных страстей, выманить у него как можно больше денег и окончательно лишиться здравого смысла.

Тесное общение с этим «демоном-искусителем» привело к тому, что старший брат оказался «заложненным не по локоть даже — по самую шею, до самых костей». Дошло до того, что в Неаполе после смерти отца нового князя ди Сатриано и ди Арианиелло стали в шутку титуловать «князем долгов».

А дальше... Долговые неприятности Джулиано Лучио росли, как снежный ком. Вокруг него быстро собралась целая свора хапуг: шакалы-ростовщики и алчные кредиторы, жадные до чужого добра. Потворство пагубным привычкам и безрассудным авантюрам привело брата к тому, что он «пробил дыру в днище фамильного корабля»¹³⁵, поставив на карту не только свое будущее, но и честь всего рода.

Но если Лудовика Бернадетта только подозревала Джулиано в мужеложестве, то Алессандро сразу же поверил в это, ибо догадывался о возможной причине склонности брата к запретной форме любви.

Джулиано Лучио был старше Алессандро на восемь лет. Он являлся наследником титула и всегда смотрел на младшего сверху вниз, считал его несмысленным мальчишкой и никогда не стремился к сближению. С отцом у Джулиано отношения складывались тоже непросто. Еще будучи ребенком, Алессандро не раз становился невольным свидетелем их бурных ссор. Он до сих пор помнил, как однажды отец с яростью выкрикнул старшему сыну: «Ты только и мечтаешь о том, чтобы твоего старика поскорее положили на плечи!»¹³⁶ — и ответ Джулиано, прозвучавший холодно и жестко: «Твоя смерть была бы самой легкой расплатой за тот вред, который вы с матерью мне нанесли».

Тогда эти слова поразили Алессандро своей жесткостью и вызвали в душе возмущение, но лишь годы спустя, на пороге совершеннолетия, он начал догадываться о подлинной причине той горечи, что сквозила в голосе брата при этих словах.

Алессандро тогда только-только окончил обучение в академии гардемарин и перед первым длительным морским походом приехал на короткую побывку домой. Его приезд в родные пенаты совпал со странной немощью Джулиано. Причина длительного уединения старшего брата в спальне поначалу оставалась для Алессандро загадкой, но накануне возвращения в Кадис он случайно подслушал откровенный разговор между отцом и призванным знаменитым хирургом, который, как выяснилось, незадолго до этого провел Джулиано операцию.

Оказалось, что брат с рождения страдал тяжелым анатомическим дефектом: у него было всего одно яичко, и то — неправильно сформированное, деформированное, грозящее тем, что наследник титула станет «веткой без плодов»¹³⁷, способной только на «сухие выстрелы»¹³⁸. Кроме того, Джулиано мучила укороченная уздечка — порок плоти, способный обернуться настоящей пыткой для мужчины при близости с женщиной. Природа будто посмеялась над

¹³⁴ В европейской демонологии покровителем «греховной похоти» и сексуальных извращений считался Асмодей (лат. *Asmodeus*); ему приписывалось соблазнение людей к различным формам чувственной страсти, в том числе к однополым связям.

¹³⁵ Пробить дыру в корабле (исп. *Abrir un boquete en el navío*) — на испанском морском сленге это выражение имело фигуральное значение: создать серьезные проблемы, привести дело, предприятие или чью-то жизнь к катастрофе, краху, разрушению, нанести непоправимый ущерб, поставить под угрозу существование чего-либо, запустить процесс разрушения, который приведет к «затоплению» — то есть к полному провалу, концу, гибели.

¹³⁶ Положить на плечи (неап. *l'hanno miso 'ncoppa 'e spalle*) — неаполитанское выражение, употреблявшееся как народный эвфемизм похоронной процессии, когда покойника несли на плечах на кладбище.

¹³⁷ Ветка без плодов (неап. *'nu rrammo senza frutto*) — неаполитанское выражение, использовавшееся в отношении мужчины, неспособного оставить потомство.

¹³⁸ Сухой выстрел (итал. *colpo secco*) — сленговое выражение для полового акта без эякуляции.

его мужественностью, добавив к этому недугу фимоз¹³⁹ и легкое искривление полового члена. Каждая попытка познать физическую любовь превращалась для него не в источник наслаждения, а в мучительное испытание, что делало саму мысль о брачном ложе источником постоянного страха.

— Сие несовершенство плоти, — пояснял призванный отцом лекарь, — неизменно приводит к излиянию семени прежде означенного природой часа, лишая мужчину не только сладости соития, но и самого ощущения собственной состоятельности.

Операция, проведенная лучшим хирургом королевства прямо в покоях палатцо, должна была избавить Джулиано от мучительного изъяна, но, увы, не принесла облегчения. Рубцы лишь усилили боль. Физиологический ущерб остался, а вместе с ним — унижительное ощущение собственной неполноценности, обида и злость, которые Джулиано год за годом копил внутри, кляня Судьбу и невольно вымещая свою боль на близких.

Именно тогда Алессандро понял, что за жесткими словами Джулиано скрывалась неутолимая тоска по тому, в чем природа отказала ему с рождения, — возможности быть полноценным мужчиной и продолжателем рода. Старший брат, который должен был принять титул от отца, прекрасно понимал, что он лишь временный его хранитель, что все надежды семьи на продолжение рода возлагаются не на его «древо жизни»¹⁴⁰.

Алессандро тогда подумал: еще неизвестно, какая ярость обуяла бы его самого, доведись пополнить ряды тех, кого в портах Кадиса презрительно именовали *despuntado* или *cola cortada*¹⁴¹. Оказаться среди «обломанных» или «бесхвостых», навсегда утратив право называться мужчиной, будь то по немощи плоти или из-за извращенного порока, для него было хуже самой позорной смерти.

Осознав рассказы мачехи, новый князь ди Сатриано и ди Арианиелло отчасти понял мотивы погибшего брата, понял его боль, безысходность и одиночество, толкнувшие Джулиано в руки того, кто решил воспользоваться его отчаянным положением. Но, понимая это, Алессандро не переставал злиться на почившего родственника. Ведь именно из-за него, Джулиано, ему, новому главе рода, предстояло каким-то образом восстанавливать утерянное достоинство семьи, идти на непростые жертвы, дабы ликвидировать проблемы, грозящие разрушить веками выстраиваемую репутацию.

Для него самоубийство брата и последовавшее за этим множественное взимание долгов стало крайне непростым испытанием. Каждый день приносил новые требования, угрозы, скандалы, лежащие несмываемым пятном на родовой чести. Над фамилией Филанджери всё плотнее сгушался мрак разорения и позора. Нужно было действовать и действовать безотлагательно, чтобы не оказаться сидящим голый пятой точкой на стылой земле¹⁴².

Мачеха несколько раз сигнализировала Алессандро в Испанию о том, что дела с семейным состоянием из-за разгульного образа жизни Джулиано обстоят далеко не лучшим образом, однако капитан Филанджери игнорировал послания. Всё, что в те дни его занимало, было море. Понять, какую непоправимую ошибку допустил, Алессандро смог лишь тогда, когда вернулся в Неаполь. Семейные дела оказались жутко запущенными, отцовское наследство промотано, принадлежащие семье земли под Салерно и Понтеканьяно заложены, долгов было не сосчи-

¹³⁹ Фимоз (от греч. *phimos* — сжатие, намордник) — медицинский термин, использовавшийся в хирургии XVIII века для обозначения патологического сужения крайней плоти, которое препятствовало обнажению головки полового члена и приводило к крайне болезненным ощущениям при близости.

¹⁴⁰ Древо жизни (итал. *l'albero della vita*) — распространенный в итальянских аристократических кругах XVIII века эвфемизм мужского полового органа.

¹⁴¹ *Despuntado* (исп.) — буквально: обломанный, без острия; в испанском морском сленге XVIII века — унижительное прозвище мужчины, утратившего половую силу. *Cola cortada* (исп.) — буквально: с подрезанным хвостом; презрительный эпитет, которым награждали мужчин, замеченных в «греховных» пристрастиях к своему полу.

¹⁴² Сидеть голый пятой точкой на стылой земле (неап. *sta' cu 'o culo nuosto 'ncopp' 'a terra*) — неаполитанское выражение, означающее полное разорение, финансовый крах, когда человек лишился всего и оставался буквально ни с чем.

тать. Благодаря братцу, морскому офицеру Алессандро Дамиано Филанджери впервые в жизни грозило оказаться в «черной книге»¹⁴³.

В Испанской королевской армии репутация человека определяла всё. «Тот, кто однажды заслужил хорошую репутацию, может помочиться в кровати и сказать, что это пот. И ему все поверят!», — это было первое, что внушил будущим гардемаринам в военно-морской академии пресептор¹⁴⁴. Именно поэтому Филанджери с двенадцати лет жил «как Бог велит и Устав предписывает»¹⁴⁵.

— Никогда и ничего не анализируйте, только констатируйте! Не усложняйте, не рассуждайте, не задавайте вопросов «почему» и «зачем», не ищите мотивы и скрытые смыслы, не стройте догадки — принимайте всё как данность и действуйте! — вещал им профессор кафедры навигации. — Позже, когда придут опыт и знания, будет время для анализа. А пока — учитесь точности, четкости и скорости реагирования.

— Возьмите себе за правило выслушивать всех, прислушиваться к тем, кому доверяете, но решение всегда принимайте сами!» — вторил ему маэстро тактики и стратегии на море.

Взрослея, Алессандро поставил перед собой цель отжать и отцедить из характера всю патоку. Род его занятий поставленной цели благоволил. Один из наиболее уважаемых им преподавателей, маэстро фехтования и оружейного дела, сказал как-то:

— У вас, Филанхьери, отличный голос. Такие обычно называют «голосом с мясом». Ваша задача в этом «мясе» обнаружить «кость». Вы должны научиться говорить так, чтобы каждое слово, даже самое тихое и, на первый взгляд, нейтральное было равносильно непреложной команде.

Довольно скоро в гардемарине Филанхьери не осталось места ни альтруизму, ни благодушию, ни мягкости, ни добросердечию. Для него не существовало полутонов. Только черное и белое. И никак иначе. Он во всём хотел определенности. Никогда и никому ничего не доказывал. Всегда был самим собой, шел напролом, без особых усилий вынуждая всех окружающих считаться с собой.

О нем говорили: «Он служит „как древний римлянин“ — ради славы и любви к бранному делу». Его исключительный ум и легко дававшаяся военная карьера способствовали формированию властности и убежденности в собственной исключительности. Признанные авторитеты ограничивались всего лишь тройкой — пятеркой имен.

Те, кто хоть раз имел дело с капитаном Филанхьери, знали: его отличает мизантропическая желчность и едкий сарказм. Скупость его эмоций была столь велика, что ей мог позавидовать самый прижимистый ростовщик. К духовной сфере жизни Алессандро Дамиано относился с холодным скепсисом, предпочитая рассуждать о земном, а не о возвышенном.

Его команда звала его «галетой, которая не размокает». Такие галеты моряки ценили больше хлеба — они не плесневели и могли храниться бесконечно долго. Но чтобы съесть такую галету, требовалось долго размачивать ее в вине, бульоне или даже морской воде. Лишь пропитавшись, она становилась мягкой и доступной для зубов. С Филанджери всё было иначе — он оставался тверд душой и волей настолько, что размягчить его не могло ничто и никто.

Капитан «Сан-Хуана-Непомусено» всегда был строг с подчиненными. В этом смысле он разделял мнение Тиберия: «*Oderint, dum probent*. — Пусть ненавидят, лишь бы поддержи-

¹⁴³ На кораблях испанского флота XVIII века велась так называемая «черная книга» — список провинностей, нарушений или долгов моряков, то есть своего рода черный список. Выражение «Он в черной книге» (исп. *Está apuntado en el libro negro*) означало, что у человека есть пятно на репутации.

¹⁴⁴ Пресептор (исп. *preceptor de guardias marinas*) — куратор, наставник или воспитатель гардемарин, который отвечал за их дисциплину и нравственное воспитание.

¹⁴⁵ Как Бог велит и Устав предписывает (исп. *Como Dios manda y el reglamento firma*) — на испанском морском сленге XVIII века эта фраза означала: «делать/поступать как надо, как положено».

вали»¹⁴⁶. Алессандро привык к тому, что его слово сродни приказу. Оно требует полного подчинения. Филанджери никогда не разбрасывался словами. Сказал — все сделали то, что требовалось. По-другому не бывало.

Капитан знал, что на корабле его за глаза величают *El Esfireno* — Барракудой¹⁴⁷. Алессандро против такой клички не возражал. Барракуда — один из самых сильных и быстрых хищников моря, она молниеносно атакует, не знает пощады и всегда выходит победителем в схватке.

Эта рыба известна своей жестокой натурой, острыми зубами и агрессивностью. Капитан Филанхьери тоже был известен как человек твердый, не терпящий возражений, способный на резкие решения и суровые наказания. Как и барракуда он не отступал от цели. Был упрям, целеустремлен и умел держать команду в ежовых рукавицах.

Внешность Алессандро также способствовала прилипанию этого прозвища. Он отличался острым, режущим, как нож, взглядом и точеными, резкими чертами лица. Его походка и поведение на палубе напоминали движения морского хищника на охоте.

В эпоху, когда мужчина-дворянин всё чаще напоминал игривую кокетку, переодетую в мужской наряд, когда галантные, надушенные, нарумяненные и напомаженные гедонисты дефилировали по помпезным залам в штанишках пажей, капитан Филанхьери решительно выпадал из этого модного строя. Его нельзя было спутать с подобными изнеженными созданиями и разряженными альковистами¹⁴⁸: от него буквально на расстоянии разило мужской силой и суровой, грубой брутальностью.

Филанджери «поцеловал бычью шкуру»¹⁴⁹ в шестнадцать лет, а в двадцать два — уже стоял на капитанском мостике военного фрегата. Продвижение по службе и повышение в чине давалось ему легко. Испанской королевской армаде Алессандро Дамиано был обязан многим. Она сформировала его как личность, закалила характер, научила выносливости и внутренней дисциплине. Опыт долгих морских кампаний приучил к терпению, умению быстро принимать решение в опасных и непредсказуемых обстоятельствах. Он научился разбираться в людях, управлять большой корабельной командой, находить подход к самым разным характерам: от простого матроса до опытного офицера.

Команда корабля знала, что капитан Филанхьери не только видит их всех насквозь и, клеймя взглядом, дает прозвища, которые прирастают к человеку, как вторая кожа, не только отдает распоряжения таким голосом, которому невозможно не подчиниться, но, случись что, он встанет горой за любого члена команды, порвет глотку за любого подчиненного.

Флот сделал его настоящим стратегом. Дни и ночи, проведенные за картами и навигационными приборами, развили острый ум, наблюдательность и способность просчитывать последствия каждого шага. Филанджери приобрел уважение и безграничное доверие подчиненных не столько благодаря строгой требовательности, сколько личностным качествам: смелости, хладнокровию, искусству командовать не страхом, а примером.

Он слышал, как за спиной о нем с почтительным уважением говорят: «*Don Capitán abraza su espada como el diablo a la bruja*. — Дон Капитан обнимается со своей шпагой, как дьявол

¹⁴⁶ Древнеримский историк Светоний в своей книге «Жизнь двенадцати цезарей» приводит это изречение как ответ императора Тиберия Юлия Цезаря Августа на доходившие до него анонимные стихи, клеймившие его деспотизм.

¹⁴⁷ Барракуда (лат. *Sphyræna sphyræna*) — крупный хищник, обитающий в Средиземном море и у берегов Испании. Имеет длинное, мускулистое тело, большую пасть с выдающимися острыми зубами. Быстрый, агрессивный, всегда охотится в одиночку, нападает внезапно и беспощадно, за что получил прозвище «морской волк».

¹⁴⁸ Альковист — в этом контексте пренебрежительное обозначение светского ловеласа или интригана, чья «деятельность» сосредоточена вокруг любовных интриг и ухаживаний в интимной обстановке (альков — ниша или отдельная часть спальни). В речи XVIII века слово имело оттенок насмешки над теми, кто гордится своими «победами» в постели и строит жизнь вокруг галантных развлечений.

¹⁴⁹ Поцеловать бычью шкуру (исп. *Besar el cuero del buey*) — на испанском морском сленге XVIII века это выражения означало «принести присягу», так как устав и текст присяги обычно находились в кожаном переплете.

с ведьмой» и «*Nuestro Lobo de Mar tiene el hígado de aleación*. — У нашего Морского Волка печень из пушечного металла»¹⁵⁰.

Подчиненные офицеры также глубоко уважали адмирала. Между собой они дали ему прозвище Гвайякан¹⁵¹ — «железное дерево», ибо знали: этот человек справится с любыми невзгодами, выдержит самые суровые испытания и не согнется под чужим давлением. За все те годы, что он «топтал алькасар»¹⁵², на его стол ни разу не легла петиция с «подписью без головы»¹⁵³, — матросы и офицеры оставались беспрекословно преданы своему командиру.

Служба научила его ценить честь, долг и верность флагу, а также стойко переносить испытания: и штормы, и долгие месяцы вдали от дома, и отчаянные сражения. Он стал человеком, для которого слово офицера было законом, а долг перед Коронай — смыслом жизни. Всё это сделало из него не только искусного моряка, но и настоящего лидера, способного вести за собой людей в самые опасные морские схватки.

Но больше всего годы, проведенные в море, Алессандро благодарил за то, что они позволили ему познать цену настоящей мужской дружбы. Именно там, в Испании, судьба свела его с Шеймусом О'Рурком, который, несмотря на без малого пятилетнюю разницу в возрасте, стал не просто другом — братом, точнее, старшим братом, пусть не по интеллекту и статусу, скорее по житейской мудрости и духу.

Но даже наличие близкого друга не могло изменить капитана Филанхьери в главном: он неизменно оставался одиночкой. Даже в быту сохранял странную, почти показную независимость: заказывая фарфоровые сервизы, он всегда выбирал солитер¹⁵⁴ — наборы, рассчитанные на одну единственную персону.

Это было не столько проявлением высокомерия, сколько следствием эгоизма, доведенного до грани утонченной привычки. В этом выборе была вся суть Алессандро: его жизнь — это личная территория, на которую не допускал никого, даже самых близких. Одиночество было частью его натуры, его внутреннего мира, где он возводил границы, за которыми оставался только он и его мысли. Сервизы солитер являлись символом этой отчужденности, желанием оставаться наедине с собой, даже когда рядом был друг.

Но надо хорошо знать Шеймуса О'Рурка, чтобы понимать: он никогда не смирился бы с таким положением дел. Ирландец медленно, но настойчиво сдвигал и рушил внутренние барьеры, которые капитан Филанхьери так тщательно возводил вокруг себя.

Шей был человеком, для которого дружба значила гораздо больше, чем простое общение или обмен любезностями. Товарищество было для него единением душ и сердец, глубоким и искренним союзом, где не оставалось места для горделивого одиночества. Рыжий умел проникать туда, куда не допускали других. Он был ветром, который незаметно скользит сквозь щели, чтобы наполнить комнату свежестью.

Приятель знал, когда лучше промолчать, а когда прорваться сквозь молчание, как корабль через штормовые волны. И хотя Алессандро всякий раз пытался удерживать его на

¹⁵⁰ В морском и народном сленге XVIII века такое выражение означало необычайную храбрость, стойкость и готовность к любым испытаниям.

¹⁵¹ Гвайякан, железное дерево (исп. *guayacán*) — гваяковое дерево, бакаут, тропическое дерево с тяжелой и твердой древесиной. Среди всех видов деревьев является одной из самых износостойких и труднообрабатываемых. Большое количество смол придает древесине смазывающие свойства, особенно проявляющиеся при погружении в воду. Благодаря им бакаут использовался в судостроении.

¹⁵² Топтать алькасар (исп. *Pisar el alcázar*) — морское сленговое выражение XVIII века, означавшее быть на капитанском месте, командовать судном. Алькасар (исп. *alcázar*, буквально — «крепость») — шканцы (кормовая надстройка), место, где располагался капитан и отдавал приказы, аналог современного капитанского мостика.

¹⁵³ Подпись без головы (исп. *Firma sin cabeza*) — способ подписания коллективных петиций на испанских кораблях XVIII века: имена пишут по кругу, чтобы нельзя было узнать, кто первый подписал, то есть кто зачинщик (намек на то, что нет явного лидера). То, что за всё время службы капитана на его стол не попало ни одной такой петиции, говорит о полном отсутствии мятежных настроений среди экипажа и крепкой дисциплине на борту.

¹⁵⁴ Солитёр (от франц. *solitaire* — одинокий) — сервиз, рассчитанный на одну персону.

расстоянии, Шеймус не сдавался. Он был слишком живым, слишком открытым, чтобы позволить другу замкнуться в своей эгоистичной независимости.

Ирландец мог запросто подойти к столу капитана, накрытому сервизом солитер, без лишних слов пододвинуть к себе тарелку с закуской и пальцами ухватить с нее ломоть сыра или хамона. Ему не нужно было говорить: «Твоя личная территория — теперь наша общая земля», его дружеское обращение делало это за него. И такое поведение не было навязчивым. Оно было естественным, как дыхание, как сама жизнь.

Шеймус растворялся в дружбе, искренне и без остатка, превращая ее в союз, где одиночество и закрытость становились немыслимы. И хотя Алессандро порой чувствовал себя раздраженным этим нарушением границ, он не мог отрицать, что дружба О'Рурка представляла для него огромную ценность и являлась тем единственным, что заставляло хоть иногда позабыть о своей отчужденности и отстраненности. Шей был из породы тех, кто не просто ломает стены, а возводит мосты, и Алессандро, поначалу неохотно, но шаг за шагом, этот мост преодолел.

Ирония судьбы заключалась в том, что именно Испанское королевство, всегда такое ревностное к своим традициям и подозрительное к чужакам, оказалось для них обоих — неаполитанца и ирландца — той самой кузницей, где закалили, а потом сплавляли в один крепкий морской боевой кулак, в алеасион¹⁵⁵, из которого отливают пушки.

Их дружба выдержала пороховой дым вражеских орудий, грозные шторма, сутки напролет в одном трюме во время штиля и подковерные интриги бумажных крыс из морских ведомств. Адмиралы письменных столов¹⁵⁶, подвергавшие всю их корреспонденцию перлюстрации, считали, что макарони¹⁵⁷ и пантанеро¹⁵⁸ не должны управлять таким большим и дорогим кораблем, как «Сан-Хуан-Непомусено». Они с превеликой охотой в любой момент дня и ночи были готовы выписать для них сэдулу-де-ретиро¹⁵⁹ — свидетельство о выходе на пенсию, и большое благо, что король Карлос III такую точку зрения не разделял вовсе.

Но, как оказалось, подковерные игры чинуш не шли ни в какое сравнение с тем, что ожидало капитана Филанхьери у родных берегов. Теперь перед новым князем ди Сатриано и ди Арианиелло остро встал вопрос: либо искать богатую невесту и с помощью ее денег пытаться восстановить былое благосостояние рода, либо быть готовым натирать голым задом Колонну-делла-Викария¹⁶⁰ во время позорной церемонии дзитабоны¹⁶¹. Вместе с высоким титулом Алессандро унаследовал не только «имущество на ветру»¹⁶², но и все долги, которые успел при

¹⁵⁵ Алеаси́он (исп. *aleación*) — сплав меди и олова с незначительными примесями других металлов, использовавшийся для отливки пушек в XVIII веке.

¹⁵⁶ Адмиралы письменного стола (исп. *almirantes de escritorio*) — язвительное прозвище испанских моряков XVIII века, придуманное для чиновников морских ведомств, не имевших практического плавательного опыта; аналог современного выражения «бумажный генерал».

¹⁵⁷ Макаро́ни (исп. *Macarroni*) — распространенное в Европе XVIII века прозвище итальянцев. Намек на любовь итальянцев к макаронам.

¹⁵⁸ Пантане́ро (исп. *Pantanero*) — болотник. Ирландия знаменита своими болотами. В XVIII веке в Европе ирландцев часто именовали «болотниками».

¹⁵⁹ Сэдула-де-рети́ро (исп. *Cédula de retiro* — грамота/свидетельство) — официальный документ, который выдавался военнослужащим, выходящим в отставку. Он подтверждал увольнение со службы, указывал на звание, выслугу лет, право на пенсию (если таковая полагалась) и другие привилегии. Это был ключевой документ, подтверждавший статус отставного офицера.

¹⁶⁰ Здесь использовано неаполитанское выражение: *a culonna 'nfame della Vicaria*.

¹⁶¹ Дзитабо́на (неап. *zìtabona*) — неаполитанский обычай XVI–XVIII веков, освобождающий от долгов путем публичного унижения. Неплатежеспособный должник должен был спустить штаны и прижаться голым задом к мраморной колонне Викария (итал. *Colonna della Vicaria*), стоявшей перед входом в Кастель Капуано (итал. *Castel Capuano*) на Виа-деи-Трибуналы (итал. *Via dei Tribunali*). В этом здании находилась Викария (итал. *Vicaria*) — Дворец правосудия и Трибунал. После трубного звука городского глашатая должник объявлял перед народом о своей неплатежеспособности, используя латинскую формулу «*Cedo Bonis*» («Я отказываюсь от своего имущества»). Затем несчастный должник должен был раздеться догола, чтобы продемонстрировать, что готов на всё, чтобы удовлетворить своих кредиторов. В результате адаптации латинское *cedo bona*, превратилась в неаполитанское *zìtabona*.

¹⁶² Имущество на ветру (неап. *'A robba sta 'mmiez' all'aria*) — в дворянском сленге Неаполя — имущество, находящееся

жизни накопить брат. Алессандро никогда не ощущал себя судном, севшим на мель, а теперь он и впрямь сел на мель в фигуральном и финансовом смысле.

Хоть Филанджери и занимал довольно высокий пост в Испанской королевской армаде, его нельзя было назвать «денежным мешком». Собираение «портретов»¹⁶³ никогда не было для него самоцелью.

Конечно, стать «соскребателем стружек», как в аристократических кругах называли обрезчиков¹⁶⁴ монет, ему не грозило. Пусть он и не считался в семье «поросенком святого Антония»¹⁶⁵, но у него было свое аппаннаджио¹⁶⁶. Наследство, жалование и доход, полученный за время военно-морской службы, позволяли ему жить абсолютно безбедно. Но даже всех этих денег, сгребши он всё, до последнего медяка, не хватило бы, чтобы покрыть все долги брата. А ведь надо было еще гасить проценты и выкупать заложенные Джулиано родовые вотчины.

Учитывая унижительную альтернативу — позорную церемонию банкротства, необходимость женитьбы стала для Алессандро не просто желательной, а императивной. По вине брата его участь — сделаться охотником за состоянием, *marido de dote* — «мужем приданого», как называют в Испании тех, кто женится ради денег. Впрочем, о наследнике и продолжателе рода князей ди Сатриано и ди Арианиелло тоже следовало подумать.

Когда отцу стало понятно, что от старшего сына наследников не дождешься, он начал забрасывать младшего письмами с предложением кандидатур на роль жены. Алессандро понял, что все надежды на продолжение рода отец теперь возлагает исключительно на него. И всё же не торопился обременять себя супружескими узами, считая брак «церковной мышеловкой», в которую безвольные глупцы идут безропотно — и, что самое забавное, по собственной воле.

Филанджери с юности был убежден, что все современные браки строятся на взаимном обмане. По крайней мере, брак отца и мачехи был именно таким. Находясь в том возрасте детскости, когда уже начинаешь понимать, что к чему, Алессандро не раз заставлял сцену, когда за ломберным столом в их палатце сходились за игрой в тресетте¹⁶⁷ две пары: отец со своей любовницей, маркизой Виланти и мачеха со своим молодым чичисбеем¹⁶⁸, аббатом Николой Бьязони. И это было абсолютной нормой в их семье. Измена второй половине была возведена в жизненное правило. С возрастом Филанджери понял, что так живет большинство европейских семей. Поэтому, став взрослым, он начал с большим скепсисом относиться к институту брака как таковому.

Именно поэтому идею супружества с одной из юных аристократок на выданье Алессандро отверг сразу. Он не намеревался сидеть на суше долго. Пасти молодую жену по светским салонам Неаполя казалось ему невыносимо скучным занятием. Устроив и поправив дела, Филанджери планировал снова уйти в море. Женись он на юной, избалованной, подвергшейся

под опекой, то есть переданное в чужое распоряжение до выплаты долгов (оно как бы «болтается» в ожидании решения, не у хозяина).

¹⁶³ *Los retratos* (исп.) — «портреты»; так на морском испанском жаргоне именовали деньги, намекая на изображения на монетах.

¹⁶⁴ Обрезчики монет — в XVIII веке — мошенники, которые срезали края у серебряных или золотых монет, чтобы получить драгоценный металл. Такие действия портили монеты и снижали их реальную стоимость, а самих обрезчиков строго наказывали по закону. В переносном смысле «стать соскребателем стружек» значило «опуститься вниз по социальной лестнице».

¹⁶⁵ Поросенок святого Антония (неап. *'o puorciariello 'e Sant'Antuono*) — самый любимый или самый маленький и нуждающийся в заботе поросенок в выводке. В переносном смысле — самый любимый ребенок в семье. [Святой Антоний считался покровителем свиней, его изображали с колокольчиком и поросенком].

¹⁶⁶ Аппаннаджио (итал. *Appannaggio*, от франц. *ap(p)anage*) — удел, земельное или денежное содержание, выделяемое младшим членам княжеского рода в Неаполитанском королевстве XVIII века. Это был способ материально обеспечить представителей знатной семьи, не давая им права на главный титул или основные владения.

¹⁶⁷ Тресетте (итал. *tressette, tresette*) — итальянская карточная игра, одна из самых популярных и простых.

¹⁶⁸ Чичисбей (итал. *cicisbeo*, мн. ч. *cicisbei*) — в Италии (преимущественно в XVIII веке) — постоянный спутник состоятельной замужней женщины, сопровождающий ее на прогулках и увеселениях, зачастую также ее любовник.

влиянию развращенного света девице — и рогов на голове будет больше, чем апельсинов на дереве. Да и возиться со зморфьозеттами¹⁶⁹ ему было не с руки. С ними мороки больше, чем с гардемаринами на флоте.

К тому же аристократия, некогда сиявшая как звезды на небосводе, теперь угасала, сохраняя лишь тусклые отблески былого великолепия. За громкими именами и знатными титулами, как и в его случае, нередко скрывались тоска по потерянной роскоши да горькие раздумья о том, как поддержать семью на плаву. Долги, словно тени, следовали по пятам многих дворян. Каждый шаг обнищавших аристократов по наборным паркетам светских гостиных всё больше и больше приближал их к той самой печально известной колонне Викария.

И всё же гигантская брешь в фамильном благосостоянии, которую оставил после смерти старший брат, требовала выгодного брачного союза. Это подразумевало наличие изрядного приданого у невесты. И еще. Невеста должна находиться в детородном возрасте, чтобы могла произвести на свет крепкого, здорового и сильного наследника.

Если говорить общо, задача любого аристократического брака — соединить два имени, чтобы укрепить фамильное могущество и увеличить благосостояние. Если громкое имя присоединить к собственному не получалось, то главным фактором в этой сделке становилась выгода. Обанкротившийся аристократ таким союзом приносил в жертву высокородное имя. В свою очередь представители имущей буржуазии, желая составить удачную партию, стремились присовокупить к своему состоянию весомый титул.

Богатые, но неименитые отцы, движимые исключительно честолюбивыми мотивами, с большой готовностью укладывали дочерей на брачное ложе именитых феодалов. Говоря словами Себастьяна де Шамфора¹⁷⁰, «превращали их в навоз, удобряющий родовые земли знатных господ». При благоприятном стечении интересов обе брачующиеся стороны получали свой авантаж¹⁷¹. Таким образом, брак становился ни чем иным как обыкновенной, юридически оформленной торговой сделкой, формула которой сводится к краткому: «У вас деньги, у нас имя».

Однако в отличие от подлинной торговой сделки, где действия сторон четко регламентируются условиями контракта, подобный брачный союз обычно носил весьма условный характер. По крайней мере, свое будущее супружество Алессандро воспринимал именно так. Скорее всего формула «брака с обменом ключей»¹⁷² будет закреплена в брачном договоре, но именно этим, обещанием придать безродной супруге статуса, обязанности мужской стороны, скорее всего, и ограничатся. Принесенная новым князем ди Сатриано и ди Арианиелло жертва, по его мнению, должна освободить от прочих обстрикций в отношении будущей жены.

Так что, если раньше любая мысль о браке была сравнима для Алессандро с «прогулкой по доске»¹⁷³, то теперь и в самом деле предстояло пришвартоваться к семейной пристани: продать свой княжеский титул за дорого и приниматься за «деланье ножек для детских чулок»¹⁷⁴.

¹⁶⁹ Зморфьозётта (итал. *smorfiosetta*, уменьшительное от *smorfiosa* — жеманная, кокетливая, то есть маленькая жеманница) — в итальянском языке XVIII века это слово описывало юную аристократку, отличающуюся излишней жеманностью, искусственностью и претенциозностью в манерах и поведении. Это была кисейная барышня, чьи действия и речи с целью привлечения внимания были намеренно аффектированы и неискренни. Слово подчеркивает искусственность и театральность поведения такой девушки, отмечая ее неискренность и стремление к внешнему блеску в ущерб естественности.

¹⁷⁰ Себастьян-Рок Никола́ де Шамфо́р (1741–1794) — французский писатель, мыслитель, моралист.

¹⁷¹ Авантаж (франц. *avantage*) — устар., выгода, преимущество, превосходство.

¹⁷² Брак с обменом ключей (неап. *Nu matrimonio cu 'o scambio d' 'e chiavi*) — в Неаполе XVIII века — брак, при котором аристократ получал ключи от денег жены, а она — его статус.

¹⁷³ Прогулка по доске (исп. *el paseo de la tabla*) — на испанском морском сленге так называли казнь бунтовщиков и злостных нарушителей дисциплины на военных кораблях. Под угрозой оружия их заставляли идти вперед по перекинутой через борт доске, пока человек не терял опору и не падал в воду. При этом зачастую у него были связаны за спиной руки, а на голову надет мешок.

¹⁷⁴ Делать ножки для детских чулок (исп. *Hacer las patas para las medias de un niño*) — на светском сленге Испании XVIII века так назывался половой акт, сопровождающийся процессом зачатия детей.

Рыжеволосый здоровяк с Острова трилистников¹⁷⁵, рассказывал как-то, что английские виноделы для осветления, стабилизации и предотвращения скисания вина используют так называемый *parbull* — смесь, в состав которой входят белки яиц, лавровый лист, молоко и колодезная вода. Ее добавляют в бочки с вином. Свертываясь, она связывает мелкие взвешенные частицы, мутность и дрожжи. После выпадения осадка вино становится чище, мягче, приятнее на вкус и прозрачнее. Предстоящую женитьбу Алессандро считал таким вот «парбуллом». Дрянь несусветная, но в осадке положительный эффект будет иметь точно.

Поразмыслив, Филанджери поручил мачехе подыскать ему в кратчайшие сроки несколько кандидатур на роль невесты, а сам обратился к Неаполитанскому королю Фердинанду IV с прошением о разрешении на морганатический брак.

Лудовика Бернадетта, действуя с практичностью опытной свахи, предложила на выбор несколько девушек, но Алессандро всех отверг. Девицы были слишком молоды и недостаточно богаты. По большому счету ему было всё равно, кто станет супругой: засидевшийся в девках синий чулок¹⁷⁶, набожная вдова с детьми, торговка специями из Палермо, дочь мздоимца-таможенника, сицилийская сарацинка или ростовщица-иудейка. Лишь бы она была способна к чадородию и имела значительное состояние, которое с лихвой покрыло бы все долги брата.

Впрочем, внешность всё-таки тоже имела значение. Ложиться в постель с уродиной или толстухой Филанджери не хотелось. Это противоречило бы природному чувству прекрасного, которое не смогли в нем задавить суровые военно-морские будни.

Чтобы ускорить это досадливое дело, князь ди Сатриано и ди Арианиелло был готов даже дать брачное объявление в газеты или разместить его на новостных листках, распространяемых стриллоне¹⁷⁷ на улицах, однако мачеха предложила поступить иначе. Она дала ему адрес некоего синьора Джакомо Масколини — паранинфо¹⁷⁸ — свадебного посредника, который гарантировал заключение выгодного брака.

Им оказался невысокий, но подвижный мужчина с живым, цепкими взглядом, в котором постоянно мелькала насмешливая искра, словно он всегда знал чуть больше, чем говорил. Узкое лицо, тонкий, хищный нос и парик «шансельер»¹⁷⁹ цвета соли с перцем делали этого типа похожим на коршуна. Когда Масколини говорил, его губы растягивались в мягкую, почти дружелюбную улыбку, но глаза выдавали: эта улыбка — лишь часть затеянной им игры.

Брачный посредник взял на обдумывание задачи неделю, после чего предложил Филанджери на выбор три кандидатуры. Нанеся всем троим скоротечные визиты, князь ди Сатриано и ди Арианиелло оглядел претенденток на роль супруги с беспристрастностью опытного коневода. Он оценивал каждую кандидатку по тем же критериям, что и покупатель... племенную кобылу.

В конечном итоге выбор Алессандро пал на Лукрецию Пьерину — молодую вдову богатейшего негоцианта Бернардо Гуидо Сильвестри.

После истечения официального траура неаполитанская вдова, Впрочем, как и вдова испанская, могла начать носить более яркую или дорогую одежду, позволять себе украшения, появляться в обществе: на балах, праздниках и в театре. Это воспринималось как сигнал, что она снова доступна для сватовства. Иногда вдовы символически меняли вуаль с черной на

¹⁷⁵ Остров трилистников (исп. *Isla de los Tréboles*) — испанский эвфемизм Ирландии (намек на национальный символ Ирландии — клевер, трилистник).

¹⁷⁶ Синий чулок (англ. *bluestocking*) — характерное для эпохи Просвещения насмешливое прозвище ученой женщины, лишенной обаяния и всецело поглощенной книжными интересами.

¹⁷⁷ Стриллоне (итал. *strillone*) — крикун, уличный газетчик.

¹⁷⁸ Паранинфо (итал. *paraninfo*, буквально — сват, человек, который помогает устраивать браки) — посредник при заключении брачных союзов между представителями знати. Его функции включали дипломатическое согласование условий брака, представительство интересов сторон и участие в церемониях, что отражало важность брака как инструмента укрепления политических и династических союзов в придворной культуре XVIII века.

¹⁷⁹ Шансельёр (франц. *chancelier*) — массивный пудренный парик XVIII века, с длинными рядами локонов.

фиолетовую, что означало конец строгого траура. Они начинали чаще появляться в церкви и на общественных мероприятиях. Это было почти официальным приглашением к ухаживаниям. Наверное, поэтому слова паранинфо: «Синьора Сильвестри уже сняла траур и надела улыбку» — Алессандро понял так, как и следовало: вдова готова к новому браку.

Тридцатилетняя Лукреция, унаследовавшая состояние покойного супруга-рикконе¹⁸⁰, получила долю в его торговой империи и весьма внушительное состояние.

Конечно, ее происхождение (она являлась дочерью купца) оставляло желать лучшего, но огромное приданое перевешивало этот недостаток. Оно-то и сыграло для Филанджери решающую роль. Неплохим бонусом к приданому явилось то обстоятельство, что Лукреция Пьерина, в отличие от других кандидаток, понимала и немного говорила по-французски, была образована и весьма недурна собой.

Увидев ее, Алессандро решил, что слова брачного посредника: «Это не женщина — это меласса¹⁸¹» — и в самом деле имеют под собой веское основание. В Испанской армаде о подобных особах, чей внешний вид производил эффект не меньший, чем появление тяжелого линейного корабля, восторженно восклицали: «*Una mujer de bandera!*»¹⁸² — Это флагманская женщина!». Округлые груди вдовы Сильвестри выступали из лифа платья, словно два восходящих небесных светила, показавшиеся над горизонтом. Эти «литавры Купидона»¹⁸³ были всем аристократкам на зависть. «На кормилице будущих детей можно будет точно сэкономить, — подумал Алессандро не без иронии. — Этой грудью можно выкормить целый выводок будущих Филанджери Ла Фарина». И без широкого панье под юбками было видно: с такими бедрами проблем с материнством у этой женщины не будет точно.

Алессандро прямо-таки услышал в своей голове восхищенное О'Пурка: «*She's a fine vessel, with a quarterdeck worth saluting and a forecastle fit for a king. It'd be a damn shame to sail past a fine ship like that without boarding!*» — Прекрасное судно с кормой, достойной салюта, и передней частью, которая годна даже для короля. Было бы чертовски стыдно пройти мимо такого, не взяв его на абордаж!»

Масколини поведал, что в предыдущем браке Лукреция Пьерина сумела выносить сыновей-близнецов, но из-за ошибки повитухи, младенцы не смогли увидеть белый свет. Неправильное ведение трудных родов привело к их асфиксии, так как пуповина обвилась вокруг шеек новорожденных, затруднив дыхание в столь критический момент. И эта трагедия лишь еще больше усилила настроенность синьоры Сильвестри на продолжение рода.

Наверное, именно поэтому вдова купца не стала долго раздумывать над предложением руки и сердца. Буквально в тот же день ответным письмом она выразила свое согласие. Единственная оговорка, которую она сделала, состояла в желании носить титул *principessa*¹⁸⁴.

Алессандро не имел против этого серьезных возражений, и всё же женитьба на женщине, принадлежащей к купеческому сословию, имела свои подводные камни. Хотя устав рода князей ди Сатриано и князей ди Арианиелло не содержал явных запретов на браки с низшими сословиями, но Филанджери в любом случае следовало обратиться за разрешением на подоб-

¹⁸⁰ Рикконе (итал. *Riccone*) — пренебреж. богат, богатей, толстосум.

¹⁸¹ Меласса (итал. *melassa*) — густой, темный, вязкий сироп, который является побочным продуктом при производстве сахара из сахарного тростника или сахарной свеклы. Она была известна в Европе с XVII века благодаря развитию сахарной промышленности. В Неаполе XVIII века привозилась из Сицилии, где выращивали сахарный тростник. Ее использовали для приготовления сладких блюд, выпечки, некоторых ликеров и в аптекарских рецептах лекарственных настоев.

¹⁸² Флагманская женщина (исп. *Mujer de bandera*) — испанское сленговое морское выражение для описания ослепительной, статной и фигуристой красавицы, которая приковывает к себе все взоры, подобно гордому флагману, идущему на всех парусах.

¹⁸³ Литавры Купидона (англ. *Cupid's kettledrums*) — в XVIII веке аристократический эвфемизм, обозначавший женскую грудь. Выражение зафиксировано в знаменитом «Словаре вулгарного языка» (англ. *A Classical Dictionary of the Vulgar Tongue*, 1785 г.), составленном английским антикваром и лексикографом Фрэнсисом Гроузом (1731–1791).

¹⁸⁴ *Principessa* (итал.) — княгиня, принцесса.

ный брак к королю. Да и ношение его будущей женой титула вежливости было возможно лишь с соизволения монаршей особы.

Алессандро знал, что отец Фердинанда, бывший король Неаполя, а ныне испанский монарх Карлос III, рьяно защищает престиж аристократии и частенько предотвращает «осквернение» знатных родов браками с представителями низших сословий.

Брак с женщиной из купечества считался мезальянсом, умаляющим статус князя и его потомков. Король, как верховный правитель и защитник аристократической системы, имел право вмешиваться в такие союзы. Он мог использовать свое право вето, отказав в подтверждении брака или лишив сына князя права наследования титула. Но колоссальное богатство невесты и влияние ее прежнего супруга были теми факторами, ради которых король мог сделать исключение.

Филанджери очень рассчитывал на это. На это, а еще на личную заинтересованность Фердинанда IV в нем самом. Король Неаполя был молод. Разбираться во всех заковыристых тонкостях подобного рода браков ему было не с руки. А вот заполучить такого опытного флотоводца, как Алессандро Дамиано Филанджери, ему очень даже хотелось. Поэтому Фердинанд без долгих обсуждений и каких-либо оговорок удовлетворил прошение нового князя ди Сатриано и ди Арианиелло.

Бумагу с разрешением на морганатический брачный союз, наследование титула старшим сыном, рожденным вследствие оно, и дарование личного титула вежливости супруге князя Алессандро получил вместе с ларцом из сафьяна ярко-голубого цвета с монограммой Фердинанда IV. В нем находился монарший подарок — фарфоровый экюэль¹⁸⁵ с позолоченными ручками на золоченном блюде с королевской монограммой, произведенный мануфактурой Каподимонте¹⁸⁶.

Повертев фарфоровую посудину в руках, Алессандро хмыкнул:

— Отец дарит табакерку, усыпанную бриллиантами, сын — фарфоровый писсадеро¹⁸⁷. Ну что ж... — он вернул посудину обратно в ларец, — пригодится в каюте, когда шторм утихнет... если, конечно, фарфор переживет качку.

В любом случае Алессандро был благодарен Фердинанду и, в особенности, его супруге, королеве Марии Каролине. Ведь именно с ее подачи амбиции и желание Лукреции будут удовлетворены, а значит, неравный и неодобряемый светом брачный союз свершится. Все нужные бумаги с королевскими печатями он получил. Титул он разменяет на капитал будущей супруги, который пойдет на выплату долгов брата.

При заключении брачного договора Филанджери сделал всё, чтобы прибрать к своим рукам «имущество фартука»¹⁸⁸ и отстоять принцип «мужнина владения»¹⁸⁹.

Алессандро не утруждал себя оказанием невесте знаков внимания. Так было с самого дня их знакомства. Филанджери полагал, что будущая жена должна считать для себя великой честью, что он удостоил ее правом носить светлейшее имя его рода. За это она будет обязана покрыть своими деньгами долги, оставленные его транжирой-братом, один или два раза забеременеть и родить ему здорового наследника.

¹⁸⁵ Экюэль (франц. *écuelle*) — в Европе XVIII века небольшая индивидуальная бульонница с двумя ручками и крышкой, стоящая на маленьком блюде. Ее можно было поднимать за обе ручки и пить прямо из нее.

¹⁸⁶ Каподимонте (итал. *Capodimonte*) — королевская фарфоровая мануфактура, основанная в 1743 году в Неаполе Карлом VII Бурбоном; известна мягким фарфором теплого оттенка и изысканной росписью.

¹⁸⁷ Писсадеро (неап. *pissadero*, от глагола *pisciare* — мочиться) — разговорная, народная форма для обозначения «вазы для удобства», писсуар.

¹⁸⁸ Имущество фартука (неап. *Robba 'ncoppa 'o grembiule*) — так на неаполитанском сленге XVIII века называли имущество жены (буквально: всё записано на жену, как будто прячется за ее фартуком).

¹⁸⁹ Принцип «мужнина владения» (лат. *dominium maritale*; итал. *dominio maritale*) — правовой принцип, согласно которому муж получал право распоряжаться имуществом, приданым и доходами жены.

Обсуждая брачный договор с поверенным Лукреции, синьором Витторе Ранелли, Алессандро настоял, чтобы в документе было четко указано: отношения супругов будут ограничиваться редкими разговорами — преимущественно по делу и еще более редкими выходами в свет. Возлежать с женой он намеревался лишь до момента, когда она понесет. После рождения двух сыновей супруги, по договору, освобождались от исполнения супружеского долга.

Внося эти пункты в текст, поверенный невесты едва сдерживал удивление, тогда как для Алессандро всё это было совершенно естественным. Обоюдная любовь и уважение при коммерчески-филистерском характере брачного союза, по его мнению, — не более чем химера и фантазмагория.

Когда дело с брачным договором было улажено, Джакомо Масколини с удовлетворением потер руки. Это выглядело так, будто он окончил выгоднейшую спекуляцию. Алессандро с брачным посредником был внутренне согласен. Теперь осталось дожидаться, когда придут деньги на покрытие долгов или, как выражаются испанские моряки, когда «прибудет призовой флот»¹⁹⁰, который удовлетворит всех займодавцев и заткнет рты злословящим неаполитанским сплетникам.

Впрочем, что-то, а мнение светских болтунов Алессандро Дамиано волновало меньше всего. Он никогда не был зависим от пустых пересудов. Аристократические условности считал бесполезной мишурой, придуманной лишь для того, чтобы занять праздные умы бездельников и любителей сплетен. Его независимость носила не бунтарский, а скорее философский характер.

Филанджери был человеком, для которого внутреннее «я» и собственное видение мира стояли гораздо выше сиюминутных похвал или осуждений. Он осознанно выстраивал свою жизнь в соответствии с собственными принципами, не обращая внимания на то, что подумают о нем другие. Его безразличие к общественному мнению было результатом глубокой уверенности в своей правоте. Он считал, что истинное благополучие заключается не в приобретении одобрения толпы, а в достижении собственных целей и сохранении внутренней свободы. Это было не упрямством или тщеславием, это было проявлением независимого и сильного духа, способного идти своим путем, не оглядываясь на мнение толпы. Именно это определяло его жизненный путь и сделало его таким, каким он был — самодостаточным, независимым и свободным.

Отец Алессандро был из числа тех людей, кого в Неаполе обычно называют «нзисто»¹⁹¹. Его младший сын, став взрослым, пополнил ряды этой категории мужчин. Так же, как и его родитель, новый князь ди Сатриано и ди Арианиелло держался в стороне от высшего света. Он смотрел на аристократический bestiарий¹⁹² взглядом стороннего наблюдателя, преимущественно сверху вниз. Любые контакты с ним вызывали брезгливость. Филанджери всякий раз морщился при этом, будто наблюдал дешевое представление в менажерии¹⁹³. Отпускал желчные комментарии, которые не скрывали неприязнь и чувство собственного превосходства.

¹⁹⁰ Прибудет призовой флот (исп. *llega la flota de premios*) — у испанских моряков XVIII века выражение означало получение неожиданного или долгожданного дохода, по аналогии с прибытием флота, везущего трофеи и захваченные грузы после успешных морских операций.

¹⁹¹ Нзисто (неап. *Nzisto*, буквально — чистый, ясный, отчетливый) — на неаполитанском диалекте это слово обозначает привлекательного, харизматичного, властного мужчину, с налетом излишней самоуверенности.

¹⁹² Бестиарий (итал. *Bestiario*) — зверинец; в XVIII веке так иногда называли собрание живых животных для публичного показа. Исторически термин происходил от средневековых иллюстрированных сборников описаний зверей, реальных и мифических.

¹⁹³ Менажерия (итал. *Menaggeria*, франц. *Ménagerie*) — в XVIII веке в Неаполитанском королевстве существовали как придворные, так и ярмарочные менажерии: коллекции животных, нередко экзотических, которых демонстрировали публике. При дворе Бурбонов в Неаполе менажерия служила не только развлечением, но и символом богатства и власти, а на городских ярмарках показы сопровождали дрессурой и комическими номерами.

Но даже отстраненность не смогла уберечь Алессандро от контакта с самым мерзким представителем насквозь прогнившего бомонда Неаполитанского королевства.

Филанджери как раз готовился ехать в церковь на венчание, когда мажордом, с лицом, в коем угадывалось смутное беспокойство и неприязнь к пришедшему в палаццо визитеру, сообщил, что его светлость князя безотлагательно желает видеть герцог ди Баньяра и Баранелло. Алессандро приподнял бровь: что могло понадобиться от него самодовольному Одуванчику?

При их случайной встрече в Палаццо Реале князь ди Патерно показался ему человеком малопривлекательным, но безобидным — из породы светских любителей щегольнуть остроумной фразой, за которой прячется пустота. Тех самых, кто каждое слово преподносит с той же грацией, с какой танцор ведет партнершу по залу. Но рассказы мачехи добавили к этому портрету грязных красок, и теперь Алессандро был готов ко всему.

Если бы он знал причину визита заранее, то, пожалуй, приказал бы мажордому захлопнуть двери перед носом этого сладкоголосого мерзавца.

Герцог вошел в гостиную с выверенной неспешностью, будто выплывал на сцену Королевской оперы. Витиевато поздоровавшись, перешел к цели визита:

— Ваша светлость, до меня дошли слухи, что нынче собираетесь принести себя в жертву на алтарь величия вашего рода. Уверен, полагаете, что иного выхода нет, что честь требует исправить... хм... Скажем так: всё то, что натворил наш бедный Джулиано.

Одуванчик сделал паузу, позволив словам, как летучим пушинкам, осесть в воздухе, и добавил с мягкой усмешкой:

— Но, уверяю вас, выход есть всегда. Даже из самых... щекотливых положений. Главное — знать, в какую дверь выйти, чтобы она не захлопнулась за вами с грохотом скандала. Как говорила Нинон де Ланкло¹⁹⁴: «*Le plus grand art, c'est de se retirer en laissant la porte entrouverte et les bouches des médisants closes*». — Величайшее искусство — удалиться, оставив дверь приоткрытой, а рты злословящих закрытыми».

Герцог неторопливо извлек из внутреннего кармана аккуратно сложенный вчетверо лист бумаги. Едва заметным движением головы указал на него и произнес:

— Это прощальное письмо вашего старшего брата.

Он развернул послание и протянул его Алессандро.

— Прошу вас, прочтите. А потом обсудим, стоит ли добровольно совать голову в петлю брака, который, смею предположить, чужд вам так же, как и мне самому.

Филанджери взял письмо. Одного взгляда на ровные строчки с наклоненным влево почерком хватило, чтобы узнать руку Джулиано. Сомнений не было — это послание действительно было написано старшим братом. И, как сказал Одуванчик, оно было предсмертным.

Алессандро ощутил внезапный, почти физический толчок внутреннего волнения — то странное, холодное и одновременно обжигающее чувство, которое охватывает каждого, кто неожиданно получает весточку из мира, куда путь для живых закрыт. На миг показалось, что тонкая бумага в руках сделалась тяжелее, а воздух вокруг — гуще и плотнее. Слова послания еще не были прочитаны, но сама возможность прикоснуться к последним мыслям покойного уже обжигала пальцы.

Алессандро невольно задержал дыхание, вслушиваясь в тишину, будто ожидая, что написанное озвучит голос Джулиано — пусть такой же раздраженный, как и прежде, но всё же живой. А потом заскользил глазами по строчкам:

Неаполь,

7 октября (память святых мучеников Серджио и Бакко)

Год Господень 1770

¹⁹⁴ Нинон де Ланкло, настоящее имя Анна де л'Анкло (1615/1623 — 1705) — французская писательница и хозяйка литературного салона, покровительница искусств, куртизанка.

Милостивый, горячо и преданно любимый друг,

Пишу тебе, быть может, в последний раз, ибо не нахожу ни в себе, ни в окружающем мире сил продолжать сей фарс, именуемый моей жизнью. Ты вошел в нее тогда, когда я еще верил в привязанность, дружбу и скрытую от злых глаз радость союза — духовного и телесного. Ты стал для меня тем, чем для утопающего является спасительная лодка в штормящем океане. Твой отказ от нас — словно тяжельный жернов на моей шее, тянущий меня на самое дно.

Я отдал тебе всего себя: свое уязвимое тело, жаждущее тепла, свое имя, состояние и то немного, что еще оставалось от моей чести. Ты приучил меня к запретным радостям, что делали мои ночи не столь пустыми. Твой смех всё еще звучит в мыслях, а мое тело хранит память о твоих ласках.

Как же я был глуп, полагая, что рука, некогда обнимавшая меня, удержит и в час беды. Теперь я один. Долги, подобно железным цепям, душат мою шею. Оний более не утешает, а лишь напоминает о тебе и твоём запахе.

Я решил покинуть этот мир в день памяти святых мучеников Серджио и Бакко¹⁹⁵. В их древних житиях сказано, что они были связаны не только товариществом, но и особыми узами, которые мучители пытались выставить на посмеище. Оба, прежде чем принять смерть, были вынуждены шествовать перед народом в женских одеяниях, терпя всеобщее осмеяние. Но они выдержали позор, остались верны друг другу и Господу — и вместе приняли мученическую кончину. Я надеюсь, что они приютят мою душу и будут молить за меня Господа, как за заблудшего брата своего.

Я ни в чем тебя не виню: стать игрушкой в твоих руках было моим собственным выбором. Пишу лишь для того, чтобы сказать: я благодарен тебе. Ты сделал мою жалкую жизнь гораздо счастливее. Подарил мне минуты несказанной радости; пусть они и были куплены дорогой ценой, но в них я ощущал себя живым и любимым.

Прощай, Сильвио. Да хранит тебя Господь, и да помянешь меня без насмешки, но с любовью.

Преданный тебе душой и телом, Дж. Л. Ф.

Закончив чтение, Алессандро медленно, почти бережно, свернул лист бумаги и протянул его Одуванчику. Предсмертное письмо брата оставило в его душе странный осадок — смесь скорби и раздражения, сострадания и возмущения.

Он чувствовал жалость к Джулиано, к его слабости и отчаянию, но вместе с тем — злость на брата за то, что тот позволил довести себя до края гибели. В этих строчках было всё: и признание в любви, и исповедь грешника, и мольба о понимании, и прощение... Но оно не могло изменить главного — брата уже нет, а его долги, позор и последствия суицида легли на его, нового князя ди Сатриано и ди Арианиелло, плечи.

Алессандро окинул визитера цепким, изучающим взглядом. Интересно, сколько ему? Одуванчик явно моложе Джулиано. Черты его смазливой лица слишком женственны, ухожен-

¹⁹⁵ Сёрджио и Бакко (итал. *Sergio e Bacco*, лат. *Sergius et Bacchus*) — римские солдаты III века, почитаемые как святые мученики в православной, католической и древневосточных церквях; память — 7 (20) октября. В их древних житиях упоминается, что они были «сопряжены любовью» (греч. *erastai*), что дает основание многим представителям ЛГБТ-сообщества считать их своими покровителями. Этот нюанс был замечен еще в Средние века и находил отражение в отдельных интерпретациях житий, где их связь описывалась как особенно тесная и исключительная.

ность и изысканность манер делают князя ди Патерно похожим скорее на дорогую куртизанку в возрасте, чем на мужчину.

Каким же непостижимым образом этот светский пустоцвет сумел приручить и подчинить себе брата? Неужели постельные утехи способны иметь такую власть над человеком? Или дело не в плотских удовольствиях, а в том, что он сумел подарить Джулиано желанную иллюзию — чувство, будто тот любим, принят и нужен, пусть даже в такой, запретной и всеми осуждаемой форме?

Алессандро невольно задумался: до какой же степени сердце способно обманывать разум? Неужели, потеряв объект желания, человек утрачивает и волю к жизни? Может ли тоска по ответным чувствам довести до безумия и добровольного ухода из мира живых? Пример брата убеждает: самые губительные страсти прорастают из банальной, но неутолимой жажды любви и тепла. Жажды, что, подобно медленной отраве, превращает даже самого крепкого и внешне несокрушимого мужчину в беспомощное, незащитное существо — столь же уязвимое, как и путник в пустыне без воды и еды.

Князь отвел взгляд, чтобы не дать Одуванчику уловить свои мысли.

— Ну? — произнес Филанджери холодно, после чего вновь взглянул прямо в глаза князю ди Патерно. — Вы показали мне письмо брата. И что дальше?

Одуванчик чуть склонил голову. Убирая письмо в карман жюстокора, неуместно сладко улынулся.

— Теперь, ваша светлость, — произнес он вкрадчиво, — поговорим о том, как вам вынуть голову из петли, которую сами себе хотите накинута на шею.

Князь ди Патерно с ленивой грацией окинул взглядом гостиную, после чего обратился к хозяину палаццо:

— Если позволите, я хотел бы присесть.

Алессандро, не утруждая себя светской любезностью, скривился.

— Говорите стоя. У меня слишком мало времени, чтобы терпеть ваши галантные расшаркивания. Хватит тянуть быка сами знаете за что!

Одуванчик лишь шире осклабился, а затем гаденько проворковал:

— А я был бы не прочь... потянуть за это самое, только не быка, а... вас!

Алессандро на миг подумал, что ослышался. Но князь, словно опасаясь, что его прервут, торопливо продолжил:

— С нашей первой встречи в Палаццо Реале вы не выходите у меня из головы. Говорю прямо, без кружев: я готов покрыть все долги Джулиано, все до единого, если вы, ваша светлость, займете место брата.

Филанджери нахмурился, в голосе зазвенело недоумение:

— В каком смысле «займете место»?

— В самом прямом, — не моргнув глазом, ответил ди Патерно. — Я предлагаю вам стать... моим любовником. Джулиано в нашей паре был... скажем так... Ганимедом¹⁹⁶. Зевсом, увы, приходилось быть мне. А я, знаете ли, всё же предпочитаю...

Он не успел договорить. Алессандро, опомнившись, буквально прорычал:

— Убирайтесь!

Но, как ни странно, его грозный рык не произвел на ди Патерно должного воздействия.

— *Ô mon Dieu!*¹⁹⁷ Сколько страсти и пыла! Это именно то, что мне нужно! *Vous êtes assurément celui qui saurait me faire mordre l'oreiller!*¹⁹⁸

¹⁹⁶ Ганимед (др. — греч. *Γανυμήδης*, буквально — веселый дух, радующий душу) — в греческой мифологии прекрасный юноша, возлюбленный Зевса, которого бог похитил на Олимп, сделав своим виночерпием и любимцем. В античной и поздней европейской культуре образ Ганимеда стал символом мужской гомосексуальной связи, причем Ганимед ассоциировался с пассивной ролью, а Зевс — с доминирующей.

¹⁹⁷ О мой Бог! (франц.)

Алессандро с силой провел широкой ладонью по лицу — так он обычно пытался усмирить гнев. Это редко помогало, но хотя бы сдерживало первую, самую опасную волну ярости и желание крушить всё подряд.

Не говоря больше ни слова, он подошел к двери гостиной и распахнул ее настежь:

— Катитесь. Прочь. Из моего. Дома! — произнес он с расстановкой, но так, что каждое слово зазвенело, как удар клинка о сталь. — Еще минута — и я забуду о королевском эдикте о запрете дуэлей. Даже зная, что мне будет грозить обезглавливание за ваше убийство, я всё равно прирежу вас, как яловую¹⁹⁹ телку на бойне. И, клянусь Богом, сделаю это с тем же хладнокровием, с каким вычерчиваю курс парусника на навигационной карте.

Он шагнул ближе, и в его взгляде появилась стальная решимость, свойственная людям, привыкшим смотреть смерти в лицо.

— Поверьте, *prince Méprise*²⁰⁰, я умею убирать мусор с палубы так, что ни один, даже самый пронырливый сыщик не узнает, куда он делся.

Алессандро вновь указал на распахнутую дверь, его голос прозвучал холодно и презрительно:

— Убирайтесь. Пока я всё еще даю вам этот шанс. Все долги моего брата будут выплачены вам в ближайшее время. После этого вы навсегда забудете фамилию Филанджери.

Удивительное дело — Одуванчик нисколько не испугался столь резкой, почти грубой речи хозяина палатки. Лишь чуть-чуть приподнял подбородок и с притворной печалью в голосе произнес:

— Жаль, что вы не сумели оценить мое предложение по достоинству. Поверьте, еще не раз укорите себя за то, что по собственной воле надели на себя брачный хомут.

— Даже если это и случится, вы никогда об этом не узнаете, — отрезал Филанджери, мрачно хмурясь. — Ну же, чего вы ждете? Выметайтесь из моего дома, пока я сам не вышиб вас отсюда пинком под зад.

Одуванчик не торопился. Неспешной, почти демонстративной походкой он прошел к дверям, словно дефилировал по сцене. Уже на пороге обернулся, улыбнулся и с мягкой, сладкой интонацией проворковал:

— Я не прощаюсь с вами, *mon sucre*²⁰¹.

Изо всех сил удерживая ярость, готовую прорваться в действия, которые не будут иметь никаких оправданий, Алессандро сжал кулаки так, что костяшки пальцев побелели.

* * *

Сейчас, сидя в карете рядом с Лукрецией Пьериной Сильвестри, вернее, уже с княгиней ди Сатриано и ди Арианиелло, Алессандро вновь, в который раз за этот день, почувствовал, как кулаки сами собой сжимаются. Он простоял со сжатыми ими до боли всю процедуру венчания, механически повторяя за священником слова брачной клятвы и с горечью думая о том, что упустил момент, когда мог вышвырнуть насквозь прогнившего Одуванчика взашей. Воспоминание о его тошнотворном предложении мучило сильнее, чем благовония в храме. Руки по-прежнему чесались отвести мерзавцу должный удар не только за него, но и за всё то зло, что он причинил их семье.

¹⁹⁸ Вы определенно тот, кто смог бы заставить меня кусать подушку! (франц.) [Выражение *mordre l'oreiller* («кусать подушку») во французском сленге XVIII века имело ярко выраженный непристойный оттенок. Оно использовалось как метафора для пассивной роли в однополем сексуальном контакте].

¹⁹⁹ Яловый — бесплодный, неоплодотворенный.

²⁰⁰ *Prince Méprise* (франц.) — князь Презираемый.

²⁰¹ *Mon sucre* (франц.) — мой сахарок.

Женилец-сшиватель²⁰² что-то бубнил себе под нос, а у Алессандро, далекого от торжественности и значимости момента, в груди всё еще klokотало раздражение, густо перемешанное с презрением к клятому Одуванчику. Еще бы! Это же надо! Ему, тому, кого в Испании с восторженным придыханием именовали «*мачо*», этот скользкий слизень в блестках и кружевах осмелился озвучить столь мерзкое и унижительное предложение!

Неужели этот развращенный, самодовольный интриган, привыкший покупать людей столь же легко, сколь и редкие вина для своей винотеки, всерьез полагал, что Алессандро променяет честь и имя на его сомнительное покровительство?! Что он изменит мужской природе и станет ублажать этого марикона²⁰³?!

«Ничего... — успокаивал он себя, — сначала надо выдохнуть, уладить дела, а уж потом, на трезвую голову, обдумать, как свести с ним счеты. Недаром в Испании говорят: «*Quien espera suele desesperar; pero la venganza que aguarda su hora, es mucho más dulce al probar*. — Кто ждет, обычно теряет терпение; но месть, что дождалась своего часа, куда слаще на вкус».

Сейчас Алессандро и впрямь хотелось поскорее выдохнуть. Все эти дни перед венчанием он был занят, как черт во время бури. Приходилось и гиковать²⁰⁴, и лавировать, и выжимать из брачного договора каждую крупину выгоды для себя, без коей вся эта история с женитьбой теряла всякий смысл. Он загружал себя до предела: добывал и сводил воедино сведения о долговых обязательствах Джулиано, выискивал скрытые расписки и тайные соглашения, переписывался с кредиторами и их поверенными, торговался о сроках выплат, акцептовал залоговые бумаги, проверял закладные на имена.

Ему приходилось отправлять курьеров в разные концы королевства, чтобы отыскать ростовщиков, которым брат задолжал; вести непростые переговоры с теми, кто требовал немедленной уплаты; подписывать новые обязательства под залог будущих доходов; по ночам составлять письма с просьбами о рассрочке платежей, подкрепляя их печатями и поручительством влиятельных знакомых.

В общем, курица с цыпленком имеет меньше забот, чем он, вынужденный благодаря братцу плавать в этой гадостной кутерьме, где любое промедление грозило не только позором, но и потерей всего, что еще оставалось от чести и состояния рода Филанджери.

И вот, наконец, брачный союз свершился. А это значит, что он не просто «испытал прилив»²⁰⁵, то есть разжился деньгами. Этим супружеством он перелистнул для своей семьи страницу долгов и унижений. Теперь можно будет погасить займы, покрыть векселя, выкупить заложенные поместья, выплатить обязательства по ренте, рассчитаться с ростовщиками, закрыть долговые расписки за карточные проигрыши, вернуть фамильные ценности, что давно пылились на Монте²⁰⁶, оплатить накопившиеся счета поставщикам вина, тканей и утвари, погасить расходы на содержание слуг, конюшен и овчарен.

Всю эту бумажную и финансовую волокиту теперь можно с большим облегчением взвалить на плечи группы поверенных, которых он специально нанял под каждое отдельное дело.

²⁰² В неаполитанском сленге XVIII века священника, проводящего обряд венчания, часто в шутку называли *O cucitore* — сшиватель, тот, кто сшивает (намек на соединение двух людей, как тканей в одном шве), или *O maritatore* — женилец, тот, кто женит. Оба слова использовались в разговорной речи, подчеркивая ироническую сторону брачной церемонии.

²⁰³ Марикон (исп. *maricón*, дословно можно перевести как: «большая Мария» или «мужчина-женщина») — исторически задокументированное в испанских источниках XVIII века табуированное (сленговое) обозначение гомосексуалиста. Оно имеет негативную коннотацию и часто использовалось в уничижительном контексте.

²⁰⁴ В морском сленге XVIII века выражение «гиковать» помимо прямого значения — маневра с перебросом гика при повороте фордевинд — употреблялось и в переносном смысле: «получить бумаги с печатями», то есть оформить официальное разрешение или документ, часто связанный с отплытием или сменой службы.

²⁰⁵ На морском сленге эта фраза означает: «разжился деньгами».

²⁰⁶ Пылиться на Монте (неап. *Stà a' piglià' polvere 'ncopp' o Monte*, буквально — стоит, собирая пыль на Монте) — выражение, бытовавшее в Италии, особенно в Неаполе XVIII века. Оно означало храниться в ломбарде (итал. *Monte di Pietà*) в залоге. [«Монте» — сокращенное название благотворительного залогового учреждения, где вещи оставляли под проценты; пока их не выкупали, они буквально лежали без дела, покрываясь пылью.]

Деньги на оплату труда всех этих юристов, казначеев, писарей и крючкотворов теперь тоже были. И потому впервые за долгое время Алессандро мог позволить себе дышать ровно. Оставалось лишь по-быстрому обзавестись наследником — и снова раскинуть паруса, уходя навстречу желанным, будоражащим ветрам.

Свидетели венчания — Лудовика Бернадетта и Джакомо Масколини — напоследок пожелали новобрачным «хорошей погоды». В обычной речи это означало согласие в отношениях, мир в доме и отсутствие бурь. Мачеха выразилась еще более поэтично: «Пусть ваш семейный корабль всегда плывет под ясным небом, редкие тучи проходят мимо, а штормовые ветра не задевают ваши паруса!»

Под перезвон церковных колоколов новобрачные поднялись в княжескую карету и отправились навстречу новой жизни, которую свидетели представляли залитой ласковым солнцем семейного счастья и согретой теплом супружеского согласия. Карета качалась на рессорах, словно корабль в тихой гавани. За окнами проплывала знакомая улица, а Алессандро ловил себя на мысли, что его даже не тянет взглянуть в лицо новоиспеченной супруге.

Подъезжая к ее дому — Лукреция настояла на том, чтобы представить мужа подопечной племяннице — Филанджери в очередной раз мысленно возблагодарил себя за то, что категорически отказался от свадебного банкета.

Сидеть за длинным столом, выслушивая бесконечные тосты за «счастливую совместную жизнь», терпеть многозначительные намеки на «предстоящие любовные радости» и скабрёзные пожелания «поскорее оказаться по другую сторону корсета» — всё это казалось ему пыткой, замаскированной под беспечное светское веселье. Такие застолья он считал пустой тратой времени и сил: приличия требовали улыбаться, а приходилось сдерживать гримасу раздражения.

Вместо неуместных пышных торжеств он предпочел короткую, сухую церемонию венчания без лишних глаз, чтобы скорее вернуться к делам, которые и вправду имели для него значение.

Вспомнив опять разговор с Одуванчиком, Алессандро почувствовал, как пальцы вновь непроизвольно сжались в кулаки. Служба в военном флоте приучила терпеть многое, но подобную мерзость князь снести не смог. Нет, любителю «поиграть в Катамита»²⁰⁷ это с рук не сойдет точно. Пусть не сразу, но расплата настигнет неизбежно. И не будет он достоин носить фамилию Филанджери, если не сведет с этим убудочным аррусо²⁰⁸ счета самолично.

Однако все эти мысли неожиданно отступили, когда Алессандро под руку с новобрачной вошел в гостиную палатчины Сильвестри. На него тут же взглянули огромные влажные глаза маленькой лани. Только они были не карими, а бархатно-серыми, опущенными длинными густыми ресницами. И принадлежали они совсем юной девушке, сидевшей возле круглого стола на незначительном расстоянии от мужчины. Его рука накрывала ее ладонь, лежавшую на мраморной столешнице.

В мужчине Филанджери сразу же признал поверенного супруги — того самого, что совсем недавно отчаянно торговался с ним за каждое слово в брачном договоре. Тогда Алессандро отметил про себя: этот любитель слов-«сломай-язык» знает свое ремесло лучше, чем корабельный штурман — отмели в родной гавани. Князю понравился такой подход к делу, и

²⁰⁷ Играть в Катамита / быть в роли Катамита (неап. *Facé 'o catamito*) — в неаполитанском языке XVIII века выражения, связанные с «Катамитом» (неап. *catamito*), происходили из латинского *catamitus* — обозначения юного возлюбленного взрослого мужчины в античности. В разговорной и уличной речи «поиграть в Катамита» означало вступить в однополую связь, чаще в роли пассивного партнера, и употреблялось с уничижительным оттенком.

²⁰⁸ Аррусо (неап. *arruso*) — грубое и широко употребляемое в XVIII веке слово неаполитанского сленга для обозначения пассивного партнера в мужеложестве; имело резко уничижительный оттенок. Этимологически восходит к итальянскому глаголу *arrostitire* (жарить, поджаривать) и его диалектной форме *arròstere*. В южно-итальянских говорах имело переносное значение, связанное с телесным жаром, трением или «подогревом» в эротическом контексте. Поэтому слово *arrusso* можно перевести как «тот, кого жарят», «тот, кого имеют».

он даже мельком подумал предложить адвокату стать амбидекстером²⁰⁹ — то есть играть на обе стороны, за две ставки.

Но теперь, по странной и ничем не объяснимой причине, в душе Алессандро поднялась тихая, вязкая, ничем не спровоцированная неприязнь к этому человеку. И, исходя из этого чувства, он взглянул на поверенного по-новому.

Внешне синьор Ранелли больше напоминал престижного торговца пируэтами²¹⁰ из разряда «толкателей роз и дарителей грез»²¹¹. С первого взгляда в нем ощущалась непривычная для адвоката изысканность и утонченность. Он был не по-мужски строен и изящен, движения имел плавные, но уверенные. Тщательно уложенные волосы и безупречно сидящий камзол выдавали притязательное отношение к внешнему виду, а изящный кружевной галстук добавлял чуть игривую нотку в строгость облика. Одежда сидела на нем так, будто он был живой рекламой лучших портных города. Внимание к деталям: витиеватая галстучная булавка, запонки с драгоценным камнем, цепочка дорогих карманных часов с золотыми брелоками — явно говорило о его вкусе к моде и светской галантности. Старпом обзывал таких пижонов словом *fop*²¹². Что оно значило, Алессандро не знал, но был уверен, что это какое-то забористое английское ругательство.

В глазах адвоката — смесь ума и дружелюбия. Улыбка — открытая, располагающая к доверительному разговору. Даже манера держаться свободно но с достоинством выдавала человека, привыкшего не только к искусству слова, но и к тому, что на него устремлены взгляды публики. Казалось, он умеет торговать не только законами, но и симпатиями аудитории.

Но у князя ди Сатриано и Арианиелло на этот раз Ранелли не вызвал ни малейшей симпатии. Алессандро, сам толком не понимая почему, почувствовал: этот человек вполне может оказаться противной стороной не только за столом переговоров и при обсуждении юридических бумаг, но и в куда более личных, значимых делах.

Видимо, его неприязнь, отразилась на лице, потому что поверенный тотчас отнял свою руку. Алессандро вновь перевел взгляд на девушку — и тут же ощутил в груди странное, тянущее и тревожное чувство, неясное и мучительное. Он замер, осознав, что отныне ему вовек не забыть этих магических глаз — глубоких, как предгрозовое небо, и бархатных, словно вечерний сумрак. Они смотрели открыто, без малейшего намека на кокетство, и, кажется, вовсе не осознавали своего губительного влияния.

Этот внимательный, почти невинный взгляд вызвал в князе замедление мыслей и ощущение, будто мир вокруг растворился. Девушка продолжала смотреть на него большими глазами — пристально, просто, с легкой улыбкой, в которой таилось невероятное обаяние.

Она принадлежала к тому редкому типу женщин, о которых в Испании говорят *hace tilín*²¹³ — от одного их взгляда сердце звенит, словно серебряный колокольчик на утреннем ветру, а в груди рождается невольное, почти болезненное желание прикоснуться. Своей неж-

²⁰⁹ Амбидекстер (итал. *Ambidestro*, от лат. *ambi* — оба и лат. *dexter* — правый) — человек, который одинаково хорошо владеет правой и левой руками. На аристократическом сленге XVIII века так назывался юрист, берущий гонорар с обеих сторон, или играющий «на обе ставки».

²¹⁰ Торговец пируэтами (итал. *mercante di capriole*) — так на аристократическом сленге Неаполя XVIII века называли учителя танцев.

²¹¹ Здесь использованы испанские сленговые выражения XVIII века: *Empujador de rosas* — буквально: тот, кто толкает/сует розы; *Dador de sueños* — даритель снов/грез.

²¹² *Fop* (англ.) — старинное английское слово с явным оттенком издевки и презрения, которое можно перевести словами «хлыщ» или «пижон». Оно адресовалось мужчине, который слишком заботится о своей одежде, манерах и внешности.

²¹³ *Hacer tilín* (исп.) — идиома, означающая «внезапно и сильно вскружить голову», заставить сердце екнуть. Слово *tilín* — это звукоподражание звону колокольчика. В испанской культуре это выражение описывает мгновенное зарождение искры, когда человек не просто нравится, а вызывает непреодолимое и острое физическое влечение.

ной, свежей красотой эта малышка могла бы с легкостью затмить всех гверчиновых сивилл²¹⁴ разом.

Мир вокруг Алессандро и впрямь будто исчез, оставив лишь ее, эту удивительную девушку, и его в плену прекрасных глаз. И это было миготом странного, невыразимого волшебства. Но, наверное, в его взгляде проявилось что-то такое, что заставило щеки девушки расцвести роскошью румянца, который, впрочем, еще выгоднее оттенил молочную фарфоровость кожи. Она отвела взгляд, а потом и вовсе опустила его в пол.

И в этот самый момент сердце Алессандро сделало невероятный кульбит. Эта ее крохотность и стыдливость пробудила в нем нечто мрачное, черное, первобытное. Князь ощутил, как напряглись мускулы, как тело налилось горячей, кипящей силой, а всё в животе сжалось в тугую комок. Пах пронзило непривычно сладостной болью — и, к своему большому удивлению, он ощутил... внезапный приступ приапизма²¹⁵, похожий на тот, что бывает от шпанской мушки²¹⁶.

Капитан Филанджери никогда не был особенно набожным и суеверным. Он жил, не творя псалмов и молитв за душу свою, но изрекая подчас ругательства, проклятия и бранные слова, коим позавидовали бы все черти преисподней. Ни разу в жизни перед выходом в море он не поцеловал образ святого, а на тринадцатое число, выпадавшее на вторник, смотрел так же спокойно, как на любую другую дату, и без малейших опасений отдавал в этот день швартовы²¹⁷.

Но сейчас, когда в мозгу набатным звоном загудело *signo*²¹⁸ и всё внутри буквально завопило: «¡Alarma! ¡Emboscada!»²¹⁹ — Тревога! Засада! — ему впервые в жизни захотелось, пусть мысленно, но всё же повесить на бушприт алую ленту²²⁰. Не ради защиты от морских духов, а как символ готовности встретить надвигающееся неизбежное. Лента в его воображении стала чем-то вроде знака-предупреждения себе же: впереди его ждут такие шторма, которым по силам не только перевернуть устоявшийся порядок, но и перелопатить, перемолоть, перекрыть его самого.

Мозг каленой стрелой прошила внезапная мысль — отныне и он сам, и вся его жизнь теперь уже точно не будут прежними.

²¹⁴ Джованни Франческо Барбьери по прозвищу Гверчино (1591–1666) — итальянский рисовальщик, живописец и гравер академического направления болонской школы. Гверчино — уменьшительное от итал. *guercio* — косой, косоглазый. Он создал несколько полотен, изображающих сивилл (лат. *sibylla*) — в античной культуре пророчиц и прорицательниц, предрекавших в экстазе будущее, зачастую бедствия: «*Sibilla Persica*» (1647 г.), «*Sibilla Samia*» (1651 г.), «*Sibilla Libica*» (1651 г.), «*La Sibilla Samia col putino*» (1651 г.), «*La Sibilla Cumana con un putto*» (1651 г.), «*Sibilla Samia*» (1653 г.).

²¹⁵ Приапизм — патологическое длительное и болезненное эректильное состояние, названное по имени древнегреческого божества плодородия Приапа (др. — греч. *Πρίαπος*, также лат. *Priapus*), часто встречающееся в медицинских и литературных текстах XVIII–XIX веков как образ чрезмерного сексуального возбуждения.

²¹⁶ Шпанская мушка (лат. *Lytta vesicatoria*) — порошок или настой из высушенных жуков-шпанок, использовавшийся в античных временах как сильный афродизиак; в XVIII веке считался возбуждающим средством.

²¹⁷ Поцеловать образ святого (исп. *Besar la imagen del santo*) — на испанских кораблях часто имелись иконы или статуэтки святых-покровителей (обычно Святой Николай, Дева Кармен, иногда Святой Франциск). Перед отплытием их целовали или дотрагивались до них ладонью. Не выходить в море во вторник (исп. *No zarpar un martes*) — в Испании вторник (особенно 13-е число) считался днем несчастливый, поэтому по возможности старались не начинать плавание в этот день.

²¹⁸ *Signo* (исп.) — металлический предмет для подачи звукового сигнала (колокольчик, гонг, било).

²¹⁹ «¡Alarma!» (исп.) — «Тревога!», «Внимание!»; в документах и приказах на испанских кораблях XVIII века означало боевую тревогу при внезапном нападении, сигнал к готовности, срочное предупреждение об опасности. В переносном смысле — смятение, тревога, переполох. «¡Emboscada!» (исп.) — «Засада!», «Нападение из укрытия», военный и морской термин для обозначения скрытой атаки. В переносном смысле — неожиданная неприятность, сложная ситуация или подвох, с которым приходится столкнуться.

²²⁰ Повесить красную ленту (исп. *Colgar una cinta roja*) — на некоторых испанских судах на бушприте (горизонтальное или наклонное рангоутное дерево, выступающее вперед с носа парусного судна; иногда называют наклонной мачтой) закрепляли красную или алую ленту — амулет против сглаза и морских бурь.

Глава 4

Войдя в помещение студии легале²²¹, Витторе Жиральдо не задержался ни на секунду в приемной и напрямик направился в свой кабинет. Подойдя к «секретному шкафу»²²², он снял с брелока ключ, вставил его в замок нижнего, потайного, отделения и отпер створку. Извлек оттуда тяжелый «ящик безопасности»²²³, поставил на стол и, воспользовавшись другим ключом, открыл. Отыскал папку с документами Бернардо Гуидо Сильвестри.

Полистав ее, виконт вынул из дела завещание покойного. Убрав всё по своим местам, протянул руку к маленькому колокольчику и позвонил. Спустя минуту в кабинет вошел помощник адвоката и правая рука Витторе — синьор Карло Боннуччи.

— Ваше сиятельство, вы меня звали? — спросил старик с подчеркнутой почтительностью, слегка склонив при этом голову.

Витторе, по обыкновению, внутренне поморщился: он не любил, когда в стенах конторы напоминали о титуле. Здесь они оба — всего лишь слуги его величества Закона, и виконт не раз просил старика обращаться к нему проще — обычное «синьор Ранелли» было куда уместнее в адвокатской конторе, чем подобные великосветские расшаркивания. Но Карло Боннуччи упрямо демонстрировал патрону почтительность, хотя был старше Витторе более чем вдвое и обладал гораздо большим опытом в юриспруденции.

Сейчас виконт решил не поправлять помощника. Вместо этого просто сказал:

— Да, Карло. Возьмите этот документ и распорядитесь, чтобы копиист²²⁴ срочно сделал дубликат.

Он протянул Боннуччи завещание синьора Сильвестри. Старик с интересом взглянул на бумагу, затем удивленно поднял густые, кустистые брови.

— Какие-то проблемы, ваше сиятельство? — спросил он осторожно.

Витторе вновь мысленно скривился от обращения, но, почувствовав острое желание уединения, и на этот раз не стал поправлять помощника, а лишь ответил ровно:

— Нет, Карло, на текущий момент проблем нет. Но копия этого документа должна к вечеру лежать у меня на столе.

Карло Боннуччи, явно обеспокоенный, попытался перехватить взгляд патрона, но Витторе нарочно отвел глаза, переместив их на подставку для корреспонденции. Он взял в руки первое попавшееся письмо, взломал сургучную печать — скорее для отвода глаз, чем из любопытства. Старик понял намек: ничего не остается, как идти выполнять поручение. Когда дверь за ним тихо захлопнулась, виконт отбросил письмо обратно в подставку, к прочим нераспечатанным посланиям.

Карло спросил: «Есть ли проблемы?» Проблемы есть. И весьма серьезные. С этого дня, похоже, в лице князя ди Сатриано и ди Арианиелло у него действительно объявилась проблема — внушительная и основательная. Инцидент в палаццине Сильвестри показал, что князь готов действовать очень жестко. Сегодня этот человек сумел вызвать у обычно сдержанного виконта вполне оправданное раздражение.

«Похоже, Филанджери Ла Фарина намерен отобрать у супруги не только право распоряжаться ее деньгами, но и опеку над Фьореллой», — подумал Витторе, и эта мысль вызвала

²²¹ Студия легале (итал. *Studio legale*) — устойчивое итальянское выражение XVIII века, обозначавшее контору адвоката, где он принимал клиентов, вел дела, составлял и хранил документы.

²²² Секретный шкаф (итал. *armadio segreto*) — запираемый шкаф с полками и тайными отделениями, предназначенного для хранения особо конфиденциальных документов.

²²³ Ящик безопасности (итал. *cassetta di sicurezza*) — в XVIII веке так назывался прочный ящик или маленький сундучок с замком, иногда встраиваемый в мебель, где хранили ценности или особо важные документы. Прообраз сейфа.

²²⁴ Копийист (итал. *copista*) — человек, делающий от руки письменные копии.

у него глубокое, почти физическое неприятие. Подобный шаг способен был не просто изменить расстановку сил вокруг девушки — он мог изменить всю ее судьбу. Лишенная самостоятельности и поставленная под полный контроль мужа тетки, Фьорелла рисковала оказаться в положении подневольной птички, запертой в золотой клетке.

Витторе не питал иллюзий: синьор Филанджери — человек основательный и расчетливый. Если он возьмет под опеку племянницу жены, то едва ли ограничится формальными правами. Он постарается получить полный контроль и над ее состоянием — тем самым приданым, которое должно было обеспечить девушке достойное будущее.

В глазах виконта это было особенно опасно: деньги Фьореллы могли превратиться в инструмент давления на нее, в рычаг, с помощью которого князь будет диктовать ей свою волю. Узнав, что из себя представляет этот человек, Витторе ни капли не сомневался: любая попытка синьорины Сильвестри отстоять свободу натолкнется на непробиваемую стену его власти.

Мысль о том, что Фьорелла лишится права распоряжаться собственным будущим, вызывала у Витторе нарастающее беспокойство. Он ясно понимал: если не вмешаться, вокруг девушки сомкнется кольцо, разорвать которое будет почти невозможно.

Витторе не любил проигрывать, особенно в делах, где на кону стояли права и свобода тех, кого обязан защищать. А сегодня он ясно почувствовал: впереди ждет противостояние, которое потребует от него не только юридической хватки, но и осторожной, почти дипломатической (читай подковерной) игры.

Всё же как жаль, что Фьорелла лишилась родителей! Недаром в народе говорят: «С родным отцом и матерью не нужен ни адвокат, ни чужой стол со скатертью»²²⁵.

Витторе был хорошо знаком с отцом Фьореллы Паломмы. Именно Доменико Феличе Сильвестри представил виконта старшему брату, Бернардо Гуидо, когда тот искал опытного адвоката и надежного поверенного. Отец Фьоры характеризовал виконта Моразини своему родственнику как одного из лучших выпускников Неаполитанского университета, человека редкой учености и безупречной репутации.

По окончании университета Витторе Жиральдо удостоился докторской степени *in utroque iure* — «в обоих правах». Это престижное звание означало, что он в равной мере овладел каноническим и гражданским правом, двумя основами юридической науки современности. Каноническое право — свод норм, созданных католической церковью, регулировало всё: от брака и развода до управления церковным имуществом и дисциплинарных разбирательств. Гражданское же право касалось дел мирских и определяло порядок взаимоотношений между гражданами.

Такая двойная квалификация была редкой и высоко ценимой. Она открывала двери как в светские, так и в церковные суды, позволяла с одинаковой уверенностью вести дела перед прелатами и перед магистратами. Для юриста подобная степень была не просто свидетельством знаний — это было доказательством широкого кругозора и способности находить решения там, где пересекались мирские законы и воля церкви.

Виконт Моразини не относился к тем аристократам, что довольствуются безмятежным прозябанием в тени фамильных гербов. Богатство, доставшееся по праву рождения, он воспринимал не как освобождение от труда, а как возможность заниматься тем, что приносит истинное удовлетворение. Для Витторе право было не просто ремеслом, а искусством, в котором можно блистать в тишине судебных залов так же ярко и безупречно, как его старший брат Альфредо Северо — на арене дипломатических баталий.

²²⁵ *Cu' tene 'o pate e 'a mamma, nun ce vo' né 'avvocato né 'a tovaglia 'e l'ate* — неаполитанская поговорка. Выражает мысль, что родные родители — лучшая защита и опора в жизни, чем любые посторонние люди или чужое гостеприимство.

Виконт с детства отличался острым чувством справедливости и стремлением помогать тем, кого она обошла стороной. Мать и отец твердили, что у младшего сына сердце из масла²²⁶. В Неаполе так обычно говорят о человеке мягком, отзывчивом, легко сопереживающем и в то же время ранимом. Так же, как и масло, Виторе Жиральдо плавился под тяжестью чужой беды. Для одних эта черта была признаком доброты и человечности, для других — слабости, которой опасно обладать в мире, где часто побеждает не правый, а сильный.

Но сам виконт не умел и не мог быть другим: сострадание являлось для него не выбором, а природной сутью. Витторе рано понял, что именно знание законов дает возможность защищать слабых, восстанавливать попранные права и противостоять тем, кто привык вершить судьбы лишь силой положения и кошелька.

Младший Моразини обладал острым умом и природной тягой к разгадыванию сложных узлов человеческих и имущественных конфликтов. Успехи в этой сфере дарили ему то, чего не могло дать одно лишь богатство, — возможность менять судьбы людей к лучшему, направлять ход событий так, чтобы пресловутой справедливости в мире, где закон мрет, если сила прет²²⁷, становилось чутью больше.

К тому же он прекрасно понимал, что в современном Неаполе аристократ, обладающий квалификацией *in utroque iure*, становился фигурой особого веса: его мнение ценилось и в светских, и в церковных кругах, а возможность действовать в обеих юрисдикциях открывала двери к самым закрытым и выгодным делам. Для виконта труд на юридической ниве был не столько средством заработка, сколько ареной, где он мог испытать свои силы, утвердить фамильное имя и, что главное, получить удовлетворение от того, что его работа приносит пользу тем, кто без него остался бы незащищенным.

Бернардо Гуидо Сильвестри, когда Витторе с ним познакомился, как раз искал юриста, который мог бы поспособствовать восстановлению попранной справедливости. Он был крупным мерканте²²⁸ — купцом, торговавшим дорогими тканями в широких масштабах по всему Апеннинскому полуострову и за его пределами.

Его права оказались ущемлены после того, как влиятельная генуэзская гильдия, имеющая полумонополию на торговлю шелками и бархатом, попыталась заблокировать поставку партии дорогих тканей из французского Лиона. Под надуманным предлогом (нарушение регламента качества) ткани были изъяты прямо на складе в порту. Поставщики получили уведомление о расторжении сделки.

На деле же это было результатом интриг конкурентов, которые опасались, что роскошный лионский бархат и шелк вытеснит генуэзские ткани с рынков Апеннин. Потеря партии грозила не только убытками. Для Сильвестри это было и делом чести, и вопросом репутации: в торговых кругах любое пятно на имени могло означать потерю доверия и выгодных сделок на годы вперед. Он нуждался в человеке, который сумеет не только отстоять его интересы в суде, но и вернуть доброе имя в глазах поставщиков и влиятельных клиентов, с которыми уже были заключены контракты на поставку арестованных тканей.

Витторе Жиральдо взялся за дело с присущей ему тщательностью и холодной рассудочностью. Он досконально изучил все контракты, таможенные декларации и постановления гильдии, выискивая малейшие противоречия в их доводах. В суде аргументы прозвучали веско и неоспоримо: он сумел доказать, что изъятие тканей было незаконным, а действия генуэзской гильдии — результатом недобросовестной конкуренции.

²²⁶ *Core 'e burro* (неап.) — буквально: сердце из масла.

²²⁷ Здесь использовано неаполитанское выражение: *Quanno 'a forza spinge, 'a legge se struje* — буквально: «Когда сила давит, закон ломается».

²²⁸ Мерканте (итал. *mercante*) — торговец, купец.

Процесс завершился полным восстановлением прав Бернардо Гуидо Сильвестри: партия дорогих тканей была доставлена в Неаполь, а гильдию обязали выплатить компенсацию за простой товара и ущерб репутации.

Это дело стало громким успехом Витторе. Он не только вернул клиенту ценный груз, но и укрепил его положение на рынке, избавив от опасного давления конкурентов. С тех пор синьор Сильвестри стал доверять виконту Моразини все юридические дела. Витторе сделался постоянным поверенным влиятельного мерканте.

После того как Бернардо Гуидо признали погибшим в результате нападения на судно берберийских пиратов, в силу вступило завещание, составленное при посредничестве Витторе. Согласно его положениям, управление делами компании переходило к назначенному синьором Сильвестри при жизни директоре²²⁹, а Витторе Жиральдо отводилась роль прокуратора и раппрезентанте легале²³⁰.

Эти должности предполагали контроль за финансовыми и торговыми операциями, а также представление интересов наследниц (вдовы покойного и его племянницы, получивших равные доли наследства) в коммерческих делах. Витторе должен был действовать от их имени и в их интересах, но не являлся при этом формальным опекуном или попечителем. Его обязанностью было защищать права и доли наследниц в компании при любых торговых и финансовых операциях.

Тем же завещанием вдова покойного, Лукреция Пьерина Сильвестри, была назначена тутриче — опекуницей племянницы супруга. Это назначение регулировалось как каноническим правом, так и светскими законами королевства.

Вдова имела преимущественное право на опеку, поскольку считалось, что именно она способна наилучшим образом позаботиться о благополучии подопечной. В этом случае опека носила ограниченный характер: она подразумевала полную ответственность за содержание Фьореллы Паломмы на средства, полученные Лукрецией после смерти мужа. Однако распоряжаться состоянием, доставшимся девушке в наследство от дяди, вдова не могла. Эти средства поступали на банковский счет, открытый на имя Фьореллы, и предназначались исключительно для приданого.

По тому же завещанию к Витторе Жиральдо переходило право быть куратором наследства Фьореллы, полученного после смерти родителей — обязанность, которую при жизни исполнял родной брат отца. Помимо этого, на виконта Моразини возлагались функции доверенного лица в вопросах, касающихся будущего брака Фьореллы Паломмы. Ему поручалось вести все переговоры о брачном договоре с семейством Эспозито.

Лукреция Пьерина, зная, как высоко супруг ценил знания и способности виконта Моразини, вступив в права наследницы, попросила его быть и ее поверенным тоже. Он, разумеется, возражать не стал.

Таким образом, Витторе Жиральдо Ранелли оказался глубоко вовлеченным в дела вдовы и племянницы покойного нанимателя.

После первой встречи с Фьореллой в роли доверительницы, чьи интересы Витторе был обязан отныне защищать, виконт, по обыкновению, решил занести события дня в дневник. Но впервые столкнулся с тем, что не хватает слов, чтобы передать то, что чувствовал. В памяти всплыло французское выражение, приписываемое Дени Дидро: «*Si vous voulez écrire sur la femme, trempez votre plume dans l'arc-en-ciel et secouez la poussière des ailes d'un papillon.* — Если хотите писать о женщине, обмакните перо в радугу и стряхните пылицу с крыльев бабочки». В отношении Фьореллы Паломмы эта фраза была более чем уместна.

²²⁹ Диретторе (итал. *direttore*) — управляющий.

²³⁰ Прокураторе (итал. *procuratore*) и раппрезентанте легале (итал. *rappresentante legale*) — прокуратор и доверенное лицо, уполномоченный представитель. Совмещение этих должностей соответствует современной должности юрисконсульта.

Впервые Витторе увидел синьорину Сильвестри девочкой-подростком. Теперь же она стала необыкновенно красивой и утонченной девушкой. Ее грудь всё еще продолжала набирать женственные очертания, приятные мужскому взгляду, но врожденная грация уже ощущалась. Такой легкости и изяществу движений невозможно научиться — ими нужно обладать от рождения.

Это было воздушное, почти бесплотное создание с густыми волосами цвета воронова крыла и широко распахнутыми бархатно-серыми глазами, слегка затененными густыми длинными ресницами.

Ее светлая кожа молочного тона с мраморным блеском казалась светящейся, будто была тщательно отполирована с помощью стриджиле²³¹. Поры кожи, словно в них спрятаны частички слюды, сияли молодостью и здоровьем.

При встрече синьорина Сильвестри так изящно, словно ландыш на нежном стебле, склоняла голову, что Витторе думал: «Право слово, это какое-то эфирное создание в оболочке пленительной женственности. Эта юная девушка настолько красива, грациозна и очаровательна, что будь на моем месте бесчувственный чурбан, и тот не остался бы равнодушным к желанию полюбить ее».

Голос Фьореллы с нежной шелковистостью тембра был удивительно красив и мягок. Легкое грассирование²³² придавало речи особое очарование, делая похожей на журчание чистого ручейка, перекатывающегося по мелким камушкам. Ее улыбка была искренней, по-настоящему человеческой и сердечной, и отзывалась в душе Витторе щемящей, трогательной теплотой.

Но самым важным открытием, приятно удивившим виконта, стало то, что в этой очаровательной головке с милым, кукольным личиком явно обитал живой и восприимчивый мозг.

Серые глаза девушки, похожие на перламутровый бархат, смотрели на мир не по годам зрелым и проницательным взглядом. В их глубине отражались не только благопристойность и рассудительность, но и творческая мечтательность и одухотворенность. Казалось, в них находит отражение живущая в ней светлая греза. Взгляд Фьореллы был абсолютно свободен от пустого и нарочитого девичьего кокетства, что выделяло ее среди многих юных синьорин, привыкших прятать истинную сущность за маской легкомысленной игривости. В синьорине Сильвестри не чувствовалось ни капли жантильности. Она вела себя очень естественно, но при этом с полным ощущением собственного достоинства.

Надо признать, у виконта Моразини были довольно-таки непростые отношения с женским полом. Первый бал его буквально опьянил. Семнадцатилетний Витторе пытался ловить глазами юных прелестниц, которых там было в изобилии, но видел лишь кружащие в танце палевые, розовые, голубые, светло-сиреневые платья, порхающее кружево, разлетающиеся ленты, косынки из газа и воздушные воланы. Перед его взглядом проносилась нескончаемая круговерть муаровых тканей, по которым каскадом лился яркий свет мерцающих свечей. Он видел тюли и муслины, нежным туманом окутывающие манящие девичьи формы. Следил за взмахами рук, поворотами голов, скольжением ножек в атласных туфельках по паркету. Его сердце радостно замирало от озорной битвы юбок, окрыленных танцем. Голова кружилась от сверкания мириад бриллиантовых искр в подвесках, ожерельях и диадемах. А перед взором всё плыли и плыли, покачиваясь, изящные фигурки, затянутые в тугие корсажи, обнаженные женские плечи и глубокие декольте, практически оголяющие манящие груди.

²³¹ Стриджиле (итал. *strigile*, от лат. *strigilis*) — стригиль — в античности до изобретения мыла серповидный скребок для очищения поверхности кожи от пота и грязи. Изготавливался из бронзы или другого металла. Для этого тело предварительно намазывалось маслом. В термах очищение стригилем часто выполняли рабы. Изображение стригиля встречается на античных вазах.

²³² Грассировать (франц. *grasseyer*) — особенным образом произносить звук «р», подобно тому, как его произносят парижане, т. е. заставляя участвовать больше корень языка, чем кончик.

Молодой виконт был очарован разноцветьем юных красавиц, но первый же более тесный контакт с одной из них оказался для него неожиданно отрезвляющим. Прелестница сама потянулась к его губам — смело, без смущения, — а затем, словно это было самое естественное в мире, сама назначила свидание. Чуть позже она стала и его первой женщиной.

Витторе, воспитанный в духе порядочности и благородства, считал своим долгом предложить девушке руку и сердце. Но его предложение встретили с игривым смехом, в котором звенела легкая насмешка:

— Витторе, глупыш, я родилась не для того, чтобы стать виконтессой!

И, чуть прищутив глаза и коснувшись указательным пальчиком кончика его носа, добавила:

— Маркиза — вот тот минимум, на который я готова согласиться.

Ее слова, произнесенные с очаровательным кокетством, прозвучали для юноши как холодный, отрезвляющий душ. Он впервые ощутил, что мир красивых женщин может быть полон не только нежных улыбок и волнительных прикосновений, но и расчетливых амбиций, а титулы и положение в нем подчас значат больше, чем чувства. Успокаивало одно: он не был у этой красавицы первым.

Именно поэтому Витторе не слишком удивился, когда прочитал в одном из открытых писем мадам д'Эпине²³³ к одному ее другу, остроумцу и скептику аббату Галлиани, такие слова: «Женская стыдливость и добродетель нынче стали не более чем брошами, которые при желании можно приколоть или снять с себя. Честность объявлена главным врагом эпохи. На троне антиморали воцарились ложь и обман. Порок получил общественное признание».

Со временем виконт и в самом деле стал замечать, что женщины нынче одеваются так, чтобы выглядеть максимально раздетыми. Довольно недвусмысленную по своей формулировке фразу: «*j'aimerais que la nuit nous trouve sous les mêmes drap* — я бы хотел, чтобы ночь застала нас под одним одеялом» — практически любая представительница высшего света расценит как самый изысканный комплимент.

Любовь стала всего лишь галантной игрой. И, как любую игру, ее можно начать и закончить в любой момент. К тому же вести ее нужно легко и грациозно, и не дай бог, бурно и разрушительно. Глубокие чувства, сильная страсть, жгучая ревность вызывают в свете лишь вздохи неодобрения.

Самым ценным в событии и желанным предметом обсуждения становится пикантность. Всеобщий восторг вызывают застигнутая врасплох целующая парочка, неверная жена, выходящая, крадучись, из комнаты гостя, жених, запустивший руки под юбку камеристки невесты. Никто не смотрит вглубь, всех интересует исключительно непристойность. Замужняя синьора, у которой нет чичисбея, всеми порицается. Ее супруг в этой роли вызывает насмешки.

Подлинная любовь, по мнению Витторе, вынуждает всецело и навсегда посвятить себя объекту привязанности. А то, что происходит в спальнях теперь, больше похоже на альковный договор, по которому тела отдаются взаймы во временное пользование, дарящее всего лишь несколько мгновений наслаждения. Верность объявлена замшелым пережитком прошлого. Девизом времени стало желание *du nouveau toujours du nouveau* — нового, всегда нового! А когда люди вечно жаждут новизны, всё становится бессмысленным и незначительным.

Чуть позже Витторе начал удивляться тому, что его уже не так сильно коробит, когда знакомый адресует другому язвительное замечание: «Если супруга тебе еще не изменила — это вовсе не твоя заслуга. Поверь, она вовсе не хотела остаться верной тебе. Просто не было подходящего случая для измены».

²³³ Луиза д'Эпинэ (1726–1783) — французская писательница и хозяйка литературного салона эпохи Просвещения, известная своими отношениями с Жан-Жаком Руссо и дружбой с Дени Дидро.

Истинная, глубокая супружеская любовь без адюльтера в самом деле оказалась разменянной на медяки галантного флирта. Любовь в принципе потеряла свою значимость и интимность. Она стала зрелищем на потребу публики. Чувства выставляются теперь напоказ и демонстрируются публично. Личная жизнь стала публичным актом.

Женщины открыто говорят о своих изменах, соревнуются в количестве фаворитов. Та несчастная, о которой после смерти узнают, что у нее был ТАЙНЫЙ любовник, сто раз перевернется в гробу от всеобщего осуждения. Мужчины геройствуют только тогда, когда точно знают, что на них смотрят. Люди произносят «умности» дабы выглядеть значимыми, сыплют остротами в желании стать всеобщими любимцами. Стремление к позированию и театрально-сти, всякого рода экивоки, уловки и увертки — вот новый *caprice de l'époque*²³⁴.

Витторе помнил, как одна из приятельниц старшего брата, герцогиня ди Новоли, очень умная, кстати, женщина досадовала на происходящее вокруг: «У нас, в Неаполе, всё НИЧТО и всё вертится вокруг НИЧЕГО. Все занимаются НИЧЕМ и волнуются НИ О ЧЕМ. Женятся и выходят замуж НИ ЗА ЧТО НИ ПРО ЧТО. Дилетанты ума считают душу пустым местом. Что остается в таком случае нам, бедным женщинам? Те, кому не достает мудрости и душевного богатства, подстраиваясь под запросы времени, начинают развлекать окружающих этой ПУСТОТОЙ, не любя при этом НИКОГО и не дорожа абсолютно НИКЕМ!»

Близкий друг Витторе, Массимо Фабрицио Джиротти, виконт Сальгари, придерживался сходного с герцогиней мнения: «В наше время видеть в женщине личность, уважать ее — значит оскорблять ее красоту. Напротив, неуважение делается средством преклонения перед нею. Остроумные и язвительные высказывания мужчины — его лучшая рекомендация в глазах женщины. Если она может мгновенно понять непристойный смысл колкостей и знает, как быстро и изящно среагировать на них, ее будут считать умной и восхитительной».

Наверное, именно поэтому, случайно встретив на мессе в главной церкви Позитано девушку, в синих глазах которой светились мысль, благородство и нравственная чистота, Витторе Жиральдо не только выделил ее среди прочих прихожанок, но и впервые ощутил желание иных — более глубоких, серьезных и продолжительных отношений.

Арабелла Беатриче (тогда она звалась Анджелиной Беатой) стала той, с кем он захотел идти по жизни рядом. Она была не просто хороша собой — ее облик пленял гармонией, абсолютно лишенной показной манерности. Но куда важнее было то, что красивая внешность являлась отражением не менее красивого внутреннего мира.

Девушка была чрезвычайно умна и начитана. Ее речь отличалась живым интересом к собеседнику, умением слушать и понимать. В ее словах всегда чувствовалась искренность. Она обладала редкой доброжелательностью, но при этом имела твердые моральные принципы.

В Арабелле удивительным образом соединялись деликатность и внутренняя сила, мягкость и стойкость, благородство и жизнелюбие. Она ценила книги и музыку, в ее суждениях звучало уважение к культуре и искусству, но вместе с тем она умела радоваться простым вещам — свежему ветру с моря, красивому закату, виду цветущего куста камелий и конной прогулке.

Ее присутствие всегда приносило ощущение покоя и света, а улыбка могла рассеять тучи даже в самый мрачный день. Витторе видел в ней не только женщину, к которой тянется сердце, но и душевного спутника, с которым хотелось связать свою жизнь навеки.

К сожалению, их помолвка так и не переросла в то, о чем мечталось. По велению Судьбы Витторе пришлось оказаться в собственной истории любви «третьим лишним». Арабелла стала любимой супругой его старшего брата, и отныне он мог видеть ее лишь в роли невестки, не позволяющей себе излишней близости ни в словах, ни во взглядах.

Эта влюбленность еще долго не покидала сердце Витторе. Она жила в нем тихой, ноющей болью, подобно старой ране, которая никак не может зажить до конца. Каждый раз, встречая

²³⁴ *Caprice de l'époque* (франц.) — каприз эпохи.

Арабеллу на семейных приемах или случайно видя на светских раутах, он ощущал то же волнение, что и в день их первой встречи.

Витторе страдал от осознания того, что та, кому отдал сердце без остатка, так и не стала его женой. Любовь не выливалась в слова и признания, она сделалась молчаливой частью его сущности. Ему казалось, что, даже если сердце когда-нибудь откроется новым чувствам, в глубине души непременно останется след любви к Арабелле как напоминание о первой женщине, которую искренне хотелось назвать своей.

Но новых влюбленностей в жизни Витторе Жиральдо больше не случалось. Вращение в высшем свете очень быстро доказало виконту, насколько герцогиня ди Новоли и виконт Сальгари были правы.

Как ни странно, в их женский век женщина и в самом деле перестала восприниматься как личность. Она стала не больше, чем *mixtum compositum*²³⁵, смесью отдельных, приятных глазу деталей, которые составляли меню блюд эротического пиршества. В ней ценились изящная щиколотка, крохотная ножка, узкая талия, стройный стан, хрупкое запястье, нежная кожа и чувственные, по-детски припухлые губки. Красоту ума и душу затмили *décolleté* и *retroussé*²³⁶. Первейшими женскими ценностями стали трепетная грудь и тугое жаркое лоно.

Виконту стало бросаться в глаза, что мужчины-аристократы предпочитают девушек с формами девочки-подростка — хрупких, плоских, с тоненькими и узкими плечиками, не успевшими окрепнуть, и грудью, едва намеченной под легкой тканью лифа. Моду на это болезненное смешение детской внешности и взрослого предназначения ввел французский король Людовик XV. Многие его фаворитки выглядели скорее воспитанницами монастырской школы, чем зрелыми метрессами.

В Версале эта тенденция утвердилась как эталон: белоснежная кожа без малейшего следа загара, почти прозрачные руки, тонкая талия, лицо с мягкими детскими чертами и открытый взгляд больших, выразительных глаз, в которых доступность соседствует с тщательно разыгранной невинностью. Придворные живописцы и модные портретисты подхватили этот образ, закрепив его на полотнах и гравюрах, а затем он разошелся по всей Европе — от Парижа до Неаполя.

В результате женщины стали подгонять себя под этот искусственный стандарт: стягивать талию до изнеможения, скрывать зрелые формы под тугими корсетами, осветлять кожу до болезненной бледности.

Култ детскости, этот Цайтгайст²³⁷ современности, черной гнилью поражал умы мужчин, внушая им, что истинная женская красота заключается не в зрелости и умудренности, а в хрупкой, почти инфантильной оболочке, за которой часто прячется пустота.

Фьорелла Паломма Сильвестри в этот модный образчик вписывалась лишь внешним видом. Она действительно была по-детски мила, тиха и скромна, но Витторе никогда не назвал бы ее инфантильной, доступной и пустой. В ней ощущалось что-то неизъяснимо цельное и неуловимо особенное, выделяющее из череды всех знакомых ему девушек. То ли это были глаза, большие, задумчивые, светящиеся внутренним, теплым светом, живой мыслью и доброжелательностью, то ли голос — глубокий, чистый, озвучивающий всякий раз умные и взвешенные мысли. От нее исходил особый интеллектуально-нравственный свет, который иначе как окрыленностью назвать трудно. Возможно, этот эффект рождался из поэтического дара, жившего в ней и просившегося наружу.

²³⁵ *Mixtum compositum* (лат.) — сложная смесь (в специальном смысле — фармацевтический термин, означающий «смешанную композицию»).

²³⁶ *Décolleté* и *retroussé* (франц.) — декольте и подобранный подол.

²³⁷ Цайтгайст (нем. *Zeitgeist*, всегда пишется с заглавной буквы) — дух эпохи, невидимая сила или демон, доминирующий над характеристиками конкретного времени.

Среди неаполитанских аристократок редко можно увидеть некрасивую девушку; возможно, не очень часто можно увидеть поразительно красивую. Но между этими двумя крайностями лежит нечто более привлекательное, чем правильность черт, — очарование, манкость, грациозное сияние манер и внутренняя одухотворенность, которая мало кому из них свойственна. Фьорелла была именно такая.

Постепенно общение Витторе с девушкой становилось всё более тесным, и виконт начал чаще вспоминать слова Николя де Шамфора: «*Il est des femmes où tout est à louer, rien à corriger.*» — Есть женщины, в которых всё достойно похвалы, и нет ничего, что следовало бы исправить». Казалось, эта фраза была сказана именно о ней, о Фьорелле Паломме Сильвестри.

Нежная красота девушки всё глубже и глубже проникала в сердце Витторе. Его тело стало послушно откликаться на ее присутствие: легкий перестук каблучков вызывал учащенное сердцебиение, улыбка — волнительную щекодку в груди, а закушенная от смущения губа — горячий и стремительный прилив крови. Виконт понял это не сразу, но в какой-то момент признал: он давно смотрит на Фьореллу не глазами, а сердцем.

Нежные чувства к девушке постепенно стали частью его сущности. Мысли о ней звучали в голове постоянным рефреном. Ее образ всплывал всякий раз, когда хотелось подумать о чем-то приятном. Постепенно синьорина Сильвестри стала ассоциироваться для него с образом счастливого будущего — той мечтой, к которой стремится каждый человек.

Но Фьорелла была помолвлена. Это знание вызывало в виконте безрадостные мысли: судьба вновь готовила ему роль третьего лишнего в чужой истории любви. Воспоминания о прошлых ранах еще не успели до конца затянуться. Витторе остро чувствовал, что вторжение в отношения синьорины Сильвестри с ее женихом может обернуться не только болезненным поражением для него самого, но и разрывом брачных договоренностей между Фьореллой и юным Эспозито, а это, несомненно, оставит шрамы на чувствительном сердце девушки.

С его точки зрения, вмешаться — значило поступить непорядочно, а Витторе Жиральдо привык добровольно ограничивать свободу действий, если они вступали в противоречие со свободой других. Ему казалось недопустимым менять по своей воле курс жизни другого человека.

И всё же, несмотря на внутреннее сопротивление, в момент обсуждения брачного договора Фьореллы виконт Моразини неожиданно для себя решил открыть ей то, что давно носил в душе. Решил признаться в чувствах, которые она пробудила в его сердце, потому что не мог их больше скрывать.

В этот день Фьорелла Паломма выглядела особенно светлой. Ее непорочность не имела ни тени нарочитости или показного целомудрия — напротив, она исходила от нее так естественно, что невозможно было представить девушку без этого качества. Легкое фишю²³⁸, сотканное словно из воздуха и прикрывавшее белоснежным кружевом линию декольте, казалось видимым символом ее девственной чистоты, безмолвным, но красноречивым.

Витторе невольно ловил себя на том, что взгляд снова и снова возвращается к ней, что его манит гармония внешней красоты и внутреннего света. Он видел, как ее глаза мягко светятся, как в улыбке рождается искреннее тепло, и в какой-то момент понял: не сможет сегодня удержать свои чувства при себе. Ему казалось, что если промолчит, то упустит единственный шанс сказать правду, которая стала частью его самого.

И потому, когда разговор коснулся брачного договора, который может навсегда забрать ее у него, забыв о прежних опасениях, решил поведать Фьоре о том, как глубоко она вошла

²³⁸ Фишю (от франц. *fichu*) — тонкая косынка или сложенный по диагонали квадратный платок из легкой ткани (муслина, батиста) или кружев, прикрывавший шею и декольте. Появился в одежде французских женщин нижних и средних слоев общества в XVII веке. Фишю прикрывал популярный в то время глубокий вырез на дамском платье, согревая и обеспечивая пристойность облика.

в его жизнь. Что давно перестала быть для него простой доверительницей. Что теперь он воспринимает ее как женщину, без которой уже не может представить свое будущее.

Однако сделать это не довелось. В гостиную вошла чета новобрачных, и хрупкая гармония момента разлетелась вдребезги, словно тонкое стекло. Крайне угрюмый, недовольный взгляд князя ди Сатриано и ди Арианиелло заставил Витторе поспешно убрать руку, накрывавшую ладонь Фьореллы. Витторе отчего-то показалось, что это его прикосновение к девичьей ладошке само по себе стало вызовом для синьора Филанджери.

Дальнейшее произошло столь неожиданно, что на миг показалось — всё это дурная сцена из плохо сыгранной пьесы. Тетка Фьоры еще не успела представить супругу племянницу, как князь уже направился к столу, где лежали листы брачного договора. Не тратя времени на формальности, он взял верхний лист и, бросив холодный, испытующий взгляд, спросил:

— Что это?

Витторе спокойно пояснил, что перед ним текст брачного договора, уже подписанный женихом синьорины Сильвестри, и что сегодня должна быть поставлена недостающая подпись опекуны невесты — теперь уже супруги князя.

И вдруг, словно гром среди ясного неба, прозвучало жесткое и безапелляционное:

— Моя жена не будет ничего подписывать без моего ведома. Оставьте договор. Я ознакомлюсь и потом решу, стоит ли его вообще подписывать.

В комнате повисло общее и довольно тяжелое недоуменное молчание. Витторе прекрасно знал: Лукреция Пьерина без малейших колебаний поставила бы сейчас подпись под документом. Более того, если бы нашлась возможность выдать племянницу замуж уже завтра, она непременно ухватила бы за нее обеими руками. Виконт почти читал эту готовность на ее лице. И вот теперь такой резкий, неприятный камуфлет²³⁹ перечеркнул желанный ею ход событий.

Но на этом неожиданности не закончились. Дальнейшее приняло еще более любопытный и тревожный оборот. Князь, не утруждая себя вежливыми формулировками, приказным тоном потребовал от Витторе предъявить ему завещание синьора Сильвестри, в котором было закреплено положение, что племянница в случае его смерти должна перейти под опеку вдовы.

Когда виконт уведомил его светлость, что не может удовлетворить эту «просьбу» — а словом «просьба» он явно польстил князю, ибо услышанное больше походило на ультиматум, — так как не имеет документа при себе, синьор Филанджери перешел на тон, не терпящий возражений. Он потребовал доставить завещание в кратчайшие сроки. После этого приказал собрать для Фьореллы всё самое необходимое, объявив, что отныне она будет жить на его вилле.

Эта новость застала девушку врасплох. Синьорина Сильвестри встретила распоряжение супруга синьоры Лукреции с явной тревогой: ее взгляд стал совершенно растерянным, а в чертах лица проступило ошеломление, будто внезапно оказалась на зыбкой, предательской почве болотной топи. Она явно не понимала, что происходит и почему жизнь без ее воли и согласия должна так резко поменять направление.

В глазах девушки промелькнуло то особое, почти детское выражение незащищенности, когда человек тщетно пытается спрятать страх за маской внешнего спокойствия, но выдает себя легким дрожанием губ, расфокусированным взглядом и напряженными, чуть замедленными движениями.

Витторе отмечал каждую такую деталь: вот Фьорелла машинально оперлась ладонями о столешницу, словно искала в этом жесте твердую опору; вот судорожно обхватила себя руками,

²³⁹ Камуфлёт (франц. *camouflet*) — подземная вспышка пороха. В переносном смысле — неожиданная неприятность, подвох, неудача.

пытаясь создать вокруг себя защитный кокон; вот закусила губу, опасаясь, что голос дрогнет, если придется вымолвить хоть слово.

Ее встревоженность и волнение отозвались в сердце Витторе искренним, почти физическим сочувствием. Ему до безумия захотелось обнять девушку — крепко, как обнимают того, кого хотят уберечь от беды. Обнять и успокоить. Но он не сделал этого. Это было бы слишком личным и крайне неуместным. В саму ситуацию виконт не вмешался тоже. Он ясно понимал: князь действует в рамках семейного права. Любое возражение с его стороны выйдет за пределы адвокатских полномочий. Более того, Витторе показалось, что рискни он сейчас поддаться душевному порыву, то не только не поможет делу, но и серьезно навредит синьорине Сильвестри — поставит ее в еще более сложное положение. Это лишь усилит давление со стороны князя.

Сдержав порыв, Витторе ощутил, как внутри крепнет непреклонная решимость. В груди зрела твердая уверенность: момент придет. Он скажет Фьорелле то, что так долго хранил в сердце, — откроет свои чувства. А уж после этого пусть она сама решит, кому довериться и на кого опереться: на него или на своего жениха.

Но, кого бы Фьорелла из крепкого основания этого нового треугольника не выбрала, ее избранник непременно возьмет девушку под свое крыло и станет щитом от давления князя. А то, что это давление точно будет, Витторе сегодня понял так же ясно, как и любой опытный адвокат, умеющий отличить свидетеля правды от свидетеля лжи.

* * *

Витторе вновь достал «ящик безопасности», где хранились самые важные документы, связанные с делами семейства Сильвестри. Он аккуратно положил его на письменный стол, отпер замок и вынул папку с бумагами, касающимися наследства Фьореллы.

«Нужно будет еще раз самым внимательным образом изучить каждую строчку, каждую подпись, каждую печать, — подумал он. — Я не имею права оставить князю ни единой лазейки к наследству Фьоры. Это ее деньги. И я, как ее адвокат, обязан сделать всё возможное и невозможное, чтобы интересы своей доверительницы защитить».

Он представил себе холодный, властный взгляд князя ди Сатриано и ди Арианиелло и ощутил, как внутри крепнет решимость. «Если я, как прокуратор²⁴⁰ синьорины Сильвестри, позволю этому человеку добраться до ее наследства, то не буду стоять и ломаного кавалло²⁴¹. Моя задача — не просто вести дела Фьоры, но и стать непреодолимым щитом для всех, кто захочет эту преграду перешагнуть. Эти деньги — гарантия безоблачного будущего девушки, их сохранность — дело моей чести».

Витторе открыл папку, намереваясь приступить к изучению документов. Он знал: впереди ждет непростая борьба. И он уже внутренне был готов к партии, где ставкой служила судьба той, кого избрало сердце.

Однако поработать адвокату не удалось. Дверь кабинета отворилась — и на пороге появился виконт Сальгари. Массимо Фабрицио был единственным человеком, кто позволял себе входить вот так — без доклада и без стука.

²⁴⁰ В XVIII веке в Неаполе прокуратор (итал. *procuratore*) — доверенное лицо, уполномоченное действовать от имени другого в судебных, имущественных и коммерческих делах. Как прокуратор Фьореллы, Витторе Жиральдо представлял ее интересы, следил за сохранностью наследства, контролировал заключаемые сделки и обеспечивал юридическую защиту в рамках своих полномочий.

²⁴¹ Кавалло (итал. *cavallo*) — самая мелкая медная монета в Королевстве Неаполя в 1771 году, равнялась одной двенадцатой grano (итал. *grano*). Использовалась для мелких повседневных покупок — за один кавалло можно было, например, купить кусок хлеба или пригоршню оливок.

— Ну вот! Так я и знал. Река течет, а лодка и рыбак всё на том же месте²⁴². Когда бы я к тебе в студио ни заглянул — вижу бедного друга по уши зарытым в бумагах. Осторожнее, Витторе! Так недолго превратиться в бумажного червя... или, чего хуже, в кабинетную моль.

Витторе медленно отложил папку в сторону, поднял глаза и приветливо улыбнулся:

— Здравствуй, Массимо. Рад тебя видеть.

Он поднялся из-за письменного стола, обошел его сбоку и крепко пожал руку приятелю.

— Кстати, участь кабинетной моли не так уж и плоха, — заметил он с легкой усмешкой.

— Эта гадость живет в тепле, среди умных книг и дорогой бумаги.

Сальгари хмыкнул, качнув головой:

— Ну да, среди страниц порхает, но ничего не понимает, потому что их не читает, а с аппетитом поедает.

Он сделал пару шагов к столу, подцепил пальцами один из лежащих документов, прищурился, будто пытаясь прочесть заголовок, и снова откинул его на столешницу.

— Ты, я вижу, тоже питаешься бумажками вместо нормального обеда. Ставлю на кон свою треуголку: ты опять забыл сегодня пообедать.

— У меня неотложная работа, Масси, — ответил Витторе, слегка пожав плечами.

Сальгари театрально закатил глаза и развел руками:

— Работа, работа... А желудок, между прочим, тоже требует адвокатской защиты! Так что сегодня я выступлю в роли прокуратора голодного доверителя.

— Моего желудка? — решил уточнить Витторе, слегка приподняв бровь.

— Его самого, — подтвердил Сальгари с широкой улыбкой. — Я заезжал по делам к брату, рассчитывал у него перекусить. Ты же знаешь, на дармовщинку и живот запоет, как соловей²⁴³. Но, видимо, сегодня не мой день. Серджио по обыкновению торопился на очередное свидание, и мой желудок с расстройства и печали запел страдальческую песню о еде.

Он слегка постучал себя по животу, изображая драматическую тоску одного, и продолжил:

— И тут я вспомнил о тебе. Подумал: «Если уж тратить на еду деньги, то непременно в хорошей компании». Заглянул в остерию «Паперо д'оро»²⁴⁴ на углу — там сегодня свежие кальмары, и синьор Луиджи клянется, что его соус лучше, чем у Господа на небесах. Так что давай, закрывай кабинет и айда обедать.

Витторе усмехнулся и с притворным вздохом произнес:

— Что-что, а убеждать ты умеешь.

— Еще бы! — ответил Сальгари с гордостью. — Я, между прочим, в какой-то мере тоже адвокат...

— Ты всего-навсего прослушал курс уголовного права в университете, — возразил Витторе.

— Ну а я о чем? — подхватил Сальгари, хитро блеснув глазами. — Давай бросай всё и пойдем расследовать убийство бедного кальмара с последующим расчленением.

Витторе тихо рассмеялся, покачал головой:

— Ну ты и загнул... Ладно, твоя взяла. Но предупреждаю: после обеда я вернусь в свою бумажную крепость.

— Вернешься-вернешься, — согласился Сальгари, хлопнув приятеля по предплечью, — но хотя бы с живым блеском в глазах и сытым видом, а не как голодная моль в архиве. Бокальчик-другой прохладного белого — и твои тяжбы, не дожидаясь суда, сами с собой подпишут мировое соглашение.

²⁴² *O fiume cammina, ma 'a varca e 'o piscatore stann' sempe lloco* — неаполитанская поговорка. Ироничный комментарий к ситуации, когда время идет, обстоятельства меняются, но сами участники и их позиции остаются прежними.

²⁴³ Здесь использована неаполитанская поговорка: *Pe' 'a gratis, pure 'a panza canta comm' 'nu rusignolo*.

²⁴⁴ Папéро д'óро (неап. *O papero d'oro*) — Золотой гусь.

Витторе в ответ хлопнул приятеля по плечу.

— Ладно, иди, я тебя догоню. Нужно убрать важные бумаги. Не люблю оставлять документы на столе.

Массимо Фабрицио ушел, а Витторе, задумавшись на миг, решил поступить иначе. Он аккуратно сложил бумаги в «секретный ящик», защелкнул замок и позвонил в колокольчик, покоившийся на столе.

Через минуту дверь кабинета мягко отворилась, и на пороге появился помощник.

— Вы меня звали, ваше сиятельство? — почтительно спросил Карло Боннуччи.

— Звал, Карло, — кивнул Витторе. — Хочу попросить вас отвезти эти документы, — он указал рукой на ящик, — в палаццо Моразини. Передайте их моему мажордому. Я сейчас ухожу и сегодня уже не вернусь. Работать буду дома.

— Хорошо, ваше сиятельство. Все сделаю, не беспокойтесь.

— Не буду, синьор Карло, — ответил Витторе с лукавой улыбкой.

Брови старика, густые и мохнатые, словно две гусеницы, удивленно поползли на лоб.

— Вы сказали «синьор», я не ослышался?

— В ответ на ваше «сиятельство», — пояснил Витторе с хитрым прищуром. — Мы же договаривались, Карло: вы просили называть вас по имени, а я допустил по отношению к себе уважительное «синьор». Я наш уговор соблюдаю. Вы — нет.

Старик смутился, потерев крючковатыми пальцами подбородок, ответил:

— Хорошо, ваше... — он оборвал себя и поправился: — Хорошо, синьор Витторе. Постараюсь впредь и я соблюдать уговор.

Он сделал шаг к столу, порываясь взять ящик с документами, затем добавил:

— Кстати, копия завещания синьора Сильвестри уже готова. Вам ее принести или отправить вместе с этими документами к вам домой?

— Нет, Карло, — покачал головой Витторе. — Отправьте копию завещания с надежным посыльным на виллу князя ди Сатриано и ди Арианиелло, в Позилипо. Это он просил предоставить экземпляр документа.

— Князь хочет взять на себя обязанности супруги по опеке над племянницей? — уточнил Боннуччи, в очередной раз поразив Витторе своей прозорливостью.

— Да, Карло, — коротко ответил виконт, не вдаваясь в подробности.

— Да уж... Эта проблема из тех, что не стучит, а вышибает двери, — покачал головой старик, тяжело вздохнув.

— То-то и оно! — подхватил Витторе. — Именно поэтому хочу еще раз просмотреть все документы, касающиеся этого дела. Я не оставлю князю ни единой лазейки. Мне нужно просчитать все возможные последствия переложения опекуна на его плечи.

Карло Боннуччи чуть прищурился, кладя ладонь на крышку «секретного ящика».

— Ваше умение просчитывать шаги противной стороны наперед всегда импонировало мне, синьор Витторе. И я нисколько не сомневаюсь в вашем профессионализме. Но, если позволите, я готов помочь.

— Помочь? — Витторе слегка поднял бровь.

— Да, — кивнул Боннуччи, — вы и сами знаете, что я умею неплохо выискивать ловушки, прячущиеся в формулировках. Может, смогу заметить то, что ускользнет даже от вашего въедливого взгляда? Согласитесь, четыре глаза зорче и острее, чем два.

Витторе на мгновение задумался, затем позволил себе легкую улыбку:

— Ладно, Карло. Будем работать вместе. Сначала все документы просмотрю я, ну а потом на них взглянете вы. Это дело слишком важно для меня. Не хочу оставить князю ни шанса.

— Не переживайте, — старик постарался успокоить патрона. Боннуччи уже давно понял, что в деле синьорины Сильвестри по уши увязла не только голова виконта, но и сердце. — Вместе мы с вами сила, с которой трудно справиться.

Витторе добродушно усмехнулся и ответил:

— Согласен. Когда на море шторм, управлением судна занимаются и капитан, и его первый помощник²⁴⁵.

²⁴⁵ Здесь использована неаполитанская поговорка: *Quanno 'o mare s' 'nfuria, 'o timone 'o teneno 'o capitano e 'o primmo aiuto.*

Глава 5

— Синьорина Фьорелла, вы и дальше намерены ковырять фриттату²⁴⁶, не отправив в рот ни крошки? — Алессандро попытался сдержать недовольство, которое раздражающей волной поднималось из глубин груди.

Девушка не подняла глаз. Завораживающие, глубокие, как озера в тени гор, они были опущены на тарелку. Молча подцепила вилкой кусочек яичницы... медленно отправила его в рот... и вновь стала выковыривать кусочки сальсиччи²⁴⁷, словно занималась не завтраком, а неким упрямым ритуалом, единственной целью которого было действовать ему на нервы.

Это тихое, негласное сопротивление, замаскированное под показным смирением, бесило Алессандро до дрожи. Он сам себе не мог объяснить, почему ему важно, чтобы эта юная синьорина вела себя иначе. Чтобы не прятала от него своих больших говорящих глаз. Глаз робкого олененка, бдительно замершего посреди деревьев в глубине леса. Чтобы, когда украдкой поднимала их, бросая быстрый, осторожный взгляд в его сторону, в них не было этой холодной настороженности и отчужденности.

Он хотел, чтобы она сидела так же прямо, с тем же сиянием на лице, как вчера, когда впервые увидел ее — светящуюся внутренним светом, увлеченно беседующую с тем самым охотником на чернила²⁴⁸, что совсем недавно истрепал ему все нервы.

За молчаливой покорностью синьорины Сильвестри Алессандро ощущал противодействие — скрытое, но упорное, словно девушка бросала ему вызов без единого слова. И отчего-то это противление хотелось непременно сломить.

— Вам не нравится, как готовит мой повар? Вы привыкли есть на завтрак что-то иное? — продолжил он донимать девушку вопросами.

Вместо ответа синьорина опять, не поднимая глаз, молча отправила в рот вторую вилку с яичницей.

— Я могу попросить повара приготовить для вас что-то специальное, если скажете, что именно хотите.

Признаться, Алессандро сам удивился своему предложению. Никогда и ни в чем он не прогибался. Но сейчас по непонятной для себя причине был готов пойти навстречу пожеланиям тихой строптивицы. Однако она не захотела воспользоваться предложением.

— Благодарю, ваша светлость... — девушка впервые за всё время знакомства князя с ней обратилась к Алессандро напрямую. И, как ни странно, что-то внутри него весьма обрадовалось этому и обнадеженно встрепенулось. Но после благодарности последовало абсолютно безэмоциональное: — У меня нет аппетита.

Алессандро недовольно прищурился:

— Надо полагать, причиной его отсутствия послужило наше, не слишком приятное вам, общество?

Девушка медленно отложила вилку, взяла льняную салфетку, аккуратно коснулась ею уголков губ и лишь после этого тихо произнесла:

— Аппетит, ваша светлость, иной раз ведет себя, как высокородный аристократ: уходит, не объяснив причин, возвращается, когда ему заблагорассудится, а порой и вовсе... — она

²⁴⁶ Фриттата (итал. *frittata*) — итальянская яичница, которую готовят с начинками из сыра, овощей, лука-порей, колбасы или мяса. Ее сначала жарят на плите, а затем доводят до готовности в духовке.

²⁴⁷ Сальсичча (итал. *salsiccia napoletana*) — традиционная свиная колбаса, известная в Неаполе как минимум с XVII века и широко употреблявшаяся в XVIII веке. Готовилась из рубленого или мелко нарезанного свиного мяса с добавлением соли, черного перца, иногда семян фенхеля и красного вина.

²⁴⁸ *Cazador de tinta* (исп.) — буквально: охотник на чернила — уничижительное прозвище в адрес юриста.

вновь подняла глаза и на мгновение задержала взгляд на Алессандро, — навязывает нам свою волю, подчиняя сиюминутному капризу, не считаясь ни с нами, ни с обстоятельствами.

Синьорина Сильвестри смотрела на него в упор ровно столько, сколько требовалось, чтобы он уловил скрытый намек, — и лишь затем отвела взгляд, положила салфетку на край тарелки и, чуть приподнявшись, сделала попытку покинуть стол.

Один лишь короткий, властный взгляд князя на стоявшего за ее спиной лакея — и тот, словно по команде, шагнул вперед, ловко отодвигая стул и позволяя сидевшей синьорине подняться.

Девушка присела в легком, безупречно отточенном реверансе, едва коснувшись носком паркета.

— Ваша светлость, позвольте выразить признательность за оказанную честь разделить с вами утреннюю трапезу, — сказала она, не глядя на того, к кому обращалась. Формальная благодарность с оттенком холодной учтивости прозвучала в строгом соответствии с великосветскими требованиями.

Алессандро поднялся, как того требовал этикет, и, провожая девушку взглядом, отметил про себя: «Малышка обладает недурными манерами. Никакой фальши — ни в жестах, ни в интонации. Движения мягкие, без нарочитой демонстрации; взгляд — хоть и опущен, но исполнен внутреннего достоинства. Родословная купеческая, а повадки — как у той, кто привык сидеть за столом рядом с герцогами».

Филанджери кивнул, позволяя синьорине Сильвестри покинуть столовую. Провожая ее взглядом, он почувствовал странное, почти раздражающее любопытство, смешанное с искренним интересом: «Она не просто тихая строптивница... В ней есть что-то, что возвышает над той средой, из которой она вышла. И я хочу знать, откуда это взялось».

Возвращаясь к трапезе, Алессандро заметил на себе заинтересованные взгляды. Две оставшиеся за столом женщины — мачеха и новоиспеченная супруга — уже отложили столовые приборы. Во время завтрака они молчали. В момент словесного поединка между ним и синьориной Сильвестри вмешаться не рискнули, но следили за происходящим с тем тихим напряжением, которое выдают частые, быстрые и изучающие взгляды.

Теперь, когда юная синьорина покинула столовую, Алессандро с неожиданной остротой ощутил, как тяготит его присутствие обеих женщин. Ему хотелось, чтобы они поскорее насытились и удалились, освобождая его от следящих пристальных взглядов. Но несравненно лучше было бы, если бы они сделали это раньше, предоставив ему возможность остаться с малышкой наедине. Тогда он ни за что не дал бы ей ускользнуть, не позволил бы так легко уйти, спрятав от него и глаза, и слова, которые, он был уверен, хотела, но так и не рискнула произнести.

Алессандро ощущал это и сейчас, но еще острее — вчера, когда они втроем — он, жена и ее племянница — сидели в тесном пространстве кареты. Князь почти физически чувствовал поток невысказанного недоумения и скрытого возмущения, исходивший от синьорины Сильвестри.

Внешне она была безупречно спокойна. Сидела прямо, вела себя сдержанно, словно не замечая его. Казалось, она целиком погрузилась в созерцание пейзажа за окном. Но он — опытный в чтении человеческих реакций — был уверен: за этой показной невозмутимостью скрывается сильное недовольство тем, что пришлось подчиниться чужой воле.

И странное, почти необъяснимое чувство зашевелилось в нем: раздражение в ответ на ее раздражение. Он — бывший командующий эскадрой Испанской королевской армады — привык, что его распоряжения воспринимаются как нечто само собой разумеющееся, чему никто не осмеливается противиться — ни внешне, ни внутренне. Но в ту минуту Алессандро ясно ощущал неявную, но упорную волну внутреннего противостояния, и это бесило неимоверно.

Почему-то ему до боли захотелось сломить это сопротивление, заставить синьорину Сильвестри подчиниться. Хотелось, чтобы она подняла на него свой манкий взгляд, чтобы не

прятала глаза, а смотрела прямо и открыто, без желания избежать непосредственного зрительного контакта. И это желание родилось не теперь — оно зародилось еще в тот момент, когда впервые увидел ее в гостиной палатчины Сильвестри. И с той минуты это почему-то стало важным для него. Важным настолько, что в свою первую брачную ночь, врезаясь телом в готовое к ласкам жаркое лоно Лукреции Пьерины, он ловил себя на мысли о холодном сиянии магнетических глаз ее племянницы.

Филанджери не любил, когда кто-то — тем более женщина — вызывает в нем подобную смесь раздражения и притяжения. В прошлом он умел мгновенно гасить подобные искры — холодностью голоса, сталью взгляда, безжалостной отстраненностью. Но с этой девчонкой всё было иначе.

Вот и теперь, за завтраком, Алессандро остро ощутил: присутствие синьорины Сильвестри нарушает привычный порядок его жизни — тот железный внутренний устав, по которому жил долгие годы. Ее упрямое молчание и умение прятать мысли за непроницаемым лицом действовали на него посильнее дерзких реплик. Она была слишком хороша собой, чтобы он мог так просто от ее присутствия отмахнуться. Его глаза сами собой, как намагниченные, следили за каждым взглядом, каждым жестом этой малышки.

Он знал: такие *petites pucelles*²⁴⁹, как она, очень опасны. Их сила не в словах и не в действиях, а в самой их сущности — в той невидимой магии, что источает юная красота, соединенная с наивностью и врожденным чувством собственного достоинства. Такие девушки не штурмуют бастионы в лоб — они медленно, почти незаметно подтачивают их изнутри, пока однажды стены не рушатся, а с ними и внутренняя броня того, кто обычно властвует и диктует свою волю.

Для крепкого и сильного мужчины, привыкшего к штормам и сражениям, к пороку и крови, такие *belles fragiles*²⁵⁰ — настоящий вызов. Внешне они кажутся мягкими, утонченными и ранимыми, но при этом обладают скрытой внутренней силой, создающей контраст между их внешностью и характером. Они не сопротивляются явно, но в их взглядах, жестах и молчании есть нечто такое, что будоражит, рождает желание укротить и подчинить, однако чаще всего оно так и остается недостижимым. Это недоступное манит сильнее, чем любые галантные заигрывания, потому что заставляет мужчину чувствовать себя охотником на территории, где он не привык отступать.

Притягательность этих *fruits défendus*²⁵¹ — в чистоте, которая не принадлежит никому. В той невинности, которая словно светится изнутри, но при этом всегда остается за гранью досягаемости. Для сильного мужчины такие девушки — как незапятнанный снег, по которому хочется пройти первым. Как одинокий распустившийся на весенней полянке первоцвет, который непременно хочется сорвать, чтобы доказать себе: ты единственный, кто в праве обладать этим совершенством.

Но еще сильнее всех *machos*²⁵² тянет к тем, кто не просто невинны, но еще и горды. Кто не склоняет голову, не сдается, кто в своей юности и неопытности несет такую внутреннюю силу, которая заставляет brutального мужчину чувствовать себя не завоевателем, а завоеванным и покоренным.

И Филанджери еще вчера понял: эта *pâle vestale*²⁵³ с кротким взглядом способна стать не просто капризом или мимолетным желанием. Она может обернуться бурей, которая перевер-

²⁴⁹ *Petites pucelles* (франц.) — маленькие девственницы.

²⁵⁰ *Belles fragiles* (франц.) — хрупкие красавицы, нежные прекрасные.

²⁵¹ *Fruits défendus* (франц.) — запретные плоды.

²⁵² *Machos* (исп.) — множественное число от испанского слова *macho*, означающего «самец».

²⁵³ *Pâle vestale* (франц.) — бледная весталка. Выражение, использовавшееся в XVIII веке для описания девственниц. Оно отсылало к римским жрицам богини семейного очага Весты, символизировавшим чистоту и девственность. В галантной и поэтической речи того времени это выражение подчеркивало хрупкость, невинность и неприкосновенность юных девушек.

нет всю его жизнь. Но, что самое страшное, ему может захотеться безо всякого принуждения подставить под эту бурю свои паруса.

От потока размышлений Алессандро отвлек голос супруги:

— Ваша светлость, я хотела бы после завтрака устроить морскую прогулку. Мне кажется, вы были бы не прочь вновь почувствовать себя под парусами. У жениха Фьореллы Паломмы есть довольно миленькая ланча²⁵⁴. Я могу отправить посыльного к Луке Саверио — думаю, он не откажет в любезности одолжить ее для прогулки по заливу.

Новоявленную княгиню ди Сатриано и ди Арианиелло тут же поддержала княгиня вдовствующая:

— Алессандро, дорогой, это чудесное предложение! — воскликнула Лудовика Бернадетта. С момента подписания брачного контракта мачеха князя пребывала в приподнятом настроении. Мысль о том, что все невзгоды, нависшие над домом, вскоре полностью отступят, вдохновляла ее неимоверно.

— И правда, зачем держать супругу в четырех стенах, когда можно насладиться красотами залива и свежим бризом? Лично я отправилась бы на такую прогулку с превеликим удовольствием! — продолжила воодушевленно восклицать урожденная маркиза Тиччиано. — К тому же ваша супруга сегодня выглядит немного бледной, — мачеха с несколько лукавой, но деликатной улыбкой мельком взглянула на Лукрецию. — Брачная ночь, очевидно, не прошла для нее бесследно. Морская прогулка ей необходима, как глоток свежего воздуха. В конце концов, когда, как не в медовый месяц, устраивать такие романтические вояжи?

Лудовика отвела взгляд от пасынка и вновь взглянула на его супругу. Чуть склонив голову, заговорила с легкой улыбкой:

— Лукреция, *ma chère*²⁵⁵, надеюсь, не будете возражать, если стану называть вас нуорой²⁵⁶?

Лукреция Пьерина, натянуто улыбнувшись мачехе супруга, промурлыкала в ответ:

— Конечно же, нет, синьора. Я была бы рада, если бы мы стали добрыми подругами.

Затем, переведя взгляд на мужа, она мягко обратилась к нему:

— Ну так что, ваша светлость, отправить посыльного к синьору Эспозито?

Не успел Алессандро открыть рот, как вдовствующая княгиня решительно вмешалась:

— Конечно же, отправить! О чем разговор?! Это великолепная идея!

Однако князь, нахмурив брови и пытаясь сдерживаться, с ноткой упрека произнес:

— Синьора Мадре²⁵⁷, вы решили, что вправе распоряжаться моим временем? — его голос прозвучал неожиданно холодно. — Кажется, вы забыли, что у порога нашего дома толпится алчная свора займодавцев, которые не намерены ждать ни минуты. Я распорядился, чтобы нанятая мной команда адвокатов и поверенных прибыла сегодня на виллу к полудню. Малую гостиную уже должны были переоборудовать в уффичо²⁵⁸ для работы восьми человек.

Почувствовав нарастающее напряжение, он чуть смягчил тон, но слова всё равно звучали как горькая ирония:

²⁵⁴ Ланча (итал. *lancia*) — небольшое прогулочное парусное судно, распространенное в Средиземноморье в XVIII веке, включая Неаполь. Оснащенное одной или двумя мачтами, оно использовалось для коротких путешествий, прогулок вдоль побережья и мелких коммерческих перевозок. Ланча отличалась легкостью и маневренностью, что делало ее популярной среди аристократов для морских прогулок и рыболовов для прибрежного лова.

²⁵⁵ *Ma chère* (франц.) — моя дорогая.

²⁵⁶ Нуора (итал. *nuòra*) — невестка, сноха.

²⁵⁷ Синьора Мадре (итал. *Signora Madre*, буквально — Госпожа Мать) — вежливое и уважительное обращение, используемое в высшем свете Неаполя XVIII века. Оно подчеркивало высокий социальный статус и уважение к женщине, которая занимала место матери (то есть к мачехе).

²⁵⁸ Уффичо (итал. *Ufficio*, буквально — контора или канцелярия) — в Италии XVIII века так называли помещение, где велись деловые, административные или торговые дела. В морском и военном контексте — кабинет или служебная комната офицера, где он принимал посетителей, работал с бумагами и решал вопросы службы.

— Медовый месяц, по милости покойного брата, мне придется провести именно там, в окружении счетов, исков и бумаг. А вы, если будет желание, можете составить моей дражайшей половине компанию на морской прогулке.

Алессандро произнес это с таким выражением, что в комнате сразу же повисло глухое молчание. Лукреция, чуть прикусив губу, бросила на него быстрый и цепкий взгляд, словно желая понять, что скрывается за столь резкими словами. А Лудовика, растеряв всю прежнюю уверенность, лишь нервно поправила кружевное фишю.

После недоброй отповеди Алессандро резко отбросил на стол салфетку и, поднявшись, словно очертил взглядом вокруг себя невидимую, но непроницаемую границу. Стул, вторя его раздражению, громко вжикнул ножками по наборному паркету.

— С вашего позволения, синьоры, — сухо произнес он, склонив голову в едва заметном полупоклоне. Его голос звучал ровно, но в нем вибрировала напряженная нота, как в перенатянутой басовой струне, готовой вот-вот лопнуть. Не дожидаясь ответа, Алессандро развернулся и твердым, почти чеканным шагом покинул столовую.

* * *

Лукреция Пьерина побледнела, ее пальцы нервно сжали край салфетки. Она всего лишь хотела устроить безобидную морскую прогулку! Хотела немного снять напряжение, которое поселилось между ней и супругом с брачной ночи. Но попытка, как оказалось, лишь усугубила ситуацию.

Князь взял ее ночью всего лишь раз — механически, без желания, без страсти. Она это всем нутром чувствовала. Ни одного ласкового прикосновения, ни единого нежного слова, ни даже мимолетного поцелуя. Это было мучительно — чувствовать себя не женщиной, а какой-то восковой фигурой, тряпичной куклой, которой отвесили мизерную порцию брачных обязательств. Даже ее прежний супруг, немолодой и далеко не самый здоровый, в брачную ночь проявил куда больше пылкости. А крепкий, сильный мужчина, который подавал такие надежды... Увы, эти самые надежды разбились о ледяную стену его безразличия.

Лукреция пыталась найти оправдание мужу. Возможно, все мысли князя заняты долгами брата, которые обрушились на него лавиной, и теперь он должен в кратчайшие сроки разобрататься с ними. Тут не поспоришь: проблем и забот у его светлости действительно немало, хоть лопатой разгребай. Но с другой стороны... если бы не эти долги, не это тяжкое наследие, разве могла бы она мечтать о таком муже? Красивом, статном, волевом — и, к тому же, князе.

Жизнь Лукреции до сей поры была далеко не беззаботной. В семнадцать лет ее выдали замуж за шестидесятипятилетнего купца, торговавшего восточными пряностями. Этот брак, к счастью, не принес детей, но зато отнял у нее четыре года жизни, после которых супруг скончался, к ее великому облегчению, от мучившей его подагры.

После годовичного траура отец настоял на новом замужестве. На этот раз Лукреция согласилась на брак с гораздо большим энтузиазмом. Второй супруг, Бернардо Гуидо Сильвестри, был тоже немолод, ему было около пятидесяти, но, по крайней мере, был чрезвычайно богат и недурен собой. В этом браке она долго не беременела. Лишь через четыре года смогла выносить и родить мальчиков-близнецов, которые из-за страшной ошибки повитухи не прожили на этом свете и дня.

После гибели синьора Сильвестри Лукреция Пьерина наконец-то получила большие деньги и вожделенную свободу. Теперь она сама могла распоряжаться своей жизнью. Отец-деспот скончался два года назад. Он не мог больше диктовать ей свою волю. Она стала богатой вдовой. Все денежные средства мужа и половина его компании достались ей. Лукреция верила, что всё у нее теперь будет хорошо.

Лишь три обстоятельства омрачали ее радость. Во-первых, Лукреции приходилось жить под одной крышей с племянницей покойника — и не просто терпеть ее присутствие, но и полностью содержать. Не сказать, что Лукреция была злобной и жадной женщиной — к Фьорелле она относилась вполне сносно. Но сама обязанность вновь подчиняться чужой воле, пусть даже предписанной завещанием, раздражала ее несказанно.

За это Лукреция Пьерина, в глубине души, была сердита на покойного супруга, который, по ее мнению, оставил обременительную ношу. К счастью, по окончании годовичного траура Фьорелла должна была выйти замуж за Луку Саверио Эспозито. Значит, содержать племянницу мужа Лукреции предписывалось лишь год, после чего ее обязанностью будет лишь устроить свадьбу девушки — и навсегда избавиться от забот о ней.

Во-вторых, вдове Сильвестри приходилось мириться с тем, что ровно половина компании супруга перешла в руки этой самой девчонки, с которой покойный носился, словно та была его родной дочерью.

А в-третьих, ее собственная доля, унаследованная после смерти мужа, до ее замужества должна находиться под опекой виконта Моразини — безгрешного, высоконравственного идеалиста, не способного пойти на сделку с совестью. Этот «чистюля» не только вмешивался в дела компании, но и возомнил, что вправе контролировать, насколько добросовестно всеми уважаемая синьора Сильвестри исполняет обязанности опекунши.

Для Лукри²⁵⁹ это было почти оскорбительно: чужой человек, пусть и с титулом, наблюдает за каждым ее шагом, словно за ученицей, коей доверили временное управление. А Лукреция хотела сама держать в руках и ключи, и печати, и свободу решений.

Наверное, именно поэтому она поначалу встретила предложение синьора Джакомо Масколини, свадебного посредника, с прохладой. Перспектива вновь испытать судьбу в брачной лотерее не казалась ей заманчивой. Но стоило взглянуть на нового кандидата, как прежние сомнения растаяли, словно утренний туман под солнцем. Ее сердце, еще недавно запутавшееся в сетях неуверенности, затрепетало, как встревоженная птица, вырвавшаяся из тесной клетки.

Эта встреча стала решающим аккордом, способным разом усмирить все колебания. Перед ней стоял мужчина, который казался невероятным воплощением мужской породы — не просто красивым, а обладающим той пленительно-властной привлекательностью, перед которой любая женщина смиренно склоняет колени. Высокий, статный, с горделивой осанкой, он излучал силу и врожденное благородство. Лицо, обветренное морским бризом, было отмечено решительной линией подбородка, а темно-карие глаза — пронизательные, полные отваги, достоинства и живого ума — словно пронзали ее насквозь, запуская по телу волну сладостно-приятных мурашек.

Но красота была лишь одной из граней этого редкостного бриллианта. Мужчина был знатен, принадлежал к древнему и уважаемому роду, чье имя звучало во всех уголках Неаполитанского королевства. Однако его положение в обществе было лишь бледной тенью его подлинной значимости.

Князь ди Сатриано и ди Арианиелло — бесстрашный капитан испанского королевского флота, легендарный властелин морских просторов, гроза пиратов, чье имя внушало трепет и ужас на берегах всего Средиземноморья. Его боевые подвиги увенчала слава; его имя было на устах и испанского, и неаполитанского монархов, которые щедро осыпали его наградами, знаками почета и редкими привилегиями.

Он был не просто воином — он был героем, живой легендой, чья жизнь сплетала романтику дальних странствий с опасностью морских битв и остротой побед, добытых ценой риска. Всё это только усиливало его неотразимость: блеск титулов, гремящая слава и ореол приклю-

²⁵⁹ Лукри (итал. *Lucrì*) — нежное домашнее сокращение итальянского имени Лукреция.

чений делали фигуру почти мифической. Он казался ей героем древних эпосов, сошедшим на землю.

Именно таким предстал перед Лукрецией претендент на ее руку. И разве могла она устоять перед подобным напором? Разве могла душа, жаждущая настоящей, сильной любви — той, которой не было отпущено в двух прежних браках — остаться холодной к магнетической ауре силы, власти и знатности этого редкостного красавца? Только взглянув на него, Лукреция сразу поняла: вот он — ее судьба, ее любовь, ее единственный и неповторимый. Все прежние колебания исчезли, уступив место сладкому, волнующему предвкушению грядущего счастья.

Но вдову Сильвестри пленяла не только сама личность будущего супруга. Ее тщеславие согревала мысль, что после венчания сможет именоваться *Signora Principessa*²⁶⁰. Да, это будет лишь *titolo di cortesia* — титул вежливости, не имеющий юридической силы, — но сам факт, что для окружающих она станет не просто синьорой, а синьорой княгиней, будоражил воображение неимоверно.

А мечта о сыне, который при жизни отца будет носить титул герцога, а после его смерти унаследует титул князя, окончательно склонила к принятию положительного решения. Не раздумывая, Лукреция подписала брачный контракт, по которому всё ее имущество переходило под власть *mano maritale*²⁶¹ — мужниной руки, как того требовал обычай и закон.

«Да, пожалуй, мне грех жаловаться, — подумала Лукреция Пьерина. — Судьба подарила возможность занять место рядом с мужчиной, который в ином случае был бы недостижим. Теперь остается лишь одно — научиться ладить с его непростым характером. Мне нужно подстроиться под него, найти ключ к его сердцу, пусть даже то кажется холодным и неприступным».

Лукреция сделала глубокий вдох, допила утренний кофе, и твердо решила: она будет терпеливой. Ведь, возможно, за этой твердокаменной стеной скрывается что-то большее, то, что еще только предстоит открыть.

* * *

Бедной женщине было совершенно невдомек, что самое худшее, что она могла сделать, приглашая супруга на морскую прогулку, — упомянуть в этой связи жениха синьорины Сильвестри. Разве могла она предположить, что имя Луки Саверио Эспозито, прозвучавшее мимоходом, станет для Алессандро настоящей мулетой²⁶², раздражившей внутреннего зверя?

Его душу захлестнуло странное, почти болезненное чувство, которое не мог назвать и не мог определить. Оно было чуждым и крайне неприятным. Князь ди Сатриано и ди Арианиелло никогда прежде не испытывал ничего подобного. Это было нечто сродни злости. Странная смесь раздражения, неприятия и желания прирезать этого недоумка, которого и в глаза-то никогда не видел.

Светские условности диктовали свои правила, и Алессандро прекрасно понимал, что по хорошему должен хотя бы сегодня уделить внимание новоиспеченной супруге. Час-другой в ее компании не сыграют большой роли. Встречу с адвокатами и поверенными на это время

²⁶⁰ *Signora Principessa* (итал.) — синьора княгиня (принцесса).

²⁶¹ В Неаполитанском королевстве XVIII века *mano maritale* (итал., буквально — власть мужа, авторитет супруга) означало право мужа на управление имуществом жены. Это было право, основанное на патриархальной системе, где мужчина являлся главой семьи и имел полную власть над имуществом супруги, даже если это было ее приданое или личное наследство. Муж получал административное управление имуществом жены, используя его в интересах семьи. Важно подчеркнуть, что *mano maritale* не подразумевало автоматическое обретение мужем права собственности на имущество жены. Он был обязан управлять им ответственно и в интересах жены и семьи. Однако, на практике, степень контроля и ответственности мужа могла значительно превышать установленные нормы. В неравных браках брачные контракты иногда давали статусным мужьям полную власть над управлением имуществом жены.

²⁶² Мулета (исп. *muleta*) — кусок ярко-красной материи, которым во время корриды тоreadор дразнит быка.

можно отложить. Он вполне мог сделать над собой усилие, мог бы улыбнуться, притвориться, сделать пару ни к чему не обязывающих комплиментов. Но в глубине души князь чувствовал: вся эта игра в семейную идиллию не для него. Она претит ему.

Ночью он едва принудил себя овладеть роскошным телом Лукреции. В выборе будущей матери наследника он не просчитался ни на грано²⁶³: выдающиеся *proas*²⁶⁴, рассекающие воздух подобно носу фрегата; крепкие *costados*²⁶⁵, как надежные борта судна; красивое *coronamiento*²⁶⁶, венчающее корму; жаркое *hornillo*²⁶⁷... — всё было достойно восхищения. Но сама близость оказалась холодным, лишенным страсти действием.

Алессандро знал: долг перед фамильным именем требует наследника, и чем скорее, тем лучше. Однако мысль о повторении соития вызывала в нем лишь усталое раздражение. Естественное желание не пробуждалось. Лукреции не было в его мыслях — там, будто живые, стояли манящие серые глаза, от коих не мог избавиться ни на минуту.

Эти огромные пытливые глаза словно держали его в плену. Они дразнили своей глубиной, своей непознанной тайной. Он ругал себя за то, что брачной ночью думает об этих заволаживающих глазах. Образ юной синьорины Сильвестри прочно засел в голове. Он был там, где его не должно было быть вовсе! Потому что по-хорошему это место должна занимать Лукреция Пьерина, его законная отныне жена.

Женщина ластилась к нему ночью уютной кошкой, шептала на ухо какую-то нежно-любовную белиберду. Возбуждала руками его вялый, уснувший орган, а тот, отчего-то решив, что достаточно сбросить один заряд, после чего можно уйти на заслуженный покой, никак не хотел отзываться на ее ласки. Казалось, вдохнуть в него должной мощи не было по силам даже самой богине Пертунде²⁶⁸.

Алессандро остановился перед дверями малой гостиной, за которыми раздавались голоса членов команды, призванной разгрести авгиевы конюшни, устроенные Джулиано Лучио. Тяжело вздохнув, князь провел ладонью по лицу. Досада, раздражение, глухое недовольство собой — всё переплелось в сознании в тугой узел, который ни развязать, ни разрубить. Но сильнее всего его мучила одна мысль: почему никак не может выкинуть из головы мысли о Фьорелле Паломме?

Ну вот и свершилось! Наконец-то он произнес это имя хотя бы мысленно.

Фьорелла Паломма... Красивое имя сластило язык, как капля Канарской, мальвазии²⁶⁹, упавшая в рот — с нотами меда, спелых фруктов и долгим, тягучим послевкусием. Оно звучало мягко, плавно, как шепот ветра, скользящего над цветущими лугами. Фьорелла²⁷⁰ — малень-

²⁶³ Гра́но (итал. *grano*) — самая маленькая весовая единица, использовавшаяся в аптекарских и ювелирных расчетах в Неаполитанском королевстве XVIII века. 1 грано $\approx$ 0,0475 г.

²⁶⁴ *Proas* (исп.) — буквально: носовые части корабля; в сленге испанских моряков XVIII века так шутливо называли красивую женскую грудь, проводя сравнение с выпуклой формой корабельного носа, «рассекающего волны».

²⁶⁵ *Costados* (исп.) — буквально: борта корабля; в сленге испанских моряков XVIII века так называли женские бедра, проводя сравнение с крепкими и плавно изогнутыми линиями корпуса судна, которые придают ему устойчивость и красоту.

²⁶⁶ *Coronamiento* (исп.) — буквально: венчание, корона, то есть верхняя часть, завершающее украшение кормы корабля. На сленге испанских моряков XVIII века — красивая женская задница.

²⁶⁷ *Hornillo* (исп.) — буквально: печурка; в сленге испанских моряков XVIII века так шутливо называли женское лоно, намекая на его тепло и способность «разжечь» мужчину. Выражение часто встречалось в портовых байках и песнях.

²⁶⁸ Пертунда (лат. *Pertunda*, от лат. *pertundere* — прокалывать, проникать, пробивать) — богиня римской мифологии. Покровительствовала новобрачным, помогала им совершить первый супружеский акт любви.

²⁶⁹ Канарская мальвазия (исп. *Malvasía Canaria*) — знаменитое сладкое десертное вино, производимое на Канарских островах из одноименного сорта винограда. В XVIII веке мальвазия считалась одним из самых изысканных вин, высоко ценимых в аристократических кругах Европы. Канарская мальвазия экспортировалась преимущественно в Испанию, Англию и другие европейские страны и была популярна при королевских дворах. Благодаря своему уникальному вкусу и аромату, оно стало символом роскоши и утонченного образа жизни.

²⁷⁰ Фьорелла (итал. *Fiorella*) — уменьшительная форма от *fiore* — цветок. В буквальном смысле означает «маленький цветок». В итальянской традиции имя символизирует нежность, изящество и мимолетную красоту, а в поэтическом контексте

кий цветок, хрупкий и ранимый. Паломма²⁷¹ — голубка, символ чистоты и мира, крылатое создание, что одним своим присутствием способно унять любую бурю в сердце.

Это имя словно музыка, гармонично сплетенная из нежности и силы, невинности и скрытой власти. Оно пробуждает в душе что-то неясное, тревожное, но зазывное и манящее. Его носительница — и вправду цветок, к которому так и тянется рука, чтобы сорвать. И птица — та, которую хочется поймать, прижать к себе и спрятать за пазуху, чтобы никогда не отпускать.

Алессандро повторил имя вслух, едва слышно, почти шепотом, как магическое заклинание. «Фьорелла Паломма», — слова скользнули с его губ, оставив лакомый привкус — неуловимый, но притягательный. Имя звучало как стих, как нежная мелодия, которую хочется слушать снова и снова, пока она не станет частью души.

Мозг внезапно прошило осознание: чем настойчивее будет пытаться вытеснить из себя это имя, тем глубже оно будет вливаться в него, превращаясь в мучительное, опасное, почти запретное желание, потому что его носительница — яд, что уже проник в его тело, заставляя сердце болезненно и сладостно сжиматься, а разум — метаться в бесконечной борьбе с самим собою.

* * *

Не сказать, чтобы Алессандро был приверженцем мизогинии²⁷², но и промискуитет²⁷³, столь любимый большинством команды, включая его старпома, он не одобрял. Быстрые случки — где придется и как придется — были не в его характере.

О'Рурк — совсем иное дело: у ирландца существовало почти языческое правило — ни один выход в море не начинался без того, чтобы приятель не коснулся женских прелестей, причем непременно тех, что ранее ему не принадлежали. Сам он с лукавой ухмылкой называл этот ритуал: «*To tickle the fancy* — пощекотать фантазию, угодить капризу»²⁷⁴.

Не чужд он был и «козлиной жиги»²⁷⁵ — шумной постельной пирушки, где дам оказывалось двое, а то и трое. Филадельфи не раз подшучивал над старпомом, за стремительность и легкость любовных налетов прямо в глаза называя его «самцом колибри»²⁷⁶.

Но, надо отдать должное, при всём разгульном образе жизни, Пэллirroхо умудрялся, словно по воле какого-то морского святого, не оставить после себя ни одного бастарда. На этот счет у Шея имелось убеждение, такое же твердое, как дубовая палубная доска: «Корзинку²⁷⁷, братцы, я сплелу только дома, в Ирландии!» — и этим правилом он никогда не поступался.

XVIII века часто ассоциировалось с утонченной, но хрупкой женской натурой.

²⁷¹ Паломма (неап. *Palomma*, от лат. *Palumba*) — в переводе с неаполитанского «голубка». В христианской символике голубь — образ чистоты, кротости и Святого Духа, а в поэтической традиции XVIII века — метафора нежной души, ищущей защиты. В Неаполитанском королевстве эпохи Бурбонов это имя (созвучное испанскому *Paloma*) обрело особую популярность благодаря тесным династическим связям с Мадридом и господствующему влиянию испанской культуры в высшем свете. Имя нередко давали девочкам как оберег, сулящий тихую и мирную судьбу.

²⁷² Мизогиния (от др. — греч. *μῖσος* — ненависть» и *γυνή* — женщина, женоненавистничество) — ненависть, неприязнь, либо укоренившееся предубеждение по отношению к женщинам.

²⁷³ Промискуитет (от лат. *promiscuus* — без разбора, общий) — беспорядочная, ничем и никем не ограниченная половая связь со многими партнерами.

²⁷⁴ *To tickle the fancy* (англ.) — буквально: пощекотать фантазию, угодить капризу; английское идиоматическое выражение, возникшее в XVIII веке. В светском языке означало «позабавиться». Однако в портовом и матросском сленге того времени фраза использовалась как двусмысленный эротический эвфемизм, означавший интимные ласки.

²⁷⁵ Козлиная жига (англ. *goat's jig*) — в английском сленге XVIII века это означало половой акт с несколькими партнерами. Намек на похотливость козла, который может «покрыть» сразу несколько самок.

²⁷⁶ Самец колибри (исп. *Picaflor macho*) — в переносном смысле — бабник, влюбчивый человек, мужчина, который порхает от одной женщины к другой.

²⁷⁷ Деланье корзинки (англ. *Basket-making*) — на английском сленге XVIII века так назывался процесс зачатия ребенка, который означал, что придется наполнить корзину бельем, и его нужно будет постоянно стирать.

Алессандро же никогда не считал себя галаном²⁷⁸. *Buscador de faldas* — «искателем юбок» или *rompe-corazones* — «разбивателем сердец» он тоже не был. Во время учебы в Роте гарде-маринов его пресепптор, надзирающий за воспитанниками, любил повторять:

— Каждый из вас, птенцов сего учебного заведения, должен на всю жизнь запомнить одно важное правило: остерегайтесь женщины — спереди, лошади — сзади, вражеского корабля — сбоку, а священника — со всех сторон.

Три последних наставления Алессандро, по обыкновению, пропускал мимо ушей (что ему — лошадь, священник и вражеский корабль?!), а вот первое всякий раз брал на вооружение. Оно легко ложилось поверх другой истины, внушенной с детства отцом:

— Все беды в жизни имеют одно имя — «Женщина». Женщины, в массе своей, дурная порода: лучшая из них лишь на скруполо²⁷⁹ превосходит худшую. Кроме души, которая принадлежит Богу, женщина не стоит и розового шипа. А та самая грядка, в коей Адам посеял первое семя²⁸⁰, — зыбкая топь, где мужской рассудок, едва коснувшись, вязнет, оставляя на поверхности лишь отпечаток неоспоримой и необратимой глупости. Женское лоно — самая коварная западня для мужчин. Пусть глупцы и поэты величают эту «адову дыру» «Матерью всех святых», для тебя она должна стать злобной мачехой. Помни слова Плиния Старшего²⁸¹: «Мужчина — единственное из всех животных, кто после первого совокупления испытывает отвращение».

Алессандро с юных лет привык к утонченным, но ядовитым пересудам светских салонов, где сплетня всегда облачалась в изысканный оборот. Там говорили, что синьорина Х «глотнула свежего воздуха» — и каждый понимал: она обзавелась новым любовником. Синьорина Y «осталась без подвязки» — что в аристократическом сленге означало утрату девственности до брака. А синьорина Z «подвернула лодыжку» — милое эвфемистическое утверждение, что успела забеременеть, не дождавшись венца²⁸².

За этими легковесными фразами и отполированными словами, произносимыми с полу-улыбкой и абсолютно безгрешным видом, скрывалось зловоние всеобщего падения нравов и тянулся аромат скандала, будоражащего и возбуждающего интересы таких же безнравственных слушателей.

Стоило ли удивляться, что к шестнадцати годам Алессандро стал относиться к слабому полу не столько с любопытством, сколько с холодным высокомерием. Окружающая действительность лишь укрепляла его в этом чувстве. Вернувшись на побывку в родной Неаполь, он невольно отметил, что порода мужчин здесь куда привлекательнее женской.

Девушки на заре молодости порой блистали красотой, хотя их черты зачастую были резковаты, а кожа имела теплый оливковый оттенок. Но девственная прелесть исчезала слишком быстро. Она сменялась суровым взглядом, угрюмым выражением лица и утратой грациозности, столь необходимой женскому обаянию.

Впрочем, это правило редко распространялось на аристократок крови. Те сохраняли свою красоту часто до таких лет, когда сама эта красота уже становится, по общепризнанным меркам, предосудительным анахронизмом.

²⁷⁸ Галán (исп. *Galán*) — изначально — красавец, ухажер, но в разговорной речи иногда и с ироническим оттенком — ловелас.

²⁷⁹ Скру́поло (неап. *scrupolo*) — в Неаполитанском королевстве XVIII века — аптекарская мера веса, равная 0,890997 г.

²⁸⁰ Грядка, в коей Адам посеял первое семя (англ. *Adam's garden*) — образный библейский эвфемизм XVIII века, обозначающий женское лоно.

²⁸¹ *Homo solus ex omnibus animalibus post primam venerem fastidit* (лат.). Плиний Старший, «Естественная история», VII, 5.

²⁸² Она подвернула лодыжку (итал. *Si è slogata la caviglia*) — так на аристократическом сленге XVIII века говорили о забеременевшей незамужней девушке. Глотнуть свежего воздуха (итал. *Respirare una boccata d'aria fresca*) — мягкий аристократический эвфемизм о приобретении нового любовника. Осталась без подвязки (итал. *È rimasta senza giarrettiere*) — так на аристократическом сленге XVIII века говорили о девушке, потерявшей девственность до брака.

Но потакать прелестным юным аристократкам в их салонных затеях — будь то «тяни и отпусти» или «дай и возьми»²⁸³ — Алессандро не находил ни удовольствия, ни смысла. Несколько раз повращавшись в высшем свете, он пришел к трезвому заключению: умная, красивая и при этом порядочная женщина — явление столь же редкое, как и полный парад планет. Увидеть такое явление можно разве что по особой милости небес.

В плотском смысле гардемарин Филанджери познал женщину довольно поздно. Ею оказалась родная сестра его камераде²⁸⁴ по академическому общежитию — особа живая, смелая и лишенная тех робких манер, что столь часто встречались в девицах ее круга. Она сама стала инициатором близости: с легкой улыбкой пригласила его в дом своего семейства, и, оставшись наедине, действовала без малейшего смущения. Ее руки уверенно потянулись к штанам. Прежде чем он успел опомниться, девица уже овладела ситуацией, и, как искусная наездница, оседлав его бедра, распалила в нем бесстыдными телодвижениями горячего жеребца.

Для Филанджери всё происходившее было одновременно ошеломляющим и опьяняющим: он еще не знал подобных прикосновений, не слышал того прерывистого женского дыхания, что способно лишить разума и воли. И хотя он был неуклюж и неопытен, девица умело провела его по хорошо известной ей тропке, обучив всем премудростям нехитрого дела.

Однако очарование нового опыта оказалось недолговечным. Спустя месяц, вернувшись в комнату академического общежития без предупреждения, Алессандро застал ту самую девицу — его первую наставницу в делах амурных — в объятиях другого. И не кого-нибудь, а их общего с ее братом камераде, того самого, с кем делил хлеб, службу и тесное пространство куарто²⁸⁵.

Она сидела на коленях у молодого человека, смеясь и шепча что-то на ухо, а ее руки, блуждавшие у него штанам, не оставляли сомнений в характере занятий. Всё было слишком похоже на то, что недавно случилось с ним самим. Сцена с соблазнением повторилась точь-в-точь, только роль нового ученика в ее школе страсти была отдана другому.

Алессандро охватило странное чувство — не ярость и не ревность, но холодное, почти физическое осознание собственной наивности и безмозглости. Он молча закрыл дверь, оставив парочку в том же положении, что и обнаружил, и ушел, отчетливо понимая: первый урок «любви» обернулся еще и первым уроком разочарования в ней. Мысль оформилась в четкую беспощадную формулировку: любовь делает нас беззащитными, а те, кто, казалось бы, любят нас, способны причинить самое горькое разочарование и самую большую боль.

После того случая Алессандро сделал окончательный вывод: любовь — всего лишь неприятная форма несмертельной болезни, при которой человек слепнет, глохнет и заметно глупеет. А ознакомившись с язвительными опусами Николя де Шамфора, он и вовсе стал разделять его точку зрения: «Любовь — не более чем соприкосновение двух эпидерм». Однако и в этом случае Алессандро поступал согласно принципу *fais le bien*²⁸⁶, которым руководствовался во всех иных делах.

Молодой Филанджери заключил свою душу в клетку и выбросил от нее ключи. Взяв на вооружение испанскую поговорку: «*El amor es el vino que más pronto se avinagra*. — Любовь — это вино, которое скисает быстрее всего», он перестал «заниматься любовью» в привычном смысле — он попросту сношался, удовлетворяя телесные потребности и не вовлекая в это дело

²⁸³ *Jugar a la tira y afloja* — буквально: «тянуть и отпускать»; *Jugar al toma y daca* — буквально: «дай и возьми» — испанские салонные игры XVIII века с намеком на взаимный обмен вниманием, знаками расположения, где каждая уступка сопровождается ответным шагом партнера.

²⁸⁴ Камерáде (исп. *camerade*) — сосед по комнате, испанский военный термин. Устав Академии предписывал, что гарде-марины жили по двое или трое в одной комнате. Отсюда — слово «товарищ».

²⁸⁵ Куáрто (исп. *cuarto*) — небольшая комната в общежитии Академии гардемарин, где обычно проживали двое или трое воспитанников; слово употреблялось в испанском флоте XVIII века для обозначения жилого помещения нижних и средних чинов.

²⁸⁶ *Fais le bien* (франц.) — делай это хорошо.

сердце. Чувства и привязанности стал считать скоропортящимся продуктом, а потому не видел смысла тратить на них силы и энергию.

С галантными дамами не знался. Называл их паласио²⁸⁷ борделями высокого класса. С женитьбой не торопился: в его глазах неперменным следствием этой «засады» должно было стать «ношение бычьего оперения» — рогов, а рогоносцем Алессандро становиться не желал ни при каких обстоятельствах.

Отцовские наставления в письмах наподобие: «Лучше плохая жена, без коей хуже, чем хорошая, без которой куда как лучше!» — он пропускал мимо ушей. Ему не была нужна даже самая замечательная жена, что уж говорить о плохой.

Женское естество интересовало его сугубо утилитарно — лишь как способ утолить телесный голод. Ему и в голову не пришло бы облекать физиологию в паточные метафоры вроде «кисок» и «пирожков» или, что еще хуже, пускаться в поэтическую чепуху о «бутонах роз», «райских садах» и «сундуках с сокровищами». Оставив эти сладостные бредни светским бала-болам, он предпочитал называть вещи своими именами, не путая инстинкт с поэзией.

В отличие от Пэлиррохо, не пропускающего ни одной юбки (ирландец даже уродин называл «испуганными Венерами»²⁸⁸) и уверенного, что соитие — верный рецепт от всякой хвори, Алессандро видел в близости с женщиной лишь навязанную природой необходимость. Для него она приносила облегчение, сравнимое с тем, что ощущаешь, снимая тесную, давящую обувь после долгого, изнурительного дня на ногах, когда каждый шаг отзывается тупой, ноющей болью, и само освобождение от тесных колодок является долгожданным сбросом избыточного давления.

Став старше, Филанджери привык обходиться без женского общества. Долгие морские походы приучали к воздержанию, закаляя терпение и обращая мысли к службе, а не к плотским утехам. Он научился глушить в себе беспокойный зов плоти, заменяя его суровой дисциплиной, заботами о судне и людях, вверенных его командованию.

Впрочем, были вечера, когда тишина каюты становилась слишком густой, а шум волн за бортом — слишком однообразным, и тогда в его памяти оживали смутные образы — чьи-то теплые руки на его груди, тихий смех, манящий взгляд... Но он отгонял эти призраки, как отгоняют назойливых чаек, и вновь погружался в дела службы, закаляя волю и считая, что она должна быть такой же железной и крепкой, как якорь, удерживающий корабль на одном месте.

В долгие месяцы морской отлучки капитан Филанджери, в отличие от многих своих офицеров, обходил стороной даже так называемых *mercaderas flotantes* — «плавающих торговцев», как в шутку именовали женщин, хозяйничавших на особых лодках, снабжавших корабли и экипажи провизией, вином, фруктами, овощами и всякой мелочью. И хотя среди них порой встречались весьма незаурядные особы, способные привлечь внимание не только товаром, но и собой, Филанджери никогда не искал их общества и не прибегал к их услугам. Женщина, которая, как газета, «открыта для всех», Алессандро не заинтересовала бы никогда, будь она хоть самой Еленой Прекрасной²⁸⁹.

К середине XVIII века Мадрид превратился в настоящий рассадник домов терпимости: их число давно перевалило за сотню. И если даже столица у короля под боком могла похвастаться столь бурным «ночным хозяйством», то что уж говорить о портовых городах — Кадисе, Севилье, Барселоне, Малаге или Картахене, где наплывы моряков непрестанно подпитывали спрос на подобного рода услуги. В Валенсии и вовсе целый квартал Мальварроса считался гигантским борделем: там многие дома и переулки были отданы под заведения, где торговали ласками и поцелуями ниже пояса.

²⁸⁷ Паласио (исп. *palacio*) — дворец.

²⁸⁸ *Frightened Venus* (англ.) — испуганная Венера — эвфемистическое выражение о некрасивой женщине.

²⁸⁹ Елена Прекрасная (др. — греч. Ἑλένη) — в древнегреческой мифологии прекраснейшая из женщин.

С началом царствования Карлоса III, известного своими консервативными взглядами, власти не раз издавали указы о полном запрете домов свиданий. Но эти распоряжения оставались лишь строчками на бумаге, не имевшими реальной силы. Единственным ощутимым нововведением стало правило, обязывавшее проституток носить темную вуаль, скрывающую половину лица. По замыслу монарха, это должно было отличать их от добропорядочных женщин, но на деле лишь добавило вечерним улицам новых загадочных теней, скользящих по переулкам с завлекающими улыбками.

И хотя законы становились строже, старый порядок жил и креп, а уличные и привилегированные куртизанки оставались неотъемлемой частью городского быта, вплетаясь в повседневность и судьбы Испанского королевства так же естественно, как шум площадей или звон колоколов.

Самую низшую ступень в иерархии публичных женщин занимали кантонерас²⁹⁰ — уличные девки, доступные самым широким слоям населения. Их можно было встретить в бедных кварталах портовых городов, где запах моря смешивался с дымом дешевых харчевен. Они работали без всякого прикрытия, легко становились жертвами полицейских облав или уличных хулиганов и были вынуждены довольствоваться жалкими заработками, порой едва хватавшими на хлеб и ночлег.

На следующей ступени находились касерас²⁹¹ — женщины, принимавшие клиентов у себя дома, чаще всего в тесных квартирах или скромных комнатах. Они действовали под присмотром проксенета — сутенера, который находил и доставлял им более состоятельных клиентов, зачастую из числа благородных донов. Эти женщины жили чуть спокойнее, но их мир был ограничен завистливым шепотом соседок.

В гораздо лучшем положении были так называемые мариписас эн энкахес²⁹² — «мотыльки в кружевах», принимавшие клиентов в домах терпимости под бдительным приглядом «дуэньи» — хозяйки борделя. Они отличались хорошенькой внешностью и манерами, умели говорить с клиентом так, чтобы он чувствовал себя избранным, а не просто плательщиком. Их наряды из тончайших кружев и умение порхать от одного гостя к другому и дали им это поэтическое прозвище.

Работа «мотыльков» была куда безопаснее, чем у уличных девок: в доме терпимости их защищали стены и авторитет хозяйки заведения. Там они могли «трудиться», не опасаясь ночных облав, а некоторые из них — даже выбирать, кого впустить в свои «кружевные сети».

На вершине этой социальной лестницы стояли тусонас²⁹³ — дорогие и эффектные куртизанки, отличавшиеся безупречной фигурой, утонченными манерами и умением держаться в обществе. Их услуги стоили значительно дороже, а клиентами становились состоятельные дворяне, богатые купцы и иностранцы, ищущие роскоши и анонимности. Тусонас жили почти как светские дамы: посещали балы, принимали щедрые подарки, носили лучшие наряды и драгоценности, разъезжали в собственных экипажах. Связи с влиятельными мужчинами открывали им двери в высшее общество, а их имена нередко становились предметом зависти, сплетен и интриг.

Алессандро был прекрасно осведомлен о подобной иерархии продажных женщин, но избегал даже самых привилегированных из них. Что уж говорить об обычных портовых дев-

²⁹⁰ В историческом контексте XVIII–XIX веков в Испании *cantoneras* — это просторечное название женщин легкого поведения, которые искали клиентов, стоя на перекрестках или у углов улиц, особенно в портовых и гарнизонных городах. Буквальное значение: та, что стоит на углу (от исп. *canto* — угол).

²⁹¹ *Casera* (исп.) — буквально: хозяйка дома; в сленге портовых городов Испании XVIII века — проститутка, принимавшая клиентов на своей жилплощади, обычно под покровительством сутенера.

²⁹² Мариписас эн энкахес (исп. *mariposas en encajes*) — мотыльки в кружевах.

²⁹³ *Tusona* (исп.) — просторечное испанское название дорогой и эффектной куртизанки; происходит от исп. *tusón* — молодая кобылка, не достигшая двух лет.

ках! Достаточно было представить, что он разделяет ложе с уличной шлюхой, — и тут же охватывало ощущение, будто «трюм опорожнится»²⁹⁴ еще до того, как «плавание» начнется.

А вот его приятель О'Рурк питал к подобным развлечениям особое пристрастие. Он с улыбкой говорил, что любит «отведать масляную булочку» — так Шей называл близость с женщиной, которую всего минуту назад ласкал и брал другой мужчина. По его словам, он получал особое удовольствие, когда «блюдо» для него уже разогрето кем-то другим. «В таких случаях, — уверял ирландец, — „задничная жига“²⁹⁵ становится особенно горячей и пикантной».

Алессандро же даже представить себе подобного не мог. Его тело просто не откликнулось бы на женщину, которую только что «пользовали» — мысль об этом была сродни холодному ведру воды на горящий костер.

Да, Алессандро был брезглив и опасался подцепить «капельки»²⁹⁶, «синего поросенка»²⁹⁷ или «французскую болезнь»²⁹⁸ — недуги, которые испанские светские остряки с иронией именovali «болезнями Венеры»²⁹⁹.

«Искать порт в чужом рту»³⁰⁰, то есть целоваться, он тоже не любил, особенно с языком, и уж совсем терпеть не мог «лизать бархат»³⁰¹ — так О'Рурк, большой поклонник погружать лицо ниже женской талии, называл ласки языком женских прелестей. Ирландец беззлобно посмеивался над его неприязнью, поддразнивал, называя «святошей» и «чистоплюем», и шутил, что именно такие ласки могут *to make a mistress sing* — «заставить любовницу запеть».

Впрочем, надо признать: Алессандро никогда не возражал, если «доброе дело» пониже пояса для него делала сама женщина — тогда он охотно принимал этот дар, не считая нарушением собственных правил. Более того, он даже поощрял партнерш к этому, ведь считалось, что оральный способ получить желанную разрядку может защитить от так называемой *mal d'amour* — «болезни любви» — как в свете именovali сифилис³⁰².

В Кадисе, одном из крупнейших портовых городов Испании, к которому был приписан корабль Алессандро Дамиано Филанджери, находился, пожалуй, самый роскошный из всех домов терпимости во всей стране. Заведение под вывеской *El Pinto*³⁰³ было настолько впечатляющим, что затмевало всё, что князь когда-либо видел в своей жизни.

Обитель удовольствий включала в себя таверну с отменной кухней и знаменитой асадорией³⁰⁴, где мясо готовилось на открытом огне, а полураздетые подавальщицы, ловко лавируя между столиками, подносили гостям дымящиеся блюда. Но это был лишь первый уровень соблазнов. Внутри находились богато убранные кабинеты, где на широких кроватях с бархат-

²⁹⁴ Опорожнить трюм (исп. *vaciar la sentina*) — на испанском морском сленге XVIII века так говорили о рвоте.

²⁹⁵ Задничная жига (гэльск. *Jig an tóin*) — в английском сленге XVIII века этой дерзкой игрой слов называли анальный сексуальный акт.

²⁹⁶ Капельки (исп. *Goterías*) — на испанском сленге XVIII века это слово означало гонорею из-за характерных выделений.

²⁹⁷ Синий поросенок (исп. *Chanchito azul*) — эвфемизм для венерической опухоли (бубона), особенно при сифилисе или гонорее, когда воспаленный лимфоузел набухал и синел.

²⁹⁸ Сифилис в Испании и Италии XVIII века называли «французской болезнью» (исп. *la enfermedad francesa*), а выражение *coger la francesa* означало заразиться этой болезнью (аналогично французскому *mal de Naples* — неаполитанская болезнь).

²⁹⁹ *Tener el mal de Venus* (исп.) — буквально: иметь болезнь Венеры. Эвфемизм для венерической болезни, часто встречается в письмах, мемуарах и пьесах XVIII века.

³⁰⁰ *Buscar el puerto de la boca* (исп.) — искать порт в чужом рту — сленговое выражение испанских моряков о поцелуях.

³⁰¹ Лизать бархат / поглаживать бархат (англ. *to tip the velvet*) — распространенный в XVIII веке английский сленговый оборот, буквально — ласкать женские гениталии языком.

³⁰² В XVIII веке медицинских знаний о природе и лечении сифилиса было крайне мало, что порождало множество мифов и заблуждений о его профилактике. Одним из них было убеждение, что оральные сексуальные практики могут снизить риск заражения сифилисом, так как считалось, что болезнь передается исключительно через генитальный контакт. Однако с медицинской точки зрения это мнение ошибочно: сифилис может передаваться через контакт с пораженной кожей или слизистыми оболочками.

³⁰³ *El Pinto* (исп.) — буквально: Пегий, Пятнистый или Разноцветный.

³⁰⁴ Асадория (от исп. *asador*) — жаровня, где готовилось мясо на вертеле.

ными балдахинами и шелковыми покрывалами можно было предаться пороку в самой искушенной компании. В бильярдной, что сияла позолоченными люстрами, лучшие девушки заведения играли нагие. Их упругие груди, освещенные мерцанием свечей, завлекаяще танцевали в такт ударам шаров.

И всё же настоящая слава *El Pinto* была связана с залом увеселений, где разыгрывались сцены, способные разжечь любые, даже самые потаенные страсти. Здесь, под звуки музыки, проводились настоящие балы любви, эротические спектакли и массовые оргии, в которых каждый мог найти свое место либо в эпицентре действия, либо в роли пассивного наблюдателя.

Заведение удовлетворяло запросы каждого клиента, предлагая выбор из самых красивых женщин всех возрастов и национальностей. Белокурые ангелы и жгучие брюнетки, карамельные шатенки и огненно-рыжие красавицы — все они были здесь. С кожей черной, как горячий шоколад, золотистой, как куркума, и оливковой, как атоле³⁰⁵. *El Pinto* словно воплощал в себе все фантазии, которые только могли родиться в мечтах моряков, возвращающихся из долгих и опасных плаваний.

Именно в этом месте, страшась *mal de los franceses* — так называли сифилис в Испании, — Алессандро впервые услышал о защитном мешочке, изобретенном английским полковым врачом Кондомом³⁰⁶. О'Рурк, рассказал как-то, что поначалу отказывался использовать эти мешочки, называя их «шкуркой мертвого животного». Однако со временем, когда их стали смягчать серой и щелочью и они превратились в более удобное средство защиты, Шей стал пользоваться ими практически всегда, особенно после того, как круг его знакомств «обогатили» самые изысканные портовые дамы.

Алессандро, поначалу подражая примеру приятеля, тоже пользовал «кондомы», но вскоре его вкусы начали заметно меняться. Среди доступных женщин он всё чаще выбирал так называемых «новиций»³⁰⁷. Нет, это были не истинные послушницы, добровольно затворившиеся в монастырских стенах, готовясь посвятить свою жизнь Господу. В лексиконе испанских домов терпимости «новицией» называли девушку, впервые предлагающую себя клиенту. Выбор этого слова был далеко не случайным: оно нарочито отсылало к монастырскому «послушница», добавляя образу начинающей куртизанки особую, почти кощунственную пикантность. В этом слышался вызов, игра на контрастах — невинность и порок, молитва и плоть — и всё это становилось искусной наживкой, способной заманить в заведение даже самых искушенных посетителей.

Для Филанджери в этом была не столько жажда утоления плотских потребностей, сколько холодный и выверенный расчет человека, от природы склонного к безразличности. Осторожность, словно страж у порога желаний, оберегала его от расплывающейся, подобно сырому морскому туману, «французской» болезни. Свежая, нетронутая «новиция» была для него защищенной гаванью в бушующем море порока.

Но за этой рассудочностью скрывалась более темная, почти запретная тяга. Ему хотелось быть первым, кто коснется нераспустившегося цветка, кто переведет «новицию» через невидимую черту, за которой утренний свет невинности уступает место темным краскам ночной страсти. Филанджери находил в подобных контактах особое очарование. Неуверенные движе-

³⁰⁵ Атоле (исп. *Atole*) — в Испании XVIII века — горячий напиток родом из Мексики, в состав которого, помимо кукурузной муки и коричневого сахара, входил топленый шоколад.

³⁰⁶ По одной из версий, презерватив получил свое название в честь графа Чарльза Кондома, придворного врача короля Англии Карла II, который изобрел это средство контрацепции в XVII веке для монарха, известного своими многочисленными любовными связями и потомством. В XVIII веке презервативы изготавливались из льна или обработанных кишок и мочевых пузырей животных с использованием серы и каустической соды для смягчения материала. Они продавались в тавернах, цирюльнях, аптеках, на рынках и театральных представлениях по всей Европе и в России.

³⁰⁷ *Novicia* (исп.) — буквально: новичка; в сленге испанских домов терпимости XVIII века — девушка, впервые предлагающая себя клиенту. Употребление термина сознательно отсылает к монастырскому «послушница», что придавало образу особую пикантность и служило заманчивой рекламой для заведения.

ния, робкие смущенные взгляды, когда любопытство борется со страхом, а желание — с остатками застенчивости... Всё это возбуждало его гораздо больше ласк опытных жриц любви.

Но довольно скоро Алессандро выяснил, что и невинность может оказаться подложным товаром. В дорогих домах терпимости хозяйки всё чаще стали выдавать за «новиций» девушек, изрядно искушенных в теневом ремесле.

Секрет был прост: над ними предварительно трудились кудесники-доктора — умелые знахари, сведущие в особых женских хитростях. В крупных городах было в изобилии медицинских кабинетов, где даже проститутке могли искусственным образом воссоздать утраченную девственность. В любой газете было до десятка объявлений о подобных заведениях, где девицам, потерявшим «цвет юности» слишком рано, оказывались услуги по воссозданию *falsificata virginitas*³⁰⁸.

При помощи *Agua de doncella*³⁰⁹ и *Polvos de virgen*³¹⁰ — крепких квасцов, отвара дубовой коры, винного уксуса, терпентина с миррой³¹¹, — а порой и небольших хирургических манипуляций утрату умело маскировали, возвращая тканям былую плотность. Телу придавали вид, способный ввести в заблуждение даже опытного ценителя, такого, каким был Алессандро Филанджери. После столь искусной подготовки девушку продавали клиенту как редкий цветок, будто бы впервые распускающий лепестки в руках избранного клиента.

Для хозяйки заведения подобная уловка была делом прибыльным: за «новицию» всегда назначали цену существенно выше обычной, а богатые господа, упоенные лестной мыслью о своем первенстве, редко распознавали подделку. Лишь немногие, тонко разбиравшиеся в женской натуре, могли ощутить подлог. Алессандро Филанджери мог. Именно поэтому он однажды выкупил одну наиболее понравившуюся девушку, приобрел для нее небольшой домик и сделал своей барраганой³¹².

Дезидерия³¹³ Варгас была редкой красавицей, и ее имя являлось отзвуком природной сущности. Правда, Алессандро не мог поручиться, что оно было подлинным — в этом мире имена меняли так же легко, как наряды.

Девушка относилась к разряду созданий, о которых в портовых кабаках с придыханием говорят: *para chuparse los dedos* — «пальчики оближешь»! Ее красота не была кричащей, но в ней чувствовалась та сладкая опасность, что влечет мужчину, как шмеля к пахучему цветку.

Ее формы — высокая упругая грудь, округлые бедра, изящный стан и грациозный изгиб шеи — неодолимо влекли и будоражили кровь. Глядя на нее, Алессандро невольно вспоминал другое испанское выражение: *para comérsela* — «так и тянет съесть», — чтобы послевкусие этой красоты осталось на губах навек. Она была настоящей *penca de mujer*³¹⁴ — «сочной штучкой», из тех статных красавиц, от коих невозможно отвести взгляд. В ней в самом деле было на что посмотреть и за что ухватиться.

И в постели Дезидерия была не менее хороша. О таких женщинах говорят, что соли в них больше, чем в Тихом океане, что они умеют держать своего мужчину в тонусе, не давая ему заскучать ни днем, ни ночью.

³⁰⁸ *Falsificata virginitas* (лат.) — поддельная девственность.

³⁰⁹ *Agua de doncella* (исп.) — буквально: вода девственности.

³¹⁰ *Polvos de virgen* (исп.) — буквально: порошок девственницы.

³¹¹ Квасцы (лат. *alumbre*) — минеральный аstringент, широко применявшийся в медицине как вяжущее средство; вызывал временное сужение тканей. Отвар коры дуба — богатый танинами, использовался для стягивания и укрепления слизистой. Винный уксус — применялся в виде промываний, давал ощущение «плотности». Терпентин и мирра — в малых дозах, как ароматизирующее и легкое раздражающее средство для создания «новизны» ощущения.

³¹² Баррагана (исп. *barragana*) — любовница, сожительница, устар., подруга.

³¹³ Дезидерия (исп. *Desideria*) — женская форма испано-итало-латинского имени *Desiderio* (лат. *desiderium*) — желание, страстное стремление.

³¹⁴ *Penca de mujer* (исп.) — испанское просторечное выражение. Буквально: сочный лист женщины, в переносном смысле — ладно скроенная, чувственная красавица в самом соку. Это грубоватый, но полный восхищения мужской комплимент.

Алессандро не был в нее влюблен. Ни страстного томления, ни сердечной привязанности она не вызывала. Ее присутствие в его жизни было делом удобства, а не чувства. Всякий раз, возвращаясь из морских походов, он не ломал голову над тем, где и с кем провести вечер, чтобы утолить естественную и неизбежную потребность мужского тела в тепле и ласке. Женщина у него была — и была всегда под рукой, словно надежный якорь в тихой бухте.

С Дезидерией у него существовала четкая и честная договоренность, лишенная каких бы то ни было иллюзий. Она получала крышу над головой и достаток, ровно до тех пор, пока он оставался у нее единственным. Алессандро не терпел дележа — он был готов платить за исключительность, но не за всеобщую доступность. И Дезидерия, со своим острым умом и природным чутьем, принимала правила этой игры.

Филанджери не скрывал: когда ее прелести перестанут занимать, он не оставит ее нищей. Наоборот — выплатит достойную сумму, достаточную для того, чтобы могла выйти замуж с приданым, которое откроет ей двери в приличный дом. Эта договоренность была чем-то вроде контракта между двумя людьми, каждый из которых знает себе цену. В этой договоренности не было места романтике, но была четкая определенность и своеобразная порядочность. Она устраивала обоих: он получал то, что хотел, без лишних хлопот и обременительных чувств; она — безопасность и уверенность в завтрашнем дне. В их отношениях была устойчивая, почти морская логика: корабль идет под тем парусом, что лучше ловит ветер.

Шеймус О'Рурк, посмеиваясь над ними, называл Дезидерию *convenient wife*³¹⁵ — «удобной женой» своего капитана, а его самого — *Brother-Starling*³¹⁶ — «Братом-скворцом».

Как-то раз, после затянувшегося плавания, Филанджери, едва ступив по сходням на берег, решил первым делом навестить свою любовницу, по ласкам и телу которой изрядно соскучился. Порт встретил его привычной какофонией: громкими окриками матросов, терпким запахом смолы и рыбы, куражным смехом и зазывными выкриками местных шлюх.

Он шел быстрым шагом по узкой улочке, тянувшейся вдоль причала, и, не дойдя до дома Дезидерии, вдруг наткнулся на прелюбопытную сценку, которую никак не ожидал увидеть. Нарочито кокетливая сеньорита Варгас, прикрытая кружевным зонтиком, оживленно беседовала с матросом из его команды. Молодой парень, едва сдерживая ухмылку, в открытую заигрывал с нею и, потряхивая кошельком, полным звонких монет только что полученного жалованья, предлагал щедрую плату за благосклонность.

Слова моряка она встретила залихватским смехом, а затем, фыркнув, произнесла фразу, что по идее должна была бы польстить Алессандро, но почему-то вызвала в нем прямо противоположные чувства:

— *No voy a hacer de mi coño una navaja-cazuela*³¹⁷.

Капитана Испанской королевской армады Алехандро Дамьяна Филанхьери трудно было упрекнуть в излишней деликатности, щепетильности или сентиментальности. Он был человеком прямым, нередко резким, а в гневе умел рубить словами не хуже клинка. И всё же, услышав эту фразу из уст своей мантиды³¹⁸, он невольно скривился, словно наступил в свежую коровью лепешку.

³¹⁵ Удобная жена (англ. *Convenient wife*) — ироничное сленговое выражение XVIII века, адресованное женщине для постоянных интимных отношений вне брака.

³¹⁶ Брат-скворец (англ. *Brother-Starling*) — так на английском сленге XVIII века называли мужчину, который спит только с одной женщиной [A Classical Dictionary of the Vulgar Tongue, by Francis Grose; 1788].

³¹⁷ Я не собираюсь делать из своей п...ы общую наваха-кастрюлю (исп.). [Слово *coño* в испанском — крайне грубое, табу-слово, обозначающее женский половой орган. Русским эквивалентом по экспрессивной окраске является слово «п...а». *Navaja* — здесь игра слов. В прямом смысле это моллюск «морской черенок» (из-за фаллической формы служил на жаргоне портов Кадиса и Барселоны обозначением мужского органа). На сленге «навахами» называли голодных до женщин матросов, только что сошедших на берег. *Cazuela* — кастрюля, миска. В этом контексте выражение означает отказ становиться «общедоступным блюдом» для толпы оголодавших моряков, готовых наброситься на женщину сразу после швартовки].

³¹⁸ Мантида (исп. *mantenida*) — содержанка, женщина на содержании.

Портовая брань, вырвавшаяся из уст, которые он некогда целовал, вызвала лишь отвращение. Не проронив ни слова, Алессандро развернулся и ушел. С того дня он более не переступал порога дома, который некогда сам и купил для этой сеньориты. После произнесенных вульгарных слов, отдававших зловонием, как от бочки протухшей селедки, Дезидерия Варгас для него умерла.

Филанджери и сам не был чужд грубости: умел говорить жестко, иногда безжалостно, и не всегда подбирал выражения, но в глубине души тянулся к светлому и чистому — к тому, что возвышает, а не унижает. Дезидерия казалась ему именно такой, пока сама не разрушила этот образ. Да, она отказала настырному матросу, но, назвав себя «дыркой» для «мужского члена», сама встала в один ряд с портовыми шлюхами — теми, кого он всегда презирал. С теми, кто торгует улыбкой как мелкой монетой, кто готов из интимного сделать товар для уличного торга.

Когда Алессандро остыл, он, не нарушая прежних договоренностей, передал Дезидерии оговоренную сумму. Та приходила еще несколько раз: каялась, клялась, что те злополучные слова вырвались по наущению дьявола, уверяла, что будет верна ему и что никогда не сделает его Иосифом из Назарета³¹⁹.

Он знал: она говорит правду. Но теперь этого было мало. Что-то внутри уже сломалось — точнее, не в нем самом, а в отношении к ней. И тогда Алессандро осознал простую истину: требовать чистоты от продажной женщины — всё равно что ждать, когда терновник зацветет яблоневым цветом. Можно покрыть ржавчину позолотой, но придет время — и истинная суть проступит наружу. Сквозь самый толстый слой сусального золота рано или поздно проглянет темное пятно.

Алессандро не стал искать замены Дезидерии. Год он провел на сухом пайке, словно корабль, осевший на глухой отмели, без ветра и парусов. Пару раз пытался пуститься в то, что моряки с ухмылкой называли «одиночным плаванием»³²⁰, но вскоре понял: такие забавы не для него. Его плоть жаждала женского тепла, а не бесстрастного утешения собственной руки.

Спустя двенадцать месяцев, по воле испанского короля Карлоса III, капитан Филанджери поставил курс на родной Неаполь. Но едва сапоги коснулись камня причала, как на него обрушился шквал дел и забот, сравнимый разве что с безжалостными штормовыми волнами, глухо и яростно бьющимися о корму в зимнем Бискайе³²¹. Мысли о телесных нуждах растаяли, словно утренний туман, затерявшись в холодной неопределенности.

Ему предстояло встать к штурвалу своей судьбы в самую непроглядную, черную ночь, когда ни звезд, ни береговых огней не видно. Надлежало провести фамильный корабль сквозь теснины опасных рифов. И только от него зависело, достигнет ли судно спасительной гавани или разобьется об острые камни долгов, оставив после себя лишь запятнанное имя да жалкие обломки, потонувшие в пене злорадствующих шепотков и грязных сплетен.

³¹⁹ Ироничный оборот, встречающийся в испанской разговорной речи XVIII века; означал обещание женщины не возлагать на мужчину обязанность воспитывать и содержать ребенка, зачатого от другого. Происходит от евангельской истории об Иосифе, обрученном с Марией, который взял на себя заботу о младенце Иисусе, не будучи его родным отцом.

³²⁰ Одиночное плавание (исп. *navegar solo*) — грубоватый морской эвфемизм XVIII века, означавший мужское самоудовлетворение. В среде моряков Испанской армады, вынужденных месяцами находиться вдали от берега, это выражение служило ироничным оправданием вынужденному воздержанию.

³²¹ Бискай, он же Бискайский залив (исп. *golfo de Vizcaya*) — часть Атлантического океана, расположенная к северу от Пиренейского полуострова, омывает берега Испании и Франции и простирается от Галисии до Бретани.

Глава 6

Войдя в малую гостиную, переделанную под уффиччо, Алессандро сразу заметил группу мужчин, сбившихся в тесный кружок возле массивного письменного стола, за которым восседал управляющий финансами и имуществом семьи Филанджери — Густаво Дзаппакоста. Этот сухопарый, педантичный человек с лицом, вечно склоненным над бумагами, вот уже два десятилетия вел всё хозяйство рода: следил за доходами и расходами, собирал ренты, заключал и расторгал арендные договоры, вел учет долгов и обеспечивал их своевременное погашение.

Время показало, что со своими обязанностями управляющий справлялся далеко не блестяще. Ярким и наглядным свидетельством его попустительства старшему брату, успевшему при жизни навесить на фамилию тяжеленное бремя долгов, служил стол Дзаппакосты — массивная дубовая поверхность, утопавшая под тяжестью кипы документов: векселей, облигаций, закладных, долговых расписок, обязательств под залог движимого имущества и прочих бумаг, каждая из которых еще совсем недавно подписывала смертельный приговор финансовому благополучию рода Филанджери.

По правую руку от управляющего сидел Жанлука Коссига — давний поверенный семьи, человек почтенного возраста, с благородной осанкой, но уже утративший былую хватку. В глазах его теплился ум, однако в движениях чувствовалась усталость, а в суждениях — излишняя осторожность. Алессандро не слишком доверял старику и потому решил усилить команду.

Теперь за расчетами по долгам должна была следить целая группа специалистов: поверенный, адвокат, маэстро-ди-контти³²², два счетовода, один опытный нотариус и два писаря, обученные быстро составлять юридические акты.

Возглавлял команду из восьми человек прокураторе Карло Скальфаро. При личном знакомстве он поразил Алессандро сочетанием глубокого знания законов и редкой хватки. Скальфаро говорил мало, но всегда по делу; умел слушать и задавать правильные вопросы.

Но главное — в нем Алессандро увидел родственную себе натуру: тот же холодный расчет, та же способность трезво оценивать ситуацию даже в самый сложный момент. Он был своеобразным командиром «ремонтной бригады», призванной залатать пробоину в корабле под названием «Финансы рода Филанджери Ла Фарина», нанесенную безрассудством покойного брата нынешнего князя.

При этом Скальфаро обладал редким даром — он не только сам знал, что и как нужно делать, но и умел выстроить работу так, чтобы каждое звено его команды, как хорошо смазанный механизм, действовало четко и слаженно. Еще на этапе сбора сведений по долгам все специалисты, трудившиеся под его началом, расценивали каждую найденную долговую бумагу, каждый запрошенный и полученный документ не как скопище цифр и печатей, а как крепкие доски, встающие на свое законное место, позволяющие сделать условный «корабль» снова мореходным.

Благодаря Скальфаро, «навигационная карта» долговых обязательств старшего брата была составлена с редкой педантичностью: каждая сумма отмечена, каждый кредитор обозначен, сроки и условия — нанесены. Всё четко и понятно, словно маяки, отмели, рифы и течения на судоходном документе. Единый баланс всех задолженностей был сведен воедино. Это дало возможность Алессандро ясно увидеть картину целиком и масштаб проблемы. Он понял, с каким именно приданым нужно искать невесту и какую сумму оговаривать в брачном контракте.

³²² Маэстро-ди-контти (итал. *maestro di conti*, буквально — мастер счетов) — в Неаполитанском королевстве XVIII века — специалист, отвечавший за ведение бухгалтерии, составление финансовых отчетов и контроль за движением средств в имении или торговом доме. Часто совмещал функции современного бухгалтера и финансового управляющего.

Теперь оставалось дело за малым — погасить все долги Джулиано Лучио. Но князь прекрасно понимал: в море долгов даже малая тучка способна обернуться внезапным штормом.

Алессандро ясно видел, что Густаво Дзаппакоста во что бы то ни стало стремится удерживать в своих руках бразды правления финансами Филанджери. Обвинять управляющего в казнокрадстве оснований у Алессандро не было, но и оставлять у штурвала своеобразной «пожарной гвардии» в столь важный и ответственный момент того, при чьем непосредственном попустительстве проблема с долгами со скоростью верхового пожара разрослась до небесных высот, он намерен не был.

Поэтому, подойдя к группе мужчин, князь обменялся с ними короткими приветствиями, после чего голосом, напомнившим скорее приказы капитана на шканцах³²³, чем светскую беседу в гостиной, распорядился:

— Итак, синьоры, — князь обвел присутствующих внимательным взглядом, — дальнейшую работу построим следующим образом. Общее руководство по погашению долгов возлагаю на вас, синьор Карло, — Алессандро повернулся к протетторе Скальфаро. — Вы же, Густаво, — теперь его взгляд остановился на управляющем Дзаппакосте, — отныне будете исполнять во всей этой истории роль казначея.

Доте пекуньяриа³²⁴ мною получено вчера в полном объеме. По предъявлении членами команды синьора Скальфаро соответствующих долговых бумаг будете незамедлительно покрывать запрашиваемые суммы из этих средств. Работы по выкупу закладных на родовые земли беру на себя. Попрошу как можно скорее передать мне соответствующий пакет документов. Каждый день просрочки плюсует проценты. Поэтому тянуть с этим я не намерен.

Выкуп земельных закладных будет вестись за счет средств, находящихся на банковских счетах моей супруги. Все суммы заранее прописаны в брачном контракте, так что препятствий для этого возникнуть не должно.

Алессандро медленно вынул из кармана жилета тяжелый, потемневший от времени ключ, увесистый, с замысловато-витиеватой головкой.

— Густаво, — голос его прозвучал спокойно, но твердо, — вот ключ от тезорерии³²⁵. Охранников на входе я уже предупредил. С сегодняшнего дня доступ в это помещение будете иметь только вы.

Дзаппакоста, недовольно поджав тонкие губы, протянул костлявую руку за ключом. Металл лег на его ладонь, как холодный приговор. Было ясно: роль простого казначея приходилась мужчине не по вкусу, но возразить князю он не посмел. Никто бы не осмелился. Суровость и непреклонность его лица в этот момент легко могла посоперничать с выражением бронзовой физиономии античного бога Кроноса, пытающегося серпом в руке остановить бег стрелок, отсчитывающих время, на каминных часах.

Алессандро еще раз медленно обвел взглядом всех, задерживаясь на лице каждого из присутствующих, словно проверяя, всё ли ими понято.

— Вопросы есть? — спросил он, и в комнате воцарилась абсолютная тишина.

Разумеется, вопросов не было.

— Тогда на этом всё, — отчеканил князь.

Он выделил глазами синьора Скальфаро:

³²³ Шканцы (от нид. *schans*; нем. *Schanze* — вязанка хвороста) или квартердэк (англ. *quarterdeck*, от *quarter* — четверть и *deck* — палуба) — помост либо палуба в кормовой части парусного корабля на один уровень выше шкафута, где обычно находился шкипер, а в его отсутствие — вахтенные или караульные офицеры, и где устанавливали компасы.

³²⁴ Доте пекуньяриа (итал. *dote pecuniaria*, буквально — денежное приданое) — в брачных контрактах Неаполитанского королевства XVIII века так обозначали наличную сумму, передаваемую жениху семьей невесты сразу же после венчания. Эта часть приданого выделялась отдельно от прочих *beni dotali* (недвижимости, драгоценностей, доходных активов) и могла использоваться для погашения долгов, приобретения имущества или укрепления финансового положения мужа.

³²⁵ Тезорерия (итал. *tesoreria*, буквально — казначейская комната) — официальное помещение для хранения казны, наличных сумм, слитков, монет и бухгалтерских книг.

— Карло, когда отдадите все нужные распоряжения, зайдите ко мне в кабинет.

— Хорошо, ваша светлость, — протеттор кивнул головой, принимая распоряжение.

Кивнув всем, Алессандро резко развернулся и твердым шагом покинул малую гостиную. По пути в свой кабинет он встретил мажордома виллы «Делле-Розе-ди-Позиллипо»³²⁶ Гальвано Романьоли.

— Гальвано, разыщите и немедленно отправь ко мне в кабинет Алессию Маньяни.

Слова его прозвучали так, что сомнений в срочности не могло возникнуть. Мажордом молча склонил голову, принимая приказ, а князь, не меняя темпа шагов, направился по тихим, гулким коридорам палатчины. Эхо его каблучков отдавалось в каменных сводах ровным, упорным ритмом, который не мог заглушить мыслей, настойчиво круживших в голове.

Все они сходились к одной-единственной фигуре — сероглазой особе, чье имя застряло колючим шипом у него в мозгу. Именно ради нее и были вызваны в его кабинет Алессия Маньяни и Карло Скальфаро.

* * *

— Ваша светлость, вы меня вызывали? — тихо спросила, заглянув в кабинет, немолодая служанка.

Алессандро еще не успел усесться за письменный стол, поэтому сразу сделал несколько шагов ей навстречу.

— Да, Алессия. Закрой дверь поплотнее, чтобы никто не подслушал, и проходи. Садись сюда, — он указал рукой на два мягких кресла-фотейль³²⁷ с овальной спинкой, позолоченными резными подлокотниками и обивкой из голубого дамаста³²⁸, стоящих по обе стороны от изящного геридона³²⁹ с бронзовой ножкой, покоящейся на основании в виде трех изогнутых львиных лап, соединенных гирляндами цветов.

Служанка молча притворила дверь, но к креслу не подошла.

— Ну, что же ты медлишь? Я ведь жду, — поторопил князь, слегка приподняв бровь.

— Я могу и постоять... если позволите, — произнесла женщина нерешительно. Она явно боялась нарушить установленный порядок взаимоотношений между прислугой и господином.

Алессандро тяжело вздохнул, но во взгляде его промелькнула теплая усмешка.

— Маммарелла³³⁰... ты опять за свое? Садись уже, не испытывай мое терпение. Ну же, не зли меня! — слова звучали строго, но в голосе не было и намека на привычную холодную жесткость.

С этой женщиной князь ди Сатриано и ди Арианиелло говорил иначе, чем с кем бы то ни было. Она была единственной, к кому он был по-настоящему привязан.

Алессия Маньяни была не просто служанкой. В младенчестве она кормила его грудью, качала его колыбель, держала за руку, когда делал первые шаги, и оставалась рядом с ним до семи лет. Позже, когда воспитанием и образованием младшего княжича занялся целый штат

³²⁶ Делле-Розе-ди-Позиллипо (итал. *Villa delle Rose di Posillip*) — Вилла Роз в Позиллипо.

³²⁷ Фотейль (франц. *fauteuil*) — мягкое кресло с открытыми подлокотниками, популярное в Европе XVIII века. В Неаполитанском королевстве часто изготавливалось в стиле французских королевских дворов, украшалось позолотой, резьбой и обивалось дорогими тканями.

³²⁸ Дамаст (араб. قشند) — ткань (обычно шелковая), одно- или двухлицевая с рисунком (обычно цветочным), образованном блестящим атласным переплетением нитей, на матовом фоне полотняного переплетения.

³²⁹ Геридон (франц. *guéridon*) — тип мебели, круглый столик на одной ножке.

³³⁰ Маммарелла (неап. *Mammarella*) — уменьшительно-ласкательная форма от *mamma* — мама; в Неаполе XVIII века так часто называли кормилицу или няню, особенно если между ней и воспитанником сохранялись теплые, почти родственные отношения. Подобное обращение сочетало в себе уважение и нежность и нередко употреблялось аристократами и во взрослом возрасте, как знак признательности женщине, вырастившей их с младенчества.

наставников во главе с пречетторе³³¹, она всё равно находила возможность приласкать своего дорогого «неннилло»³³².

Родной матери Алессандро не знал. Виттория Аличе Филанджери Ла Фарина, первая жена отца, женщина, подарившая ему жизнь, выбросилась из окна палатчины вскоре после его рождения. Причинами такого поступка младший княжеский сын никогда не задавался и, по большому счету, не задумывался, почему так вышло. Рядом с ним была любящая Балия Лесси³³³ — или Маммарелла, как Алессандро ее называл, и этого хватало с избытком.

Когда он появился на свет, Алессии не исполнилось и двадцати лет. Насколько он знал, у нее не было собственных детей. Как так случилось, что она стала сначала его кормилицей, а затем и няней, Алессандро так и не выяснил. Да в общем-то и не стремился к этому: Маммарелла любила его искренне, ее забота и ласка были для него важнее любых объяснений.

Когда Алессандро исполнилось пять лет, отец снова женился. Лудовика Бернадетта Филанджери Ла Фарина, урожденная Серсале, маркиза Тиччиано, быстро влилась в жизнь семьи и стала внимательно относиться к сыновьям мужа от первого брака. Поначалу она воспротивилась тому, чтобы не слишком образованная женщина постоянно находилась рядом с пятилетним мальчиком. По ее настоянию отец приставил к Алессандро бывшего наставника старшего брата.

На какое-то время Алессию отстранили от ухода за младшим княжичем. Но вскоре грянул скандал — Балия Лесси, раскрасневшись, гневно выкрикивала что-то отцу и мачехе. Маленький Алессандро не понял, из-за чего возникла эта буря, но после нее Маммарелла вновь вернулась к своему «красивому маленькому господинчику».

И снова он слышал ее ласковый, певучий голос, то шутливо, то нежно милующийся с ним:

— *Principino mio* — мой маленький принц... — обращалась она к нему, надевая на ножки ботиночки.

— *Tesoruccio* — мое сокровище, — ворковала, целуя его в макушку.

— *Piccerillo mio* — маленький мой, — шептала, поправляя ему воротничок.

— *Gioiellino mio* — драгоценность моя, — произносила, с улыбкой заглядывая ему прямо в глаза.

— *Bambuccio* — мой смешной малыш, — добавляла с ласковым смехом, щекоча его спинку.

Каждое ее слово было не просто обращением — оно было прикосновением к его маленькому сердцу. И в каждом таком касании была та самая теплота, что согревала его всю жизнь.

Когда двенадцатилетнего Алессандро отправляли на учебу в испанский Кадис, Маммарелла горько плакала. Не скрывая слез, она причитала:

— *Ah, Nennillo mio, come farò senza di te?* — Ах, мой маленький господинчик, как же я буду жить без тебя?

Ее голос дрожал, а руки то и дело тянулись к его лицу, словно хотели запомнить каждую черточку.

Горечь ее причитаний Сандро не разделял. Да, ему было жаль расставаться с кормилицей и няней, но море манило сильнее. Он хотел стать гардемаринком, надеть мундир и встать на палубу, чтобы с подозрительной трубой вглядываться в горизонт. Поэтому он просто обнял Балию Лесси крепко, как в детстве, и сказал:

— *Scrivimi, Mammarella. Promettimi.* — Пиши мне, Маммарелла. Обещай.

³³¹ Пречетторе (итал. *Precettore*) — гувернер, главный наставник и учитель, отвечавший за общее образование ребенка (грамматика, латынь, история, этикет).

³³² Неннилло (неап. *Nennillo*) — уменьшительное от *nepno*, в неаполитанской речи XVIII века означало «маленький господин» или «господинчик». Так нежно называли ребенка, особенно из знатной семьи, кормилицы, няни и близкие слуги.

³³³ Балия Лесси (итал. *Balia Lessi*) — Кормилица Лесси. [итал. *Lessi* — уменьшительно-ласкательная форма женского имени *Alessia*]

Алессия и писала. Нечасто, с ошибками в словах, но каждое ее простое, незатейливое письмо он читал с особым теплом. Эти неровные строки приносили с собой запах родного дома и мягкость ее голоса.

Когда шестнадцатилетний гардемарин Филанджери прибыл на побывку в Неаполь, своей Маммареллы в палатце отца он не обнаружил. Мачеха сказала ровно, без особых эмоций:

— Она в Понтеканьяно. Я отправила ее в наш родовой замок.

Лудовика Бернадетта тогда изо всех сил пыталась заменить Алессандро мать. Собственных детей она так и не родила. Со старшим пасынком, Джулиано Лучио, отношения были напряженные, а вот младшего, которого застала пятилетним ребенком, она хотела называть сыном. Прямая конкуренция с кормилицей ей была ни к чему.

Мачеха и впрямь старалась сблизиться: подолгу расспрашивала о его учебе, планах, водила на светские рауты, знакомила с девушками, к которым советовала присмотреться:

— Эта, Алессандро, умна и хорошо воспитана... А та — из знатного дома... Приглядитесь и к этой, за ней дают внушительное доте...

У Алессандро не было серьезных поводов ссориться с Лудовикой, но свою Маммареллу он всё же навестил — втайне, чтобы ни мачеха, ни отец не знали.

И вот, вернувшись в Неаполь — уже взрослым, тридцативосьмилетним мужчиной и новым князем ди Сатриано и ди Арианиелло, — он в числе первых распоряжений повелел:

— Верните Алессию Маньяни!

Среди всего того хаоса и тяжести забот, что обрушились на плечи, ему хотелось видеть хотя бы одно родное лицо, при взгляде на которое сердце переставало сжиматься в тугой узел, а по груди растекалось то самое, знакомое с детства, согревающее тепло.

И вот теперь, едва взгляд Алессандро упал на его любимую Маммареллу, он впервые за этот день позволил себе улыбнуться.

Алессия изменилась. Она была женщиной с судьбой в глазах, но красота всё еще не покинула ее. Лучики морщинок лишь подчеркивали мягкость взгляда, в котором по-прежнему светило то же безусловное, любовное принятие. Седина уже настойчиво пробивалась в некогда иссиня-черных волосах, но серебряные нити только добавляли им благородного блеска. Ее осанка оставалась прямой, движения — уверенными, а улыбка была той самой, что когда-то умела успокоить его детский крик и высушить слезы.

Для Алессандро она была не просто кормилицей, а живой частицей его детства, его дома, прошлого, в котором еще были и покой, и уют, и вера в то, что мир может быть светлым, справедливым и добрым.

Услышав привычное «Маммарелла», женщина улыбнулась, быстрым шагом подошла к креслу и осторожно присела на его край. На ней было серо-коричневое платье, поверх которого лежало кремовое муслиновое канзу³³⁴ с вышивкой в тон. Оно оттеняло глубину ее темных, почти черных глаз, в которых, словно в тихой полнотной воде, отражающей лунный свет, искрилось мягкое сияние доброты и той любви, что не тускнеет даже с годами.

— Мне еще не довелось поздравить вас с женитьбой, ваша светлость, — произнесла она тихо, чуть наклонив голову, словно присматриваясь к его лицу.

По виду своего «неннило» Алессия не могла понять, рад ли он этому событию. По идее, новобрачный должен светиться от счастья, но на «бедного мальчика» обрушилось столько проблем и забот, что для радости могло не остаться места вовсе.

Ее опасения, к сожалению, подтвердились — ответ прозвучал тяжело, с оттенком гнетущей усталости:

³³⁴ Канзу, встречается написание канезу (фран. *canezou* — короткая кофточка) — косынка или платок больших размеров с длинными концами, из легкой ткани светлых оттенков или кружев, которые выполняли роль накидки, закрывающей шею и декольте дамы.

— Обстоятельства, при которых всё это произошло, выхолостили счастливую значимость этого события. Брат просто не оставил мне выбора. Сложись иначе, я бы еще лет десять не думал о браке.

— Но вашей светлости всё равно рано или поздно пришлось бы обзавестись наследником. Господь и святая Мадонна знают, что делают. Может, всё это — к лучшему? Вы так не считаете? — спросила она осторожно, будто боялась услышать отрицательный ответ.

Алессандро грустно усмехнулся, глядя чуть исподлобья:

— Я так скучал по твоему ласковому «неннилло»... А ты всё «ваша светлость» да «ваша светлость»...

Слова вроде бы были укором, но прозвучали необычно мягко, и Маммарелла чуть не расплакалась. Кончиком канзу она промокнула выступившие слезы и с еще большей теплотой в голосе произнесла:

— Теперь, когда вы стали князем, я ни за что не позволю себе так к вам обращаться.

Алессандро тихо улыбнулся, покачав головой:

— И тут титул стал помехой... — сказал он почти себе под нос.

Князь снял с хрустального кувшина, стоящего на геридоне, серебряную крышку, плеснул в стакан холодной воды и подал его кормилице:

— Держи, выпей... И не плачь. Настаивать не буду — хочешь величать меня «светлостью», ругать не стану.

Поднявшись из кресла, он прошелся по кабинету, и остановился возле стены, где висел портрет Джулиано Лучио. Некоторое время молча вглядывался в черты брата, затем тихо, с горечью в голосе произнес:

— Эх, братец... ну почему тебе не жилось на белом свете? Столько проблем ты после себя оставил...

— И соболезнавания я вам тоже не выразила, — тихо повинилась Алессия. — Боялась лишний раз тревожить. А еще... ваша мачеха... Она ой как недовольна тем, что я здесь.

Алессандро резко обернулся, и в его голосе проявилась твердость:

— Не обращай на нее внимания. Мачеха в этом доме не хозяйка. Хозяин здесь — я. И только я вправе диктовать свою волю. Если сказал, что ты будешь жить при мне, так оно и будет. Ты нужна мне.

Алессия осторожно отставила хрустальный стакан на геридон, поправила муслиновую косынку и, немного наклонив голову, произнесла:

— А ведь верно, вы зачем-то звали меня. Я могу быть вам чем-то полезна? — в голосе женщины звучала готовность к любому поручению. — Вы же знаете, ваша светлость: на меня можете положиться во всём. Вернее меня вам человека не сыскать.

Алессандро неторопливо вернулся к креслу и опустился в него, слегка ссутулившись.

— Да, Маммарелла, ты нужна мне, — он слегка помедлил, прежде чем продолжить, словно взвешивал каждое слово. — Отныне вместе со мной и моей женой будет жить племянница новой княгини. Эту девушку зовут Фьорелла Паломма. С этого дня я поручаю тебе быть ее личной служанкой.

Алессандро подцепил пальцами серебряную крышку и вернул ее на кувшин, на законное место, после чего продолжил:

— Фьорелла вчера хотела забрать с виллы Сильвестри свою няньку. Я воспротивился этому. Так что отныне все заботы об этой девушке я возлагаю на твои плечи.

Князь снова поднялся, прошелся по кабинету, его шаги звучали ровно, но напряженно. Остановившись лицом к окну, он заложил руки за спину, качнулся с носка на пятку, а после развернулся и понизил голос:

— Мне нужно, чтобы ты была не только ее камеристкой, но и моими глазами и ушами.

Мужчина вернулся к креслу и опустился в него. Его взгляд стал тяжелым, почти испытующим.

— Маммарелла, я поручаю тебе приглядывать за этой девушкой. Мне нужно знать, чем она занимается, что ее интересует, с кем встречается, о чем говорит.

Алессандро замолчал, словно собираясь с мыслями, затем произнес медленно и отчетливо:

— Если сумеешь, попытайся понять ее мысли. Я хочу знать всё: ее заботы, ее цели, ее желания, устремления. Словом всё, абсолютно всё, что ее касается.

Алессия напряглась. Ее лицо слегка побледнело.

— Отчего-то мне кажется, что эта девушка — угроза для вас, ваша светлость. Я ее ещё ни разу не видела, но то, что вы говорите...

Женщина замолчала, не закончив мысль, но встревоженный взгляд говорил больше, чем слова.

Алессия Маньяни, по мнению Алессандро, обладала редким и неоспоримо ценным качеством, которое было жизненно необходимо для любой прислуги: она умела вовремя замолчать или умолчать о том, что, по ее разумению, господам знать вовсе не следовало. Она могла смолчать, если обстоятельства того требовали, или промолчать, когда сама считала это необходимым. Умело замалчивала тайны господ и отмалчивалась при попытках расспросить ее со стороны других слуг. И, что удивительно, она ухитрялась помалкивать, несмотря на то, что внешне казалась словоохотливой, открытой и дружелюбной.

Алессандро невесело хмыкнул, но ответил твердо:

— Угроза мне Фьорелла или нет, я еще сам не разобрался, но, как говорится, опознанная угроза — уже ослабленная угроза.

Он взглянул на женщину с легкой улыбкой, в которой мелькнуло воспоминание:

— Помнишь отцовское: «не разгадав узел, его не развяжешь»? Будем развязывать этот узел с тобой вместе.

В этот момент в дверь кабинета постучали.

— Войдите, — отозвался Алессандро, переведя взгляд ко входу.

Дверь отворилась, и на пороге появился Карло Скальфаро. Он слегка поклонился.

— Ваша светлость, вы просили меня заглянуть к вам.

— Да, Карло, проходите. Мы уже закончили.

Алессия поднялась из кресла, расправила подол платья и, глядя на Алессандро, произнесла:

— Я всё поняла, ваша светлость. Разрешите идти?

— Да, ступай. Каждый вечер я буду ждать тебя с докладом.

Женщина поклонилась и вышла, прикрыв за собой дверь. Скальфаро проводил ее любопытным взглядом, задержавшись чуть дольше, чем следовало. Реакция протетторе на Алессию не ускользнула от Алессандро, и она совсем не понравилась ему.

Однако разбираться в причинах сейчас было недосуг. Князь легким движением руки указал на кресло по другую сторону геридона:

— Присаживайтесь, синьор Карло.

Сам он закинул ногу на ногу и, сцепив пальцы под коленом, устремил внимательный взгляд на протетторе:

— Итак, у меня есть к вам пара просьб. Они не касаются нашего основного дела. Это вопросы личные и весьма конфиденциальные. За их выполнение я заплачу вам отдельно.

Скальфаро, расправляющий в кресле полы камзола, слегка приподнял бровь.

— Вы меня заинтриговали, ваша светлость, — заметил он с легкой и немного хищной улыбкой, в которой сквозил неподдельный интерес.

Алессандро, чуть подавшись вперед, начал излагать суть:

— Первое дело касается Сильвио Пеллико, герцога ди Баньяра и Баранелло, князя ди Патерно. Вам знакомо это имя?

Лицо протетторе сначала отразило крайнее удивление, но вскоре сменилось выражением осмысленного понимания.

— Это имя, ваша светлость... Разумеется, оно мне знакомо. И, смею предположить, я догадываюсь, чем вызван ваш интерес к этой весьма неоднозначной персоне. — Он чуть склонил голову, и в его голосе прозвучала уже привычная деловая твердость. — Я не большой любитель сплетен. Меня интересуют факты, факты и только факты. Как говорится: «Слухи греют уши, а факты решают судьбы». Вы хотите, чтобы я собрал достоверные сведения об этом человеке, не так ли?

Алессандро, довольный таким откликом, ответил, сохранив на лице абсолютно непроницаемое выражение:

— Это лишь начальный этап моего интереса к этому человеку, но далеко не конечная цель.

Карло Скальфаро слегка сдвинул брови, задумчиво глядя в сторону. Было видно, что он перебирает в памяти известные ему факты, складывая их в невидимую мозаику.

Алессандро не спешил, предоставив собеседнику время. И вскоре терпение было вознаграждено: протетторе оказался не только проницательным, но и достаточно осведомленным, чтобы угадывать мысли собеседника.

— Правильно ли я понимаю, что речь пойдет о мести? — спросил он, чуть прищутив глаза. — Вы хотите отомстить князю ди Патерно за тот урон, что он причинил вашей семье?

Уголки губ Алессандро едва заметно дрогнули, выражая легкую степень довольства.

— Рад, что мы понимаем друг друга без лишних слов.

На губах Скальфаро вновь проявилась хищная улыбка, а голос его стал низким и обволакивающим:

— И всё же слова нам понадобятся. Я возьмусь за это дело, потому что в нем наши интересы неожиданно пересеклись.

Взгляд Алессандро оживился, в нем впервые за весь разговор проступило настоящее любопытство:

— Что вы имеете в виду? Поясните мне.

Синьор Скальфаро не торопился с ответом, и у Алессандро появилась возможность хорошенько его разглядеть. На вид мужчине было около шестидесяти лет. Возраст добавлял ему веса, заместив энергию молодости уверенностью в себе и холодной проницательностью.

Лицо резкое, с четкими линиями: высокие скулы, вытянутый подбородок, орлиный нос с легкой горбинкой. Черты выдавали человека, привыкшего держать любую ситуацию под контролем. Кожа — смуглая, глубокого оливкового тона, как у всех уроженцев юга Италии, гладкая, но с тонкими морщинами у глаз, оставленными скорее напряженной работой мысли, чем привычкой улыбаться или усталостью.

Глаза темные, почти черные, как сицилийская ночь. Они смотрели прямо, но никогда не выдавали внутренних намерений. Скальфаро умел вонзать взгляд в собеседника так, будто видел его насквозь, и в то же время оставаться непроницаемым, словно перед внутренним взором собеседника опускалась тяжелая бархатная завеса.

Из-под строгого парика на висках пробивались черные волосы с заметной проседью. Лоб высокий, открытый — признак человека, привыкшего мыслить стратегически. Четко очерченные брови чуть нависали над глубоко посаженными глазами, превращая их в два прицела, способных и обезоружить, и пригвоздить к месту. Тонкие губы легко сжимались в прямую линию и с той же легкостью могли растянуться в хищной полуулыбке, в которой всегда таился намек на знание, недоступное собеседнику.

Руки с тонкими, длинными пальцами выдавали человека, привыкшего к письму, документам и деликатной работе. Однако в их движениях чувствовалась скрытая сила — Скальфаро явно был способен держать клинок так же крепко, как и перо, если бы это понадобилось.

Одет он был безупречно: темный камзол из дорогой ткани, жилет с тонким, почти незаметным узором, белоснежная рубашка с манжетами, украшенными серебряными пуговицами. На шее — скромный, но идеально завязанный шейный платок. Его одежда не кричала о богатстве, но говорила о человеке, который привык вращаться в высшем обществе и разделяет мнение, что по одежке встречают.

В каждом движении Скальфаро чувствовалась выверенная настороженность. Он не суетился, не торопился, но и времени зря не тратил. Умел ждать, умел слушать, умел наблюдать — и это делало его опаснее любого горячего спорщика.

— Ну и?.. — Алессандро чуть наклонился вперед, нетерпеливо подталкивая протетторе к ответу.

Карло Скальфаро впервые взглянул на собеседника по-настоящему открыто, убрав привычную хищную маску.

— Ваша светлость, — начал он медленно, словно взвешивая каждую фразу, — вы сказали, что ваша просьба носит конфиденциальный характер. С моей стороны, то, что я поведаю вам сейчас, также не должно выйти за пределы этой комнаты.

Алессандро слегка вскинул брови, давая понять, что готов внимать. Скальфаро не заставил себя ждать.

— Видите ли, — он чуть склонил голову набок, — от некоторых действий этого человека пострадал сын одной моей клиентки. Эта синьора мне очень дорога. Я долго обдумывал, как можно отомстить за нее. План у меня созрел, но всё это время не находилось подходящего человека, способного заманить означенную вами персону в расставленную ловушку. Теперь я понимаю, что таким человеком можете стать вы.

Алессандро постучал пальцами по полированной поверхности геридона, обдумывая услышанное.

— Мечь?.. — произнес он коротко, но в голосе чувствовалась сталь.

— Такая же, как и с вашей стороны, — подтвердил Скальфаро, чуть сузив глаза.

— Могу я узнать, что случилось с сыном вашей знакомой? — спросил Алессандро, пристально глядя на собеседника.

Карло слегка отвел взгляд и, понизив голос, продолжил:

— Как вы понимаете, это дело деликатное. Скажу так: молодой человек был необычайно хорош собой. И на его беду эта красота стала приманкой для князя ди Патерно. Вы наверняка слышали о некоторых... скажем так: специфических пристрастиях этого человека. После тесного общения с ним юноша попытался лишить себя жизни. Его удалось спасти, но душевные раны заживали долго. В конце концов он ушел в монастырь.

Скальфаро сделал короткую паузу, и в его голосе прозвучала горечь:

— Благородная синьора лишилась не только единственного наследника, но и продолжателя рода.

Алессандро случайно перехватил взгляд Скальфаро, устремленный на его руку, лежащую на геридоне. Оказалось, он сжал кулак так, что все костяшки побелели.

Убрав ее к себе на колени, князь произнес ровно, почти бесстрастно, так, что невозможно было уловить всю глубину презрения, которое испытывал в этот момент к мерзкому Одуванчику:

— Что ж... Общая ненависть рождает самые крепкие союзы, даже между теми, кто едва знаком.

Он чуть подался вперед, глядя на протетторе испытующе:

— Мы с вами уже знакомы достаточно, синьор Карло, чтобы говорить откровенно. Возможно, я и сумел бы притушить свою ненависть к этому человеку за те беды, что он принес моему семейству. В конце концов, мой брат, в отличие от сына вашей клиентки, был взрослым человеком. Всё, что он делал со своей жизнью, было его собственным выбором.

Глаза Алессандро потемнели, голос стал жестче:

— Но князь ди Патерно осмелился сделать крайне непристойное предложение лично мне. А я подобного с рук никому не спускаю.

Он чуть усмехнулся, но в этой усмешке совершенно не было смеха:

— Вы правы. Я хочу отомстить этому человеку. Как верно подмечено: месть — это костер, у которого греются и друзья, и случайные спутники.

Князь вновь положил руку ладонью вниз на поверхность геридона и с нажимом произнес:

— Как понимаю, в этом деле мы с вами спутники НЕ случайные. Мы союзники и единомышленники и оба заинтересованы не просто наказать этого человека за всё то зло, которое он несет, но и навсегда обрубить ему возможность причинять вред — физический, финансовый и моральный — другим.

Карло Скальфаро, всё это время внимательно слушавший, чуть кивнул, глаза его блеснули.

— Задачу я понял, ваша светлость, — отозвался он неторопливо. — Но хочу уточнить один момент: какой вид наказания вы считаете для князя ди Патерно наиболее предпочтительным?

Алессандро откинулся на спинку кресла, в голосе появилась металлическая твердость:

— Карло, давайте говорить открыто, без обиняков. Я хочу, чтобы вы сами озвучили возможные виды наказания за содомию в Неаполитанском королевстве. Местные законы я знаю не слишком хорошо — вы ведь в курсе, что с двенадцати лет я жил в Испании.

Он чуть прищурился, словно пробивая взглядом невидимую стену:

— Так что может грозить князю ди Патерно, если его... греховные пристрастия станут достоянием публики?

Карло Скальфаро коротко хмыкнул:

— Ваша светлость, наказания за содомию в Неаполитанском королевстве суровы, — его голос звучал ровно, с той сухой констатацией и тенью холодного расчета, которую князь всегда замечал в этом человеке, — но гибкость их применения зависит от обстоятельств и, разумеется, от положения обвиняемого.

Он выдержал паузу, будто проверяя, готов ли собеседник услышать подробности, затем продолжил:

— Если речь идет о простолюдине или человеке без связей, наказание может быть беспощадным: тюремное заключение, конфискация имущества или даже смертная казнь, если дело будет доведено до церковного суда.

Карло поднял руку, выставив вверх указательный палец, как учитель, готовящийся сделать главное замечание:

— Но! — интонация стала резкой, будто он отсекал предыдущую мысль. — Для аристократа, особенно столь влиятельного, как князь ди Патерно, ситуация сложнее. Здесь всё зависит от того, насколько публичным станет обвинение.

Он начал перечислять, и с каждым пунктом голос его становился всё более суровым:

— Во-первых, — он выставил большой палец, словно начал какой-то внутренний отсчет, — потеря репутации. Его имя будет опозорено в светских кругах, что для многих хуже любого физического наказания. Во-вторых, — Скальфаро чуть прищурился и к большому пальцу присоединил указательный, — отлучение от двора. Король может лишить его привилегий, а то и титулов — фактически это означает политическую смерть. И наконец, — он сделал короткую паузу, добавляя к двум другим пальцам средний, а к своим словам — большей значимости, —

церковное наказание. Если дело дойдет до духовных властей, князь будет вынужден публично каяться в своих грехах. Для его рода это станет несмываемым позором. Скандал — это огромный валун, катящийся с горы, и он способен разнести в пыль даже самую родовитую крепость.

Скальфаро слегка подался вперед, голос его стал ниже, почти заговорщицким:

— Если обвинение будет подкреплено доказательствами, конфискация имущества и высылка за пределы королевства — одно из самых вероятных наказаний. Имущество может быть передано королевской казне или пострадавшей стороне, если она заявит о нанесенном ущербе.

Он замолчал на мгновение, а затем добавил уже тоном, в котором слышался ледяной металл:

— Но, как вы понимаете, ваша светлость, такие дела редко доходят до официального суда, если обвиняемый обладает властью или связями. Обычно их решают тихо, без лишнего шума.

Алессандро, облокотившись на подлокотник кресла, едва заметно кивнул, не прерывая собеседника и давая Скальфаро возможность развить мысль.

— Если ваша цель — избавиться от князя ди Патерно, но так, чтобы ваше имя при этом осталось в стороне, — протетторе говорил неторопливо, чуть прищурившись, — могу предложить несколько вариантов: от полного его устранения до громкого скандала с лишением титула и высылкой из страны.

Карло чуть подался вперед, и в его глазах на миг сверкнул холодный, колющий блеск. Алессандро, напротив, откинулся в кресле, медленно проводя пальцами по подбородку; взгляд был сосредоточенным, но в нем уже угадывалась твердая решимость.

— Нет, быстрой и легкой смерти этот мерзавец не заслужил, — казалось, голос князя прихватило изморозью, и он прохрустел ломающейся корочкой поверхностного льда. — Для меня предпочтительнее второй вариант — скандал, лишение титула и высылка. И еще... — он сделал короткую паузу, — было бы неплохо, чтобы у него конфисковали деньги и земли. Пусть скитается по свету с нищенской бурьякой³³⁵, кланяясь каждому за кусок хлеба. Вряд ли, лишенный всего, он сохранит охоту к гнусным утехам, и ни одна душа больше не угодит в его липкие, паучьи тенета.

Князь прочесал пальцами густые распущенные волосы, словно стирая подобным образом имеющееся напряжение.

— Итак, с этим вопросом покончено. Жду от вас развернутый план нашей общей мести. Деньги на ее свершение у меня есть. Дам ровно столько, сколько потребуется.

— Хорошо, ваша светлость. — Скальфаро кивнул, принимая информацию клиента. — За финансовую сторону можете не волноваться. Думаю, моя знакомая тоже захочет приобщиться к нашей с вами мести. Князь ди Патерно, каким бы он могущественным ни был, вряд ли сумеет противостоять триумvirату обозленных на него нас.

Он выдержал короткую паузу, словно наслаждаясь весом своих слов, затем добавил с легкой улыбкой, в которой читалась холодная ирония:

— Один может ошибаться, двое могут спорить, но трое — вершат судьбы!

Скальфаро замолчал на миг, словно давая Алессандро осмыслить услышанное, а затем, чуть подавшись вперед, произнес с любопытством, которое едва угадывалось в его тоне:

— Ваша светлость, когда я вошел в ваш кабинет, вы упомянули, что у вас есть две просьбы. С первой, как понимаю, разобрались. Задачу я понял. Какова вторая?

Алессандро протяжно вздохнул, его взгляд на мгновение задержался на окне, словно искал там ответы на свои мысли.

— Вторая просьба важна для меня не меньше, а может быть, даже больше, синьор Карло.

³³⁵ Бурьяка (исп. *burjaca*) — котомка, сума, торба (странника, нищего).

Скальфаро изогнул бровь, его лицо озарила тень легкого удивления, а в глазах мелькнул живейший интерес.

— Я слушаю, ваша светлость, — голос прозвучал мягко, но с той выверенной настороженностью, которая всегда делала его опасным собеседником.

Алессандро какое-то время молчал, будто пытался сообразить, что следует озвучивать, а что оставить за гранью обсуждения. Его пальцы медленно скользили по подлокотнику кресла. Затем он заговорил, голос звучал ровно, но в нем угадывалась внутренняя напряженность:

— Я хочу, чтобы вы собрали для меня полный пакет документов касательно одной особы. Ее имя — Фьорелла Паломма Сильвестри. Мне нужно знать о ней всё. Буквально всё.

Он сделал короткую паузу, словно подчеркивая вес своих слов, а затем продолжил:

— Я хочу узнать, кто ее родители, деды и бабки. Как она попала в семью моей супруги? Хочу, чтобы у меня на столе лежали копии документов о ее рождении, свидетельства о смерти родителей, отчеты о полученном ею наследстве. Хочу знать, какие отношения ее связывают с адвокатом Витторе Жиральдо Ранелли и какие поручения в отношении нее от прежнего опекуна он имеет.

Алессандро слегка переменял позу, скрестив руки на груди.

— Кроме прочего, мне нужна подробная информация о ее женихе, некоем Луке Саверио Эспозито. Кто он такой, кто его отец и чем они занимаются. Словом, всё — абсолютно всё. Полная картина и полная ясность.

Карло Скальфаро хмыкнул, его глаза на миг сузились.

— Не могли бы вы озвучить причину вашей заинтересованности в этой синьорине? — поинтересовался он как можно более осторожно.

Мужчина никак не мог предположить, что на вполне логичный и оправданный вопрос последует резкое, отрывистое:

— Нет.

Это «нет» прозвучало ледяным хрустом, будто князь изо рта айсберг выплюнул. Филанджери резко поднялся из кресла, его движения были быстрыми, почти порывистыми. Он подошел к письменному столу, выдвинул один из ящичков, извлек оттуда небольшой мешочек и, вернувшись, бросил его на поверхность геридона. Звук удара монет о дерево на мгновение заполнил комнату.

— Это задаток за информацию, которую я затребовал, — его голос звучал сдержанно, но в глазах читалась холодная решимость. Чуть подавшись корпусом к собеседнику, он произнес на пару тонов тише: — Хочу предупредить: это дело еще более конфиденциальное, чем то, что мы обсуждали вначале. Никто, ни единая душа, включая жениха девушки, ее адвоката, мою супругу, абсолютно никто не должен знать, что я собираю информацию о синьорине Сильвестри.

Князь отклонился назад, его взгляд стал более жестким, почти пронзительным:

— И еще. Папка со всеми документами, касательно второй моей просьбы, должна лежать у меня на столе в максимально короткие сроки.

Карло Скальфаро пожевал в задумчивости узкие губы, затем неспешно сгреб мешочек с монетами с поверхности геридона и сунул его в карман камзола. Поднявшись из кресла, он произнес с легким оттенком задумчивости:

— Что ж, обе задачи мною поняты и приняты. Постараюсь в ближайшее время представить вам план действий относительно первого вопроса. Над ним я и сам не раз размышлял, и у меня уже есть несколько заготовок, которые следует просто более тщательно обмозговать.

Он сделал паузу, затем добавил, чуть нахмурив брови:

— Ну а со вторым... Здесь потребуется немного больше времени. Собрать исчерпывающую информацию — задача не из простых. Тем более, мне не совсем понятно, под каким углом зрения вы хотите видеть это дело.

Алессандро резко перебил его, в голосе зазвучали приказные и несколько раздраженные нотки:

— От вас требуется просто собрать исчерпывающую информацию. Всё, что будет доступно и возможно. Угол зрения на это дело буду определять я сам.

Карло Скальфаро поджал губы, его лицо стало непроницаемым, словно он натянул на себя гипсовую маску. Коротко кивнул, но в его глазах мелькнуло что-то, что могло быть смесью любопытства и скрытой настороженности.

— Что ж, пусть так. В любом случае свою задачу я понял, — его голос прозвучал с выверенной нейтральностью, которую этот человек обычно использовал, когда не хотел дать собеседнику и толики возможности раскрыть свои мысли.

Алессандро позволил себе короткую, одобрительную усмешку.

— Вот и отлично. Тогда не смею вас больше задерживать, синьор Карло.

Протетторе медленно выпрямился, поправил полы камзола и слегка склонил голову в знак уважения.

— Будьте уверены, ваша светлость, я приступлю к обеим задачам незамедлительно.

На мгновение он задержал взгляд на князе, словно хотел что-то добавить, но вместо этого развернулся и направился к двери.

Когда Карло Скальфаро покинул кабинет, Алессандро Дамиано подошел к письменному столу, достал из потайного ящика кожаную папку, уселся поудобнее, вынул брачный договор Фьореллы, который прихватил вчера в палаццине Сильвестри, и принялся его читать:

Во имя Господа нашего Иисуса Христа, и под счастливым и благословенным владычеством Его Католического Величества Фердинанда IV, по милости Божией Короля Неаполя и Сицилии.

В лето от Рождества Христова тысяча семьсот семьдесят первое, месяца июня дня пятого, в верноподданнейшем граде Неаполе, в доме и канцелярии достопочтенного синьора Витторе Жиральдо Ранелли, виконта Моразини, laureato in utroque iure³³⁶, адвоката Королевской палаты и публичного нотариуса по особой лицензии Его Католического Величества, пред лицом свидетелей, достойных и надлежащим образом призванных, предстали:

— с одной стороны — благородная девица Фьорелла Паломма Сильвестри, законная и природная дочь покойного синьора Доменико Феличе Сильвестри и покойной синьоры Летиции Йоланды Сильвестри, урожденной Алессандри, виконтессы ди Леттере из церковного прихода Сан-Страто-а-Позиллипо³³⁷;

— с другой стороны — синьор Лука Саверио Эспозито, законный и природный сын ныне живущего синьора Джованни Баттисты Эспозито и живущей синьоры Марии Джованны Эспозито, урожденной Баретти, из церковного прихода Санта-Катерина-а-Кьяйя³³⁸.

Оные, по взаимному согласию и доброй воле, постановили вступить в брак по законам Святой Матери Церкви и по установлениям Королевства, и к тому заключили и утвердили настоящие брачные условия следующего содержания...

³³⁶ *Laureato in utroque iure* (лат.) — образованный в обоих правах (гражданском и каноническом).

³³⁷ Сан-Страто-а-Позиллипо (итал. *Parrocchia di San Strato a Posillipo*) — исторический церковный приход в районе Позиллипо, основанный в XVI веке. В XVIII столетии обслуживал аристократические семьи, владевшие виллами на живописном холме над Неаполитанским заливом.

³³⁸ Санта-Катерина-а-Кьяйя (итал. *Parrocchia di Santa Caterina a Chiaia*) — приход в престижном прибрежном районе Кьяйя, известном как место проживания состоятельных горожан и знати. В XVIII веке Кьяйя была центром светской жизни и модных собраний.

Дочитав текст брачного договора, Алессандро медленно отложил бумаги на стол. Его взгляд задержался на документе, словно пытался осмыслить всё, что только что узнал. Этот текст преподнес несколько неприятных открытий, каждое из которых, казалось, добавляло веса на его плечи.

Во-первых, адвокатом семейства Сильвестри оказался не кто иной, как виконт Моразини. Моразини! Это имя заставило его нахмуриться. Алессандро был знаком со старшим братом этого законника. Альфредо Северо — дипломат. Он несколько раз по делам Неаполитанского королевства приезжал в Мадрид. Там, при дворе они и познакомились.

Воспоминания о старшем Моразини всплыли в памяти очень ясно, будто это было вчера. Альфредо произвел на него самое благоприятное впечатление. Умен, прекрасно образован, энциклопедически начитан, по-хорошему амбициозен. Последнее было скорее достоинством, чем недостатком. За этим качеством угадывалось легкое высокомерие, которое, однако, не портило общего впечатления.

Алессандро вздохнул, провел рукой по волосам и нахмурился еще сильнее.

— Если младший Моразини хотя бы отчасти похож на старшего, с ним будет непросто, — пробормотал он себе под нос.

При обсуждении брачного договора виконт успел довести князя до края терпения своей въедливостью и крайне педантичным подходом к делу. «Испил не одну караффу моей, княжеской, крови, — подумал Алессандро с мрачной усмешкой. — Да, младший Моразини будет опасным соперником», — сделал он неутешительный вывод.

Но не это было главным открытием.

Алессандро вновь взглянул на бумаги, и его губы скривились в легкой гримасе. Оказалось, что в своей оценке синьорины Сильвестри он не ошибся ни на grano: Фьорелла Паломма — девушка благородных кровей!

Ее мать — виконтесса ди Леттере. Леттере! Филанджери прекрасно знал это небольшое феодальное владение и городок в горах Латтари, неподалеку от Граньяно и Кастелламаре-ди-Стабия. Он вспомнил: Леттере славился своим средневековым замком, который, по всей видимости, принадлежит предкам Фьореллы по материнской линии.

Алессандро скривился еще сильнее, откинулся в кресле и раздраженно побарабанил пальцами по столешнице.

— Я же сразу почувствовал в этой девушке породу, — произнес он тихо, почти себе под нос.

Что тут сказать? Благородная кровь — не водица. Манера изъясняться, владение собой, умение держать спину ровно в любой ситуации... Всё это сразу бросилось ему в глаза. Фьорелла Паломма Сильвестри — не чета своей безродной тетке.

Но главное открытие его ждало в финале прочитанного документа, где была прописана сумма денежной составляющей доте невесты.

Алессандро вновь вернулся к документу, вцепился глазами во впечатлившую его внушительную цифру доте пекуньяриа, откинул бумагу на стол и откинулся спиной в кресле сам. Сложил руки на груди и усмехнулся — жестко, досадливо, с оттенком раздражающей горечи.

— Эта девушка гораздо богаче, чем моя нынешняя жена! Она наследница обоих Сильвестри, отца и дяди, — произнес он вслух со злой иронией в голосе.

Мысль не просто мелькнула в сознании, она пронзила, словно острый клинок, не мозг даже, а какой-то орган в груди, оставив неприятный, почти физически болезненный осадок. Алессандро вдруг понял: Фьорелла Паломма Сильвестри была бы для него идеальнейшей партией. Самой лучшей! Не просто более выгодной. Не одними лишь цифрами в брачном договоре. Не просто коммерческой сделкой. Нет! Совершенно другой. Она была тем редким сочетанием, которое было ему и по душе, и по сердцу.

С ней не пришлось бы заставлять себя идти на компромиссы, ломать свои желания ради холодного расчета. Не пришлось бы принуждать тело к выполнению супружеского долга. Оно само, с бешеной, необузданной тягой, рвалось бы к ней, стремилось владеть, жаждало ее, как прохладной, освежающей воды в знойной пустыне.

То есть, если бы он не поторопился, если бы подошел к выбору невесты с той же тщательностью, с коей виконт Моразини ведет свои дела... Если бы не отказался в свое время от обеда, предложенного Лукрецией, тогда еще просто невестой, на котором та хотела представить ему племянницу... Новой княгиней ди Сатриано и ди Арианиелло вполне могла бы быть эта красивая и притягательная малышка!

От одной только этой мысли Алессандро внезапно обдало жаром. В груди словно вспыхнуло пламя, а внизу живота так потяжелело, что кюлоты показались на размер меньше, чем были прежде.

Мысль эта ворвалась в его сознание, растоптав всё, что привык считать важным: статус, титулы, деньги. Всё это вдруг показалось мелким, ничтожным по сравнению с образом, который поселился отныне в его голове и груди. Образом, который жег и манил одновременно.

И всё же осознание пришло слишком поздно. Теперь Фьорелла была недостижима, словно звезда, что светит с небес, но остается далекой и чуждой. Это болезненное чувство — смесь желания и сожаления — разрывала его изнутри и заставляла в отчаянии сжимать кулаки.

Князь тяжело вздохнул, с трудом сдерживая досаду. Он ощутил, как недовольство собой разливается по венам, подобно горькой настойке. Какой же он болван!

— Вот уж воистину правильно говорят, — пробормотал он себе под нос, — в спешке и князь, и бедняк одинаково глупы. В делах сердца, как и в финансах, торопливость — сплошной убыток.

Он тяжело вздохнул, провел широкой ладонью по лицу, будто хотел стереть невидимую маску досадного разочарования, и поднялся из-за стола. Неспешно направился к окну, но, дойдя до него, вдруг замер на месте.

Перед глазами открылся вид на розарий. Там, возле арочной шпалеры, увитой цветущими белыми розами, стояла та, о ком только что думал, — Фьорелла Паломма Сильвестри.

Девушка, наклонившись, нюхала одну из роз, а затем, словно зачарованная, осторожно трогала лепестки кончиками пальцев. Этот невинный жест почему-то показался Алессандро бесконечно трогательным. Но вдруг Фьорелла неожиданно замахала рукой, отгоняя что-то в воздухе. По всей видимости, осу или пчелу, которая не желала улетать.

Девушка попыталась отмахиваться уже обеими руками, а затем, со смехом, побежала по дорожке, ведущей в сторону палатчины. Ее нежный смех упал увесистым булыжником в низ живота, расплескав по телу обжигающие брызги желания. Алессандро поймал себя на мысли, что глупо улыбается.

Смех синьорины Сильвестри был звонким, легким, как искры пенных брызг, взлетевших над палубой после удара о борт морской волны. Он пробудил в князе слегка подзабытое чувство свободы и свежести, отполировал проржавевшие струны его души. И причиной тому была именно эта девушка. Это в ней была эта... свежесть! Как запах чистого воздуха после проливного дождя, как растертые в пальцах иголки пинии³³⁹, как капли росы на лепестках розы. Рядом с этой юной синьориной у Алессандро возникало ощущение освежающего ветра в лицо в полуденный зной.

Женщины никогда не занимали мысли Филанджери. Они были для него всего лишь инструментом, о котором нет причины задумываться. Инструментом расслабления, инструментом наслаждения, инструментом отвлечения от других неотвязных мыслей. А вот теперь такой неотвязной мыслью стала для него малышка Фьорелла. Со вчерашнего дня она была

³³⁹ Пиния, или Сосна итальянская (лат. *Pinus pinea*) — вечнозеленое дерево семейства сосновых.

единственной, на ком сходились все мысли. Образ синьорины Сильвестри не отпускал его сознание. Напротив, становился всё более и более навязчивым. О чем бы Алессандро не подумал, чем бы не занялся, кривая дорога его сознания всякий раз выводила к ней, этой девушке, что стала причиной сладких грез в его первую брачную ночь с совершенно другой женщиной.

Эта малышка, определенно, обладает колдовскими чарами, другой причины того, что весь ее вид так завораживает его, Филанджери найти не мог. Она вся, с головы до ног, — *promesa* — обещание. Обещание несказанного удовольствия, невыносимого блаженства и райского наслаждения. Эта крошка вся, с ног до головы, сплошной соблазн для него. Дьявольский соблазн. Опасный. Неодолимый. Лишающий воли, сводящий с ума, превращающий сердце в пожирающий всё и вся огонь, окуливающий душу дурманом желания.

Казалось бы, томительный жар молодости давно ушел в прошлое, но теперь, глядя на юную девушку, Алессандро чувствовал, как что-то давно забытое, почти угасшее, оживает в его душе. Ее грация, легкая улыбка и невинная безмятежность пробуждали воспоминания о тех днях, когда мир казался полным обещаний, а каждый миг — бесконечно ценным.

Было непросто, но Алессандро научился жить без сожалений. Он связал в узел свои желания и выбросил за борт корабля былые мечты. Он заставил себя жить исключительно морем. И от этого его жизнь стала понятной и правильной. И вот теперь, стоило только взглянуть в эти манящие, как преддождевое небо, глубокие серые глаза, как все прежние установки полетели в тартарары.

Как такое вообще возможно? Увидеть женщину — и с первого взгляда заикнуться на ней. Наверное, это какое-то адское проклятие. Эта девушка — кара за все прегрешения, посланная Господом. Его персональное Чистилище. Она и есть сам ад, а ему безумно хочется сделать ее своим раем. Своим персональным раем, созданным исключительно для него.

Алессандро еще вчера почувствовал, что жизнь уже не будет прежней, но списал поначалу это ощущение на женитьбу, на то, что теперь каждый день перед глазами будет маячить нелюбимая жена. А сегодня за завтраком понял: дело не в Лукреции, а в этой самой малышке, один беглый взгляд на которую вынуждает кровь нестись по венам с бешеной скоростью, а отслеживание ее робких, но изящных и благородных движений воспламеняет все внутренности похлеще кресала³⁴⁰.

Может, так сработало правило: дьявола всегда привлекают хрупкие, нежные девственницы, но сегодня за завтраком ему безумно хотелось выскочить из-за стола, схватить малышку за плечи и хорошенько встряхнуть, так, чтобы не смела больше отводить от него свой взгляд, чтобы смотрела прямо в глаза, чтобы по ним он мог читать ее, и чтобы его больше не изводила изнутри потребность видеть эти умные, говорящие глаза цвета предгрозового неба, которые манили своей невероятной глубиной. Эта притягательная бездна дразнила и не отпускала.

Алессандро всегда казалось, что он обладает завидной, исключительной выдержкой, но, как выяснилось, она всё же не имела того резерва, который мог бы способствовать противостоянию набирающему гигантскую, несокрушимую силу желанию. Он в самом страшном сне не мог представить, что в нем когда-нибудь завертится подобная эмоциональная кутерьма. Ему стало казаться, что всё тело превращается в скопище осколков гигантского магнита. Их в нем миллиарды и все они с неистовой силой тянут к ней, к той, на которую этот магнит нацелен.

Алессандро вновь устремил взгляд на Фьореллу, всё еще пытающуюся отогнать назойливое насекомое. Ее легкие, почти танцующие движения притягивали внимание, и этому притяжению трудно было сопротивляться.

«Нет, на эту девушку невозможно смотреть без тайных, мучительных желаний», — мелькнуло в голове, и мысль эта вызвала в князе горькое сожаление.

³⁴⁰ Кресало — стальная пластинка для высекания огня из кремня; огниво.

Каждый жест — то, как она отмахивалась от крылатой назойливой угрозы, то, как игривый смех наполнял нежное лицо живым светом, — пробуждал в нем странный, почти болезненный прилив возбуждения. Всё в ней, от легкого изгиба тонкой шеи до изящного движения рук, казалось воплощением соблазна, который не мог оставить его душу в покое.

Вдруг Фьорелла подняла голову, и их взгляды неожиданно встретились. Ее улыбка тотчас сползла с лица. Она резко остановилась, словно пойманная врасплох, и обхватила себя руками, будто пытаясь спрятаться, защититься. Затем, не поднимая глаз, спешно направилась дальше по дорожке. Через мгновение изящная, хрупкая фигурка исчезла из виду, растворившись среди зелени сада.

Алессандро еще раз провел ладонью по лицу, пытаясь утихомирить всколыхнувшиеся мысли и чувства. Ощувив обручальное кольцо на безымянном пальце, князь снял его и тупо уставился на золотой ободок, ставший зримым свидетельством злой насмешки Фортуны, о которой с таким пренебрежением совсем недавно отзывался. Что тут сказать? Богиня удачи жестоко отомстила. Или это Господь сыграл с ним эту дьявольски злую шутку?

Дентале³⁴¹, бесстрашный хищник в своей стихии, в корзине торговца деревенеет. Это не страх перед смертью, не боязнь узкого пространства. Это парализующий эффект непривычного для него состояния. Некогда быстрый, ловкий, способный на молниеносные броски, хищник, попадая на крючок, становится беззащитной добычей. Так и самый крепкий и волевой человек оказывается беспомощным перед зародившимся в нем влечением.

Как же права была известная куртизанка Нинон де Ланкло, сказавшая однажды: «Слабый пол сильнее сильного в силу слабости сильного к слабому».

Алессандро отвернулся от окна и прошелся по кабинету. Взгляд упал на стеллаж с книгами отца по тактике и стратегии военного дела. «Интересно, есть ли среди них трактат, в котором описана стратегия, как удержать крепость разума под натиском плотского соблазна?» — вопрос прозвучал в мыслях, как горькая насмешка над самим собой.

Князь распрямил зажатую в кулак ладонь и снова взглянул на обручальное кольцо. Натягивая его на безымянный палец, неожиданно вспомнил одну из любимых поговорок Шеймуса О'Рурка: «*Haste is wont to beget repentance*. — Поспешность имеет обыкновение рождать раскаяние».

«Да, жизнь — та еще шельма, — промелькнуло у него в голове, вызвав кривую усмешку. — Только запасешься карточными козырями, а она уже предлагает разыграть шахматный эндшпиль³⁴²».

³⁴¹ Дентале (итал. *dentale*) — средиземноморский зубан. Крупный, сильный и быстрый хищник из семейства спаровых.

³⁴² Эндшпиль (от нем. *Endspiel*, буквально — заключительная игра) — заключительная часть шахматной или шашечной партии.

Глава 7

Раннее утро в спальне Фьореллы Паломы встретило девушку щедрым потоком солнечного света, льющим сквозь распахнутые настежь окна. Тяжелые бархатные гардины были разведены в стороны, словно театральный занавес, открывший искусно нарисованный задник сцены: красивый вид на бирюзовую гладь Неаполитанского залива, окутанные синеватыми тенями острова Искья³⁴³ и Прочида, силуэт Везувия с вьющимся над ним белым завитком легким дымком, а на переднем плане — потрясающий красками и ароматами цветник. Теплые лучи смягчали строгий облик комнаты, делая ее чуть более приветливой и уютной, лишенной той холодающей бездушности, что порой царит в старинных покоях. Казалось, время здесь остановилось — ни один штрих не изменился с прошедших веков.

Все стены спальни были завешаны для тепла и красоты французскими готлисами³⁴⁴ и итальянскими арацци³⁴⁵ — безворсовыми коврами и шпалерами, сотканными в предыдущие столетия. Их мрачные поверхности немного оживлялись религиозными сценами из жития Пресвятой Богородицы. Золото и серебро тянулись в узоры, как солнечные и лунные блики, застрявшие в ткани. Гобелены перекликались по цветовой гамме с тяжелыми бархатными портьерами глубокого бордового тона, которые в полумраке казались почти черными.

Более светлый бархат балдахина над широкой кроватью мягко оттенял резьбу четырех витых столбов из мореного дуба — древесины, чье глубокое темно-коричневое свечение напоминало о вековой выдержке. В том же строгом тоне были и все предметы мебели: монументальный платяной шкаф армадио³⁴⁶; резной сундук кассоне, в котором хранили носильные вещи; комод для постельного белья с тяжелыми выдвижными ящиками, пахнущими старым деревом; креденца для ценностей и украшений; тавало — стол для письма; кассапанка — длинная скамья с ящиком внутри у изножья кровати; а также стулья фартингейл³⁴⁷, обитые бархатом густого малинового цвета с темно-коричневым узором.

Даже деревянное лампадарио³⁴⁸ и створки складного паравенто³⁴⁹ были окрашены в тот же мрачный тон. Казалось, ширма эта появилась в интерьере спальни напрямую из мрака Средневековья: лаковые миниатюры, потускневшие от времени, всё еще хранили суровые лики святых, предостерегающих владельцев этого помещения от любого греха и пагубы.

Всё вокруг дышало тяжелой, почти давящей атмосферой — смесью воплощенного благочестия, унаследованного старинного богатства и нарочито-холодной торжественности. Находиться здесь было непросто: стены сжимали пространство и постоянно напоминали Фьорелле,

³⁴³ Искья (итал. *Ischia*) — остров в Тирренском море (часть Средиземного моря), входит в состав итальянской провинции Неаполь в регионе Кампания южной Италии. Является одним из трех главных островов в Неаполитанском заливе, наряду с Капри (итал. *Capri*) и Прочида (итал. *Procida*).

³⁴⁴ Готлис (франц. *haute-lisse* (—*lice*)) — тканые обои, шпалеры; гобелены.

³⁴⁵ Арацци (итал. *arazzi*, множ. ч. от *arazzo*) — безворсовые ковры или шпалеры, часто декоративные, которые использовались для украшения стен; название происходит от французского города Аррас, где в XIV веке производили знаменитые шпалеры с золотыми и серебряными нитями.

³⁴⁶ Армадио (итал. *armadio*), кассоне (итал. *cassone*), комод (итал. *comò*), креденца (итал. *credenza*), кассапанка (итал. *cassapanca*) — предметы итальянской мебели XVIII века.

³⁴⁷ Фартингейл (англ. *farthingale*) — тип кресла без подлокотников, появившийся в XVI веке в Англии и распространившийся по всей Европе. Оно было специально рассчитано на то, чтобы в нем могла удобно расположиться женщина, одетая в платье с широким каркасом-подбюбником. В итальянских интерьерах такие стулья встречались в XVII веке как элемент аристократической мебели, особенно в женских покоях.

³⁴⁸ Лампадарио (итал. *lampadario*) — массивная и богато украшенная люстра, символ престижа неаполитанской аристократии. В XVIII веке такие светильники изготавливались из позолоченного дерева или металла и украшались подвесками из горного хрусталя или муранского стекла.

³⁴⁹ Паравенто (итал. *paravento*) — напольная ширма, состоящая из нескольких обтянутых тканью или расписанных панелей.

что она — лишь случайная, временная гостья в этом чуждом ей мире. Но выбора не было. Князь распорядился поселить племянницу супруги именно в эти покои.

Из обрывочных перешептываний прислуги Фьорелла постепенно сложила картину: эта комната на вилле «Делле-Розе-ди-Позиллипо» была особенной. Особенной — и зловещей. Уже много лет она стояла пустой, словно сами стены отвергали живое в ней присутствие. Служанки говорили, что без малого сорок лет назад здесь обитала мать нынешнего владельца палаццины, и всё в этих покоях, от тяжелых шпалер до строгих деревянных шкафов, было создано по ее вкусу.

Самая старая женщина из прислуги по имени Ромина — сухонькая, с лицом, изрезанным морщинами, как старый пергамент, — прибираясь при Фьорелле, доверительным шепотом поведала историю, от которой в комнате стало заметно холоднее.

Прежняя княгиня была до крайности религиозна, ее набожность порой переходила в болезненную, почти фанатичную экзальтацию. В один из таких мрачных приступов, вскоре после рождения второго сына, нынешнего владельца этой палаццины, она... шагнула из окна спальни, упала крайне неудачно, ударившись головой о булыжник цветника и через пару часов агонии скончалась.

Фьорелла никак не могла увязать этот поступок с образом богобоязненной женщины: как можно было так безжалостно оборвать собственную жизнь, если вера для тебя — всё? Девушка знала, что в глазах Церкви самоубийство — один из самых страшных и непростибельных грехов, лишаящий душу надежды на отпущение. Как женщина, чья жизнь пропитана молитвой, как церковные покрова ладаном, могла решиться на такой поступок? Этот парадокс не укладывался в сознании Фьоры. Впрочем, она не слишком углублялась в эти размышления — собственных тревог и волнений хватало с избытком.

Но факт оставался фактом: Фьорелла жила и спала в комнате, где когда-то жила и... умерла самоубийца. Это знание, как январский холод³⁵⁰, вымораживало ее изнутри каждый вечер и каждую ночь. Казалось, что стены помнят всё — отчаянные молитвы, торопливые шаги, предсмертный крик и тот последний звук, после которого в покоях навсегда поселяется зловещая тишина.

Отсутствие рядом единственного по-настоящему близкого человека — бывшей няни, а позже и верной камеристки Марии Кончетты Валентини — только усугубляло подавленность Фьоры. С детства она называла эту женщину ласково, по-домашнему: Татина Марьючча³⁵¹, и в этом имени звучало тепло детских лет — защита, забота и тихая, мягкая нежность.

Но в день своего венчания, забрав Фьореллу из дома покойного дядюшки, князь холодно распорядился оставить всех слуг на вилле.

— В моей палаццине этого добра с избытком. Лишнее там ни к чему, — сказал он, как отрезал, и в его тоне не подразумевалось и толики возможности для обсуждения.

Единственным утешением было то, что тетя Лукреция свою служанку тоже не взяла. Фьора так и не поняла, было ли это решением самой тети или велением теперешнего супруга. Станным образом этот незначительный факт отчасти смягчил горечь княжеского приказа и словно бы уравнивал ее теперь уже с княгиней ди Сатриано и ди Арианиелло: в своей потере Фьорелла оказалась не одна.

³⁵⁰ Январь в Неаполе и вообще на побережье Кампании считается самым холодным месяцем. Средняя температура днем в это время около +11 °С, ночью — +4 °С, но ощущается прохладнее из-за влажности и ветров с моря. В неаполитанском диалекте есть выражение: *A gennaio, o friddo nun manca maie*. — В январе холод никогда не подводит.

³⁵¹ Татина Марьючча (итал. *Tatina Mariuccia*) — ласковое обращение, состоящее из уменьшительной формы *tatina* (нянюшка) и уменьшительного имени *Mariuccia* (от *Maria*), которое можно перевести как Марьюшка. Подобные двойные уменьшительные формы характерны для семейных и доверительных отношений в итальянской культуре, особенно между ребенком и его воспитательницей или кормилицей.

Впрочем, в тот день ее мир перевернулся так неожиданно и резко, что даже если бы она захотела воспротивиться воле его светлости, сил на это не нашлось бы точно. Ошарашенная, подавленная и сбита с толку его приказом, она ощущала себя пленницей обстоятельств, лишенной права голоса. Привычный уклад жизни рушился, и ей отчаянно, до боли не хватало тихого шепота Татины Марьюччи, умевшей одним словом согнать слезы и вернуть в сердце тепло.

Некоторым утешением для Фьореллы стало то, что ее камеристкой князь назначил женщину, оказавшуюся на удивление приятной. Алессия Маньяни была примерно того же возраста, что и ее дорогая нянюшка, и это сходство невольно согревало душу.

Поначалу новая камеристка держалась настороженно, словно ступала в общении с новой госпожой по тонкому льду: на ее красивом лице редкой гостьей была улыбка, а глаза казались внимательными и выжидающими. Было видно, что Алессия приглядывается, прислушивается и даже «принюхивается» к новой хозяйке, стараясь понять, что за человек перед ней.

Но с течением дней лед начал таять. Женщина сделалась разговорчивее, и светлая, мягкая улыбка всё чаще озаряла ее лицо, становившееся от того еще более привлекательным. Фьорелла тоже начала сбрасывать невидимую броню. Ее манера общения менялась на более свободную, а тон — на более теплый и доверительный.

Впрочем, полторы недели — довольно щедрый срок, чтобы узнать человека. Бывает, достаточно одного-единственного разговора, чтобы всё стало ясно и понятно. Фьоре хватило всего трех утренних бесед за одеванием и пары вечерних за раздеванием, чтобы понять, кто и с чем в душе теперь будет входить в ее комнату без стука.

Сегодня Алессия Маньяни порадовала Фьореллу букетом свежесрезанных цветов. Они и лучи солнца разбавили мрачную атмосферу спальни. В воздухе витало смешение ароматов розовой воды и ярко-желтых жонкилий³⁵², отдающих запахом цветков апельсинового дерева, с оттенками жасмина, туберозы и меда.

Фьора сидела перед громоздкой спеккьерой³⁵³ — туалетным столиком со старинным зеркалом в массивной резной раме из того же дерева, что и все остальные предметы мебели, — а ее камеристка ловко укладывала ей волосы, подкалывая шпильками с жемчужными головками спадающие на шею длинные локоны.

Для удобства Алессия зажала несколько шпилек губами, а когда дело с прической было закончено, сбросила их в подставное блюдечко бронзового бужуара³⁵⁴, стоящего на столике перед зеркалом. Они звякнули, нарушив умиротворенную тишину спальни. И сразу же вслед за этим раздался сухой, резкий, неприятный треск.

Фьора вздрогнула и устремила взгляд в зеркало, пытаясь разглядеть в нем лицо камеристки. Она его и увидела, испуганное, пораженное и... разрезанное пополам, потому что отражающее полотно разорвала глубокая трещина. Казалось, невидимая рука провела по стеклу алмазным пером³⁵⁵.

Алессия вскрикнула так громко, что Фьорелла вздрогнула:

— О, святая Мадонна, спаси и помилуй нас! — камеристка перекрестилась и прижала руки к побледневшему лицу, ее голос дрожал от ужаса. — Зеркало треснуло! Это знак! Дурной знак! Очень-очень дурной знак!

³⁵² Жонкилия или жонкиль (лат. *Narcissus jonquilla*) — один из видов нарциссов. Отличается от иных тем, что на одном цветоносе раскрываются пять — семь, а иногда и больше, цветков.

³⁵³ Спеккьера (итал. *specchièra*) — туалет; туалетный столик с зеркалом.

³⁵⁴ Бужуар (франц. *bougeoir*) — небольшой переносной ручной подсвечник-ночник для спальни. Обычно из бронзы с большой круглой чашкой внизу. Появился в XVIII веке. Иногда имеет маленькое колечко, чтобы продевать в него указательный палец.

³⁵⁵ Алмазное перо (итал. *penna di diamante*) — одно из названий стеклореза.

Фьора поднялась со стула и вновь бросила взгляд на зеркало. Трещина, как тонкий белый шрам, теперь разделяла пополам ее лицо. Алессия тут же одернула девушку за руку:

— Не смотрите туда! Ни в коем случае!

Фьорелла обернулась, слегка нахмутив изящные брови.

— Что вы такое говорите, Алессия? Что за глупости? — произнесла она, пытаясь сохранять спокойствие, но голос всё же дрогнул. — Зеркало — это обычное стекло. В этом случае старое стекло. Просто кончилось его время, вот и треснуло.

Камеристка вновь торопливо перекрестилась, но взгляд ее оставался прикован к трещине на зеркале:

— Синьорина Фьорелла, нет! Это не просто стекло! Зеркало отражает душу! Оно разбилось, когда вы в него смотрелись. Это значит... — она замолчала, будто боялась произнести страшные слова.

Фьорелла обернулась и попыталась взять женщину за руку, чтобы успокоить, но камеристка вырвала ее и зажала себе рот, словно пыталась таким образом удержать рвущиеся наружу предсказания.

Фьора решила улыбкой развеять страхи женщины, но у самой отчего-то по спине поползли холодящие мурашки.

— Не улыбайтесь, синьорина. Всё это очень серьезно, — одернула ее камеристка. — Трещина разорвала ваше отражение в зеркале. Это значит, что ваша душа теперь открыта, как рана! Любое зло теперь может проникнуть внутрь! Не зря умные люди говорят: «Кто смотрится в треснувшее зеркало, теряет свет своей души»³⁵⁶. Треснувшее зеркало — предупреждение: отныне вы уязвимы. Вам грозит опасность!

Фьорелла нахмурилась, ее взгляд снова обратился к зеркалу. Она протянула руку, чтобы коснуться трещины, но Алессия резко перехватила ее запястье.

— Не трогайте! Не касайтесь! Вы только усугубите беду! — почти выкрикнула она. — Трещина в зеркале — это разрыв с прошлым³⁵⁷. Она несет разлом сердца³⁵⁸.

Фьорелла вновь попыталась улыбнуться, но улыбка вышла очень натянутой.

— Алессия, вы слишком впечатлительны. Это обычное стекло, оно могло треснуть от сырости, от сухости, от времени, от старости... О боже, да у этого может быть сотня причин.

— Нет, синьорина! Зеркала так просто не ломаются! Это знак! Это проделки ведьмы Январы³⁵⁹, не иначе! Я чувствую ее присутствие... Вот сейчас... Словно холодный ветер прошелся по комнате. Она прокралась сюда, чтобы причинить вам зло. Зеркало треснуло неслучайно — это ее знак! Идите-ка сюда, — камеристка указала рукой на кресла в простенке между окнами, — я вам сейчас всё расскажу.

Когда они уселись, Алессия начала говорить, чуть понизив голос, будто боялась приманить рассказом еще больше нечистой силы.

— Января не простая ведьма, это — воплощение злобы и зависти, синьорина. Особенно она ненавидит красивых молоденьких девушек, таких как вы. Ее зависть как яд. Она насылает проклятия на тех, кто привлекает мужские взгляды. Говорят, что ее злость рождается из собственной уродливости. Января старая, мерзкая, с кожей, похожей на потрескавшуюся землю, и когтями, острыми, как у гарпии. Она не может вынести чужую красоту. Особенно ненавидит тех, кого любят, ведь ее саму не любит никто.

³⁵⁶ *Chi guarda 'nu specchio rotto, perde 'a luce da ll'anema* — неаполитанское поверье.

³⁵⁷ *Na crepa 'o specchio è 'na cesura 'e 'o passato* — неаполитанское поверье.

³⁵⁸ *Na crepa 'o specchio porta 'a rottura 'e 'o core* — неаполитанское поверье.

³⁵⁹ Января (итал. *Janara*) — ведьма из неаполитанского фольклора, известная своими проклятиями и зловредными чарами. Легенды о ней особенно популярны в регионе Кампания. Считалось, что она могла летать по ночам и насылать проклятия на тех, кому завидовала или кого ненавидела. Название происходит от лат. *ianua* — дверь, так как верили, что ведьма проникает в дома через щели дверей. Для защиты от нее люди иногда оставляли соль или амулеты у порога дома.

Я родом из Беневенто³⁶⁰, синьорина, и у нас про эту ведьму знают всё. Она часто появлялась в деревне по ночам. Однажды, когда я была еще девчонкой, мне приснилось, что задыхаюсь. Казалось, кто-то сдавил мою грудь, и я не могла ни вдохнуть, ни выдохнуть. Проснувшись, побежала к бабушке. Та взглянула на меня и сказала: «Это была Янара, девочка. Она прыгала на твоей груди, стараясь задушить тебя».

Женщины, на которых ведьма насылает проклятия, становятся бледными тенями самих себя — их красота увядает, как цветок, который обожгло морозом.

Алессия протяжно вздохнула.

— Я хорошо помню одну историю, синьорина. В нашей деревне жила девушка, такая прекрасная, что все мужчины теряли головы, увидев ее. Ее кожа была светлой, как лунный свет, волосы — как золото, а глаза — как два ясных озера. Но однажды она слегла, и никто не мог понять, что с ней происходит. У нее ничего не болело, но красота стала блекнуть, волосы тускнеть, а из глаз ушел блеск, сводивший с ума всех парней.

Моя бабушка пошла к ней в дом, а потом поведала нам с матерью, что перед тем, как всё это случилось, в доме той девушки треснуло зеркало. «Зеркало треснуло без человеческой руки — значит, в него гляделась Янара», — так тогда сказала моя Нонна³⁶¹. Ведьма оставляет в стекле след своей злой души, и с того часа оно приносит только беду. Спасения от такого проклятия нет, разве что разбить зеркало на мелкие куски и закопать их под черным деревом в самую черную, непроглядную ночь.

Алессия замолчала на миг, вновь мельком взглянула на треснувшее зеркало, а потом совершенно неожиданно легкая улыбка прокралась в уголки ее губ.

— А знаете что, синьорина, ведь у нас в деревне был способ бороться с этой нечистью. Чтобы уберечься от Янары, на дверь вешали мешочек с солью. Это настоящая и очень действенная защита. Говорят, соль, — это дар самой богини здоровья Салюс. Она хранит жизнь и отгоняет зло. Янара не может противиться искушению — ей обязательно нужно пересчитать каждую крупинку соли, прежде чем проникнуть в дом. Но это занятие требует слишком много времени: ночь проходит, и с первыми лучами солнца ведьма исчезает, спасаясь от света, который смертелен для нее.

Улыбка на губах камеристки стала чуть более явной.

— Я принесу вам защитный амулет — корничелло³⁶². Повесьте его у своей кровати, и Янара не сможет приблизиться к вам. Помимо этого, я прицеплю мешочек с солью на ручку двери вашей спальни. Думаю, это тоже поможет. А вы... Вы помолитесь, чтобы тень Янары ушла из ваших покоев.

Эта ведьма любит обитать там, где люди теряют себя в страсти и ненависти, где красота становится проклятием, а счастье — вызовом для темных сил. Янара явно хочет вам зла, хочет лишиться вашей души защиты. Не смотрите больше в это зеркало. Помните: трещина — это рана вашей души. Ведьма хочет, чтобы вы стали уязвимой, чтобы проклятие проникло в вас.

Алессия мягко коснулась руки девушки, ее пальцы были теплыми и успокаивающими. Женщина явно хотела передать частицу своей уверенности вместе с этим прикосновением.

³⁶⁰ Беневенто (итал. *Benevento*) — город в регионе Кампания, известный в итальянском фольклоре как «столица» ведьм. По легендам, именно здесь ведьмы (итал. *janare*) собирались по ночам под священным ореховым деревом (итал. *noce di Benevento*), чтобы устраивать шабаши. Миф о беневентских ведьмах восходит к языческим временам. Позднее церковь объявила эти собрания дьявольскими, и с XVI по XVIII век истории о ведьмах из Беневенто стали частью народных страшилок и суеверий на юге Италии.

³⁶¹ Нонна (итал. *nonna*) — бабушка.

³⁶² Корничелло (итал. *cornicello*, буквально — маленький рог) — традиционный итальянский амулет в форме изогнутого рога, обычно красного или золотого цвета. Считается, что он защищает от сглаза и проклятия, а также приносит удачу. Символ уходит корнями в древнеримские верования, где рог ассоциировался с силой, плодородием и мужской энергией. В Южной Италии, особенно в Кампании и Неаполе, амулет до сих пор широко используется как защитный оберег.

— Вы вот что, синьорина Фьорелла, — произнесла она тихо, но с той решительностью, которая обычно не терпит возражений. — Ступайте пока в столовую на завтрак, а я попрошу слуг убрать из спальни треснувшее зеркало. Его светлость князь с утра отбыл по делам, поэтому обращаюсь к его супруге, чтобы та дала распоряжение заменить зеркало в вашей комнате. Ну а с этим, треснувшим, я разберусь сама.

Фьорелла благодарно улыбнулась доброй и заботливой женщине. Радость ее была вызвана не столько обнадеживающими словами камеристки о судьбе злосчастного зеркала, сколько неожиданной свободой — впервые за полторы недели она может позволить себе позавтракать без пристального, липкого взгляда мужчины, которого подсознательно опасалась.

Князь никогда не повышал на нее голос, не делал резких движений, но его глаза... в них было что-то беспокоящее, проникающее слишком глубоко. Он умел смотреть так, будто раздвигал невидимые завесы. Пытался заглядывать туда, куда Фьора не хотела никого впускать. Этот взгляд был не просто внимательным — он был цепким, как колючая репейная головка, прилипшая к кружеву платья и не желавшая отцепиться.

Во время завтраков, обедов и ужинов Фьорелла чувствовала себя не гостьей за столом, а птицей в клетке, за которой наблюдают с холодным пристальным интересом. Даже когда князь молчал, его присутствие ощущалось почти физически: словно тяжелый камень наваливался на грудь и делалось трудно дышать. В такие минуты Фьора ловила себя на том, что все движения ее становятся крайне осмотрительными и осторожными, слова — сдержанными, а улыбка — натянутой.

И потому сегодня, когда она шла в столовую без опаски снова столкнуться за завтраком с прожигающим взглядом князя, шаги ее были легкими, почти летящими, а сердце билось свободно, как у человека, коему впервые за долгое время позволили расправить крылья.

Бодро постукивая каблучками по каменному полу, Фьорелла шла по коридорам палатчины, чувствуя, как утренний свет и запах свежее испеченного хлеба постепенно вытесняют из мыслей мрачный треск разбившегося зеркала.

* * *

После завтрака Фьора решила не возвращаться в выделенные ей покои. Кто знает, может, Алессия всё еще хлопочет там, избавляясь от проблемы. Вместо этого девушка направилась в библиотеку — тихое убежище, которое обнаружила в палатчине лишь недавно.

В первую неделю своего пребывания на вилле князя Фьорелла почти не покидала комнату, куда ее поселили. Она чувствовала себя чужой в этом доме и старалась не попадаться на глаза новому мужу тетки, подспудно ощущая, что любое невольное столкновение с ним может обернуться чем-то неприятным.

Лишь на следующий день после переезда сюда она решилась выйти в парк, раскинувшийся перед дворцом. Там ее встретил роскошный розарий — море бутонов и распустившихся цветов, аромат которых кружил голову и, вероятно, вдохновил когда-то прежних хозяев виллы дать ей название «Делле-Розе-ди-Позиллипо». Роса на лепестках искрилась на солнце, а легкий ветерок шевелил нежные стебли, создавая иллюзию живого шепота.

Но даже среди этой красоты Фьоре не удалось избавиться от ощущения слежки. Едва она подняла глаза, как заметила его светлость, стоящего за одним из многочисленных окон палатчины. Князь не просто смотрел — его взгляд был как крючок рыболова, не сомневающегося ни минуты: он не останется сегодня без улова.

Ощувив пробежавшую по телу волну холодающе-колких мурашек, Фьорелла поспешно отвернулась и почти бегом вернулась в дом. С того дня парк стал для нее запретной территорией. Прогулки среди роз, которые были хоть каким-то развлечением и утешением, преврати-

лись в напоминание о том, что даже вне стен палатчины она не свободна от пристального и крайне неприятного внимания.

В присутствии князя Фьорелле бессознательно хотелось сжаться в комочек, стать невидимкой, книжной молью, бестелесной тенью. Но она вынуждена была всякий раз спускаться к завтраку, обеду и ужину за общий стол. Его светлость редко смотрел на нее прямо, но у Фьоры было стойкое ощущение, что его глаза следуют за ней повсюду. Даже стоя к нему спиной (особенно спиной), она всем телом ощущала примагничивающий жаркий взгляд.

Фьорелла не была бесчувственной глупой дурочкой и интерес князя к своей персоне ощущала. Вот только природу этого интереса поначалу понять не могла. Точнее не так. Девушка пыталась ее интуитивно нащупать. Все взгляды его светлости были явно замешаны на голоде, который испытывает этот мужчина, и ей далеко не сразу пришло в голову, что именно она и есть причина этого голодного интереса. Под пристальными взглядами его светлости Фьора чувствовала себя совершенно раздетой. В интересе князя к ней было что-то темное и пугающее, глубинно-мужское, и именно оно вынуждало Фьореллу опускать взгляд и втягивать голову в плечи в присутствии теткиного супруга. Стоило только столкнуться своими глазами с его, как интуиция буквально вопила: «Опасность!»

И всё же Фьорелла старалась не гостить подолгу во владениях богини Мизерии³⁶³. Постепенно ей наскучило находиться в добровольном заточении, быть пленницей собственных страхов и сомнений. Она начала понемногу выходить из отведенных покоев — сначала осторожно, будто пробуя почву под ногами в болотной топи, а потом всё смелее, пользуясь редкими моментами, когда его светлость князь покидал виллу по многочисленным делам.

Фьора успела кое-что узнать о характере нового брака тети Лукреции. Ей было уже известно, что женитьба Алессандро Дамиано Филанджери Ла Фарина имела не романтический, а расчетливый подтекст. Князь намеревался поправить пошатнувшееся благосостояние своего рода, подточенное безрассудными тратами старшего брата.

Эта его цель ощущалась во всём. В просторных коридорах виллы то и дело встречались собранные, деловитые мужчины — поверенные, коих князь призвал для улаживания деловых дел. Их присутствие не могло остаться незамеченным. Тихие обсуждения возникающих проблем по углам... Шелест бумаг в их руках... Звон монет в денежных мешочках во время торопливого спуска по мраморным лестницам дворца... В воздухе буквально витал запах чернил, долговых обязательств и пропылившихся кампьюне³⁶⁴, а вместе с ними — ощущение, что за роскошной оболочкой виллы прячется напряженная борьба за спасение фамильного имени.

Во всей этой суете дворцовая библиотека казалась настоящим островком умиротворения. Здесь время словно замирало, а сама тишина имела вес и глубину: ее можно было черпать ладонями, как прохладную родниковую воду.

Фьора тянулась сюда почти инстинктивно. Для нее запах старых книг — смесь специфических ароматов пропылившейся кожи, переплетного клея и сухой бумаги — был ароматом детства. Отец, преподаватель античной литературы, древнегреческого и латинского языков, приучил ее видеть в книгах не просто страницы с картинками, а врата в мир Гомера и Вергилия, за которыми можно было услышать голоса героев, давно ушедших в легенды.

Каждая полка в этой библиотеке казалась ей причалом, к которому можно пристать, спасаясь от штормящего моря жизни вне ее стен. Здесь не ощущалась беспокоящих взглядов князя, не слышался шелест долговых бумаг, не витал запах напряжения и тревоги. Вместо этого рождалось волнующее предвкушение, ведь за каждым корешком тут скрывалось бескрайнее

³⁶³ Мизэрия (др. — греч. *Μιζέρια*, лат. *Miseria*) — в древнегреческой мифологии Ойзис — первостепенная богиня страдания, беспокойства и душевной подавленности. Ее имя в латинской форме дало начало современному слову *misery* — страдание. Поэт Гесиод считал ее дочерью богини ночи Нюкты. В античных представлениях Мизерия приходит в дома, чтобы поселить там тоску и внутреннюю смуту.

³⁶⁴ Кампьюне (итал. *campione*) — устар., счетная/расчетная книга.

море знаний и увлекательных историй, способное унести прочь от реальности, в безопасное и прекрасное место, где сердцу уютно и покойно.

Для Фьореллы библиотека была не просто комнатой — это было убежище, где она могла снова стать собой, дочерью ученого, а не пленницей чуждого и опасного дома. Здесь ее мысли расправляли крылья, а душа умиротворялась, находя утешение в строках древних авторов, которые умели говорить о вечном, пережив любое земное смятение.

Скользя кончиками пальцев по корешкам книг, тесно прижавшихся друг к другу на полках, уходящих ввысь, к самому потолку, Фьорелла ощутила внезапный, почти детский трепет в груди. Она вытянула наугад старинный том, почувствовав под пальцами приятную прохладу переплета, гладкость тисненой кожи, шероховатые следы времени на углах. Перелистнув несколько страниц, пожелтевших и хрупких, как засушенные листья, вдохнула сухой, чуть пряный аромат старой бумаги — запах ушедших в небытие лет, запах чужих мыслей, чужой жизни.

Вдруг в ее голове вспыхнула детская мысль: если одолеть все эти книги, смогут ли они дать ответы на вопросы, что рождаются в уме, в сердце, в самых тайных глубинах души?

И тут же, как молния, пришло осознание: книги пишут люди. Каждый из них — пленник собственных вопросов, тревог и непостижимых истин. Они берутся за перо не потому, что уже знают ответы, а потому что ищут их для себя. А это значит: нет в мире книги, способной удовлетворить все искания человека. Даже если собрать все книги мира, они не исчерпают бесконечный поток вопросов, ведь их рождает сама жизнь, бесконечная, переменчивая, как море, и куда более многообразная, чем истории, что успели запечатлеть перо и бумага.

Фьора мягко захлопнула том, и в ее воображении вспыхнул образ: книги — это звезды в бескрайнем небосводе познания, а сама жизнь — безбрежный космос, где звезд всегда меньше, чем той бездонной тьмы, что простирается между ними. И, возможно, именно в этой тьме и рождаются самые важные вопросы.

Внезапный прилив поэтического вдохновения вспыхнул в ней, как искра в сухом порохе, и Фьорелла почти бегом подошла к скриттой-ин-пье³⁶⁵ из темного палисандра, украшенного тонкой инкрустацией и бронзовыми накладками. Стол-конторка стоял у окна, так, чтобы пишущий мог использовать щедрый поток естественного света, струившийся сквозь стекло.

Она вытащила из полочки под столешницей чистый лист из аккуратной стопки, а из бронзового портапенне³⁶⁶, стоявшего на углу письменного набора, вынула гусиное перо. Торопливо обмакнув его в чернильницу, едва успела поднести перо к бумаге (страх упустить снизошедшее вдохновение подгонял ее движения), — и слова из нее полились так стремительно, словно их диктовал кто-то свыше. Она строчила буквы, связывала их в слова, иногда резко вымарывала неудачные эпитеты, тут же заменяя на более точные и звучные. Почерк был быстрым, чуть наклонным. Казалось, буквы летят вперед, пытаются опередить руку хозяйки.

Через какое-то время — меньше, чем можно было подумать, — новый сонет был готов. Бумага пятнила кляксами между строк и пахла не до конца просохшими чернилами, которые еще блестели на свету, но Фьора улыбалась, чувствуя удовлетворение. Осталось переписать стих набело в поэтический альбом, который, словно верный хранитель ее творческих тайн и откровений, терпеливо дожидался хозяйки в теперешних покоях.

Но вдруг боковое зрение уловило какое-то движение за распахнутой входной дверью. Звук знакомой твердой поступи подсказал: его светлость князь уже вернулся в палатцу и только что прошел по коридору мимо библиотеки. Фьорелла резко напряглась и не успела даже с

³⁶⁵ Скриттой-ин-пье (итал. *scrittoio in piedi*, буквально — письменный стол на ногах) — итальянское выражение, означающее «письменный стол для письма стоя». В XVIII веке такие столы или конторки использовались в библиотеках, канцеляриях и личных кабинетах. Они имели более высокие ножки и часто — наклонную рабочую поверхность, чтобы писать было удобно, не садясь.

³⁶⁶ Портапенне (итал. *portapenne*) — в Италии XVIII века — держатель для перьев, небольшой сосуд или подставка, предназначенный для хранения гусиных, лебединых или металлических перьев для письма.

облегчением выдохнуть, как мужчина вдруг отшагнул назад и заглянул вглубь помещения, где она находилась. Вероятно, его светлость не сразу ощутил присутствие человека в библиотеке и теперь решил убедиться, что зрение его не обмануло.

Фьора буквально похолодела, когда князь развернулся и уже неспешным, размеренным шагом вошел в пространство хранилища книг. Он приближался к ней, глядя пристально, практически не отрывая глаз от ее лица. Страхи, с недавних пор поселившиеся в душе, вспорхнули с насиженных мест, как птицы с родных гнезд при оглушительном выстреле. Сердце Фьореллы начало пропускать удары, так что звук шагов князя заметно опережал его биение.

У его светлости была одна особенность, которая приводила Фьору в невольный трепет. Он одним лишь взглядом, не подавая голоса, мог замораживать людей, вгонять их в ступор, превращать в каменные межевые столбы. Черные глаза с длинными густыми ресницами издали создавали эффект сурьмяной подводки, которую обычно делают молодящиеся женщины. А сами глаза... Казалось, из них смотрит адская бездна. Глядя в них, можно было поверить в утверждение, что некоторые люди могут убивать одним лишь взглядом.

Подойдя ближе, мужчина не поздоровался, а лишь негромко произнес:

— Выражение вашего лица буквально вопит, что вы увидели не меня, а самого Минотавра³⁶⁷.

Фьора решила промолчать, хотя вряд ли сейчас могла бы вымолвить хоть слово. Волнение в груди вдруг выместило все слова из ее головы.

Взгляд князя упал на исписанный лист бумаги, лежащий на поверхности скриттой.

— Что это у вас? Бильеду?³⁶⁸ — низкий голос с хриловато-рычащими нотками выразил подозрительное недовольство.

Фьорелла протянула руку, чтобы убрать исписанный лист бумаги со столешницы, но мужская рука ее опередила.

Князь встряхнул листок и пробежался по нему глазами с жестким, колючим прищуром. И снова цепкий взгляд рыбацким багром впился ей в кожу. Острый, пронзительный, пробирающий до самых костей. От этого взгляда Фьоре хотелось не просто прикрыться, хотелось между собой и мужчиной возвести крепостную стену, которую не только взгляд, стенобитное орудие не могло бы пробить.

Фьорелле с трудом удалось кадансировать³⁶⁹ сердце.

— Вы... могли бы... не смотреть на меня так? — с трудом и запинками вымолвила она.

— Так — это как? — густая бровь князя выгнулась дугой. — Вы считаете, что можете диктовать мне свою волю? Что вправе решать, куда мне можно смотреть, а куда нет? Вам напомнить, кто вы, а кто я?

Фьорелла, чуть отвернувшись, попыталась скрыть свою нервозность. Она опустила гусиное перо, которое всё еще держала в правой руке, в портапенне. Дрожавшие пальцы выдали ее эмоциональное напряжение.

Повернувшись лицом к князю, Фьора собрала с силами и тихо произнесла:

— Я... знаю, кто я. И теперь знаю, кто вы. Но это знание не отменяет моего права чувствовать себя расслабленно и спокойно. Возраст и титул не делают сердце их обладателя выше другого. А ваши взгляды... — Фьорелла на миг замолчала, словно подбирала слова, а потом более твердым голосом продолжила: — Они оставляют след на моем сердце, как порыв ветра на воде. А мне не хотелось бы, чтобы воды моей души всегда были в ряби.

³⁶⁷ Минотавр (др. — греч. *Μινώταυρος*, буквально — бык Миноса) — мифологическое существо с телом человека и головой быка. Жил в лабиринте на Крите, построенном по приказу царя Миноса. Каждые девять лет требовал человеческих жертв, пока не был убит греческим героем Тесеем. Минотавр символизировал страх и хаос.

³⁶⁸ Бильеду́ (франц. *billet doux*) — любовная записка, любовное письмо.

³⁶⁹ Кадансировать (от франц. *cadencer*, буквально — придавать ритмичность) — подчинять размеренному ритму, ритмизировать.

Князь хмыкнул и недовольно дернул губами, но ответная его реплика прозвучала уже другим, более мягким тоном и совсем не о том, что Фьора предполагала:

— Насколько я знаю, ваша тетка отправилась в вояж по модным лавкам. Почему не составили ей компанию? Я думал, синьорины в вашем возрасте с большой охотой покупают кружева, ленты, багатели³⁷⁰, одним словом, все эти балочки³⁷¹. Возвращаясь домой, был уверен, что не застаю вас обеих. И вот... Что я вижу? Вместо того, чтобы прошвырнуться с родственницей по магазинам модисток, вы сидите в пыльной библиотеке. Не я один, многие умы считают женщин и книги несовместимыми понятиями. Помнится, Себастьян Брант³⁷² в «Корабле дураков» писал: *«Ein Weib mit einem Buch ist wie ein Kind mit einem Schwert. — Женщина с книгой — как ребенок с мечом»*. Как видите, он считал ученую женщину — опасной женщиной.

Фьорелла, привыкшая к подобным умственным спорам и дискуссиям с отцом, немного расслабилась и оживилась:

— Себастьян Брант свой «Корабль дураков» написал два с лишним века назад. С тех пор многое изменилось. К примеру, мой отец считал ученость женщин не роскошью, а необходимостью. Он говорил, что образование женщин — основа формирования нравов мужчин. «Умная женщина воспитывает умных детей и создает умное общество», — такими были его слова. И они мне гораздо ближе, чем женоненавистническая позиция Себастьяна Бранта. Так что вряд ли стоит удивляться тому, что, оказавшись в старинной библиотеке, где столь много антиквитетов³⁷³, я с жадностью путника в пустыне стала выискивать книги, которые хотелось бы прочесть.

Фьорелла на миг замолчала, обводя глазами устремляющиеся к потолку стеллажи с книгами, а потом заговорила вновь:

— Я очень люблю поэзию... — ее голос стал тише, именно таким обычно признаются в самом сокровенном. — А здесь... здесь столько чудесных книг, что я чувствую себя маленьким ребенком, который вдруг очутился в лавке игрушек. Только это не игрушки — это рифмы, размеры, яркие образы, красивые метафоры... поэтические миры, заключенные в переплет.

Фьорелла с удивлением заметила, что уголки губ князя чуть дрогнули.

— Но вы, как я вижу, не только читаете стихи, но и пишете их.

Он встряхнул и расправил в руке исписанный и исчерканный лист бумаги и неожиданно для Фьоры стал читать написанный ею сонет вслух:

*Средь тысяч книг библиотеки старой,
В тиши густой, как утренний туман,
Ищу ответ, подвластный тем умам,
Что с вечностью своим делились даром.*

*Но вдруг пронзает мысль мое сознание,
Неся с собой вопрос, а не благую весть:
Что если в мире книги все прочесть?
Ответ найду к загадкам мирозданья?*

³⁷⁰ Багател (итал. *bagatella*, франц. *bagatelle*) — безделица, безделушка. Галантерейная вещь, предмет туалета.

³⁷¹ Балочки (итал. *balocchi*, множ. число от *balocco*) — игрушки, потехи; то, что развлекает и забавляет.

³⁷² Себастьян Брант (1458–1521) — немецкий сатирик, автор сатирического произведения «Корабль дураков», прозаик, поэт, юрист, доктор обоих прав. В оригинале мысль встречается в главе *Schulweisheit der Weiber* («Ученость женщин»), где автор иронизирует над тем, что «чрезмерная ученость» для женщины столь же опасна, как оружие в руках ребенка [*Sebastian Brant, Das Narrenschiff, Basel, 1494*].

³⁷³ Антиквитет (нем. *Antiquität*, итал. *antichità* < лат. *antiquitas*) — любая древняя вещь: монета, книга и т. д.

*И вот старинный том уже в руках,
Тяжелый и прохладно-безразличный.
Какие тайны спрятаны в строках?*

*Однако шепчет голос разума логичный,
Что книги — россыпь звезд на небесах,
А жизнь — Вселенной космос безграничный³⁷⁴.*

Пока князь читал, Фьорелла, пользуясь случаем, попыталась хорошенько разглядеть его самого. На вид мужчина был живым воплощением адского искушения — эдакий Грех во плоти. Казалось, если бы у Люцифера был сын, он выглядел бы именно так: властный, опасный и притягательный одновременно.

У князя была весьма запоминающаяся внешность: внутренняя сила этого мужчины проявлялась в хищной красоте. Массивный, словно высеченный из камня, рельефный лоб придавал лицу суровую выразительность. Широко расставленные темные глаза, острые и пронизывающие, привычно буравили собеседника насквозь, вводя его в состояние беспомощности, растерянности и смятенности. Высокие, точеные скулы, прямой нос с чуть расширенными ноздрями и квадратный подбородок придавали облику несгибаемую решимость. Черты были рублеными, как геральдические линии на боевом щите.

В целом о внешности князя можно было сказать так: у него мускулистое лицо человека сильного духом, борца за идею, готового стоять на своем до конца. Общее впечатление дополняли длинные, чуть ниже плеч, густые темные волосы, чуть посеребренные у висков — знак прожитых лет и пройденных битв. Князь чаще носил их распущенными, позволяя прядям свободно ниспадать на плечи и спину, и лишь изредка собирал в низкий хвост, что лишь усиливало его сходство с героями старинных средневековых баллад и рыцарских романов.

Как только мужчина оторвал взгляд от бумаги, Фьорелла тут же прекратила беззастенчивое разглядывание.

— Что ж, признаю, вы умеете играть в слова.

— Играть в слова? Вы называете поэзию игрой в слова?

— А вы нет?

— Конечно же, нет! Поэзия превращает слова в музыку, наполняя их при этом многогранным, многослойным смыслом.

Лицо князя впервые со времени знакомства Фьоры с ним озарила ироничная ухмылка.

— О, да... Высокий слог... Эфемерные метафоры... Элегантные эвфемизмы. В чем в чем, а в этом, вам, поэтам, нет равных. Кто, как не вы, глаза обязательно назовете «зеркалами души», нос — «дверью в мозг», уши — «вратами понимания», а ноги — «бездушными страдалцами». Это только у вас язык может быть то «шалуном», то «толкователем души». Только вы молчащие губы нарекете «безмолвными стражами слов», а усердно болтающие — «трудолюбивыми слугами ума». Это для вас слезы будут не сыростью на лице, а «жемчужинами светлой печали» или «дочерьми боли и радости». Обычную деревянную кровать вы непременно окрестите «империей Морфея», ночь — «богиней теней», «матерью тишины», а сон — «отцом метаморфоз», «посланцем богов» или «чародеем без чар».

Князь потряс сонетом Фьореллы:

— Простой листок бумаги вы станете величать «молчаливым толкователем сердец» или «некраснеющим нахалом».

³⁷⁴ Сонет Марии Солдатовой.

Он стянул с полки книгу, которую Фьора раньше рассматривала, и выпалил:

— Романы для вас обязательно станут «сладкими лжецами».

Отшвырнул книгу на каминную полку и указал рукой на камин:

— Для простого очага подберете какое-нибудь заковыристое выражение, наподобие «огненный трон бога Вулкана», а для мантиче³⁷⁵... — мужчина указал пальцем на мехи, с помощью которых раздувают огонь в камине — что-нибудь еще более заковыристое, типа «маленький домик Эола³⁷⁶» или «уютная норка Фавония³⁷⁷».

Замолчав на мгновение, князь прочесал со лба назад пальцами волосы, а потом продолжил уже не так эмоционально:

— Нас, моряков вы обязательно назовете «подданными Нептуна». Вы даже для носильщиков портантины³⁷⁸

³⁷⁵ Мантиче (итал. *mantice*) — сильфён, мехи, устройство для раздувания огня.

³⁷⁶ Эёл (др. — греч. *Αἰόλος*) — персонаж древнегреческой мифологии, повелитель ветров, полубог.

³⁷⁷ Фавоний (лат. *Favonius*) — приятный весенний дневной ветер в Риме. У греков был известен как Зефир.

³⁷⁸ Портантина (итал. *portantina*) — паланкин, портшез.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.